

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ:
К 85-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗАМИРА КУРБАНОВИЧА ТАРЛАНОВА**

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
В748

*Издается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Маркова, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Петрозаводского государственного университета;
Н. В. Пушкарева, доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. Н. Акимова, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации Государственного института русского языка
им. А. С. Пушкина (Москва)

Ответственные редакторы:

Н. В. Патронева, доктор филологических наук, профессор;
А. А. Лебедев, кандидат филологических наук

В748

Вопросы русской грамматики и исторической стилистики: к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации Замира Курбановича Тарланова : коллективная монография [Электронный ресурс] / [О. А. Волошина, Д. Г. Демидов, В. П. Казаков, А. А. Лебедев (отв. ред.), И. Г. Милославский, О. В. Никитин, Н. В. Патронева (отв. ред.), Е. В. Петрухина, Д. В. Руднев, Т. С. Садова, О. А. Черепанова, В. Д. Черняк, Т. В. Шмелева] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см. — Систем. требования : PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Windows, MAC OSX ; 256 Мб ; видеосистема : разрешение экрана 800 × 600 и выше ; графический ускоритель (опционально) ; мышь или другое аналогичное устройство. — Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-8021-3854-0

В издании рассматриваются вопросы, связанные с проблемами грамматики, русского исторического синтаксиса, языка русской художественной литературы. Особое внимание уделяется творческому наследию выдающегося российского лингвиста Замира Курбановича Тарланова.

Адресуется специалистам в области синтаксиса русского языка, преподавателям, аспирантам и студентам филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-8021-3854-0

© Патронева Н. В., составление, 2021
© Петрозаводский государственный университет, 2021

Тарланов Замир Курбанович

Автор более 300 научных трудов, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (1975—2011), профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1996) и Карельской АССР (1971), член Совета по филологии и Научно-технического совета по русскому языку при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР (1975—1988), Советов по русскому языку при Президенте РФ (1996—1997) и Правительстве РФ (1999—2004), Союза писателей РФ, Американского общества изучения русского и восточноевропейского фольклора, международной редколлегии ежегодника «Стил» (Белград), редколлегии журнала «Север» (Петрозаводск, Республика Карелия), правления РОПРЯЛ (2000—2005), председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988—2003), лауреат Государственной премии Республики Дагестан за исследования в области дагестанских языков (2009).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.

Выдающийся исследователь исторического синтаксиса,

языка русского фольклора и кавказских языков Замир Курбанович Тарланов (*Н. В. Патроева*) 5

1. Исторический синтаксис русского литературного языка 7

Петрухина Е. В. Интерпретация возвратных неагентивных конструкций

и историческая память русского языка 7

Руднев Д. В. Употребление притяжательного прилагательного и родительного
принадлежности в середине XVIII века (на материале «Древней российской истории»

М. В. Ломоносова)..... 13

2. Спорные вопросы грамматической теории 19

Милославский И. Г. О преодолении разночтений в осмыслении основных понятий

морфемики и словообразования русского языка 19

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис в свете потребностей

современной русистики 25

Патроева Н. В. К проблеме синтаксических категорий в грамматической системе

русского языка 30

Демидов Д. Г. Словосочетание *(по)чувствовать* (какую) *радость*

как один из способов выражения категории волеизъявления 36

3. Историческая стилистика русского языка.

Язык фольклора и произведений русской художественной литературы 41

Черепанова О. А. Прозопея и средства ее выражения в русских заклинаниях

и заговорах 41

Садова Т. С. Язык военных уставов Петровского времени 45

Черняк В. Д. Русская классика как объект языковой рефлексии

в новейшей отечественной прозе 53

Казаков В. П. Переключение речевых регистров в предложениях со вставными

конструкциями (в романе *Е. Г. Водолазкина «Авиатор»*)..... 58

4. История русского языкознания 63

Волошина О. А. Принципы описания методов лингвистического анализа

в учебниках для студентов-филологов (об учебном пособии *З. К. Тарланова*

«Методы и принципы лингвистического анализа») 63

Никитин О. В. Славист-просветитель XIX века:

об *Александре Федоровиче Гильфердинге*..... 68

Библиография основных научных трудов *З. К. Тарланова* (сост. *А. А. Лебедев*)..... 74

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА, ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА И КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

11 марта 2021 года исполнилось 85 лет со дня рождения основателя научно-педагогической школы «Русский язык в его развитии и функционировании», заведующего кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (1975—2011), доктора филологических наук, профессора **Замира Курбановича Тарланова**. Под его руководством на кафедре велась активная подготовка научно-педагогических кадров, защищались докторские и кандидатские диссертации, проводились международные и всероссийские конференции, периодически издавался межвузовский научный сборник «Язык (жанров) русского фольклора» (с 1977 года вышло 15 выпусков). Другие важнейшие направления исследований на кафедре охватывали синхронное и диахроническое изучение лексики и синтаксиса русского языка, исторической стилистики, этнолингвистики, вопросов русской речевой культуры.

Замир Курбанович Тарланов родился в высокогорном живописном селе Буркихан Агульского района Дагестана 11 марта 1936 года. Отец был призван в армию с началом Великой Отечественной войны, пропал без вести. Замир Курбанович воспитывался матерью, которая после войны осталась с четырьмя детьми, старшему из которых было девять лет. С отличием окончил семилетнюю школу в родном ауле и поэтому без экзаменов был принят в Дербентское педагогическое училище. В 1955 году также с отличием окончил педагогическое училище. Студенческие годы прошли на историко-филологическом факультете Дагестанского университета. Затем Замир Курбанович успешно учился в аспирантуре Ленинградского государственного университета, по окончании которой в 1964 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII века (по материалам басен и комедий)». Докторскую диссертацию на тему «Синтаксис русских пословиц» Замир Тарланов защитил также в ЛГУ в 1970 году в возрасте 34 лет!

С 1963 года Замир Курбанович живет и работает в г. Петрозаводске: сначала (в 1964—1975 годах) заведующим кафедрой русского языка в Карельском педагогическом институте, затем (до 2011 года) заведующим кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета. Все эти годы З. К. Тарланов не забывал о своей малой родине, навещая мать, односельчан, часто вместе со своими родными — женой, профессором, доктором филологических наук, широко известным специалистом в области палеорусистики, Лидией Владимировной Савельевой и сыном, доктором филологических наук, профессором, полиглотом, автором замечательных книг и статей, посвященных Серебряному веку русской литературы, Евгением Замировичем Тарлановым.

Замир Тарланов — постоянный участник международных, всероссийских и региональных научных конференций в академических учреждениях и вузах России, в университетах Германии, Финляндии, Венгрии, Польши, Австрии. Кроме того, З. К. Тарланов неоднократно возглавлял государственные экзаменационные комиссии в ведущих вузах страны, особенно часто приглашают его родные Дагестанский и Ленинградский университеты.

Деятельная натура З. К. Тарланова служит для его коллег примером неугасающего интереса к лингвистическим разысканиям. Историк русского синтаксиса, специалист в области общего языкознания, фольклористики, стилистики художественного текста и кавказоведения, пропагандист русской речевой культуры, профессор Тарланов, удостоенный за свои заслуги званий заслуженного деятеля науки России, почетного работника высшего профессионального образования РФ, медалей К. Ушинского и «За доблестный труд», Государственной премии Республики Дагестан.

Замир Курбанович — ученый с мировым именем: широкую известность в отечественном и международном научном сообществе получили его выполненные на высшем уровне профессионального мастерства монографии, учебники, статьи и выступления на страницах авторитетных русских и зарубежных академических изданий. Вклад З. К. Тарланова в развитие русской филологической науки и в воспитание нескольких поколений студентов трудно переоценить. И сегодня юбиляр полон творческих сил, у него много научных планов, поэтому на его рабочем столе всегда лежат рукописи будущих статей и книг.

К знаменательной дате коллеги и ученики дарят прославленному юбиляру вместе со словами благодарности и уважения, пожеланиями здоровья и творческого долголетия эту книгу.

Н. В. Патроева
Петрозаводский государственный университет

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Петрухина Елена Васильевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОЗВРАТНЫХ НЕАГЕНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование различных номинаций одного и того же фрагмента действительности в соотношении с содержательной структурой использующихся языковых единиц требует учитывать культурно-историческую мотивацию их значения, т. е. историческую память¹ языка. Данное требование наиболее последовательно выполняется при изучении истории слов². Но оно является важным и при анализе языковых конструкций, о чем и пойдет речь в данном разделе. Будет рассмотрена значимость диахронического исследования безличных и других типов односоставных предложений, проведенного З. К. Тарлановым³, для их концептуального анализа в современном русском языке.

Семантика безличных предложений в русском языке трактуется в терминах неконтролируемости⁴, инволютивности⁵, неагентивности⁶. В данной статье рассматривается один тип безличных предложений — возвратные конструкции с дативным субъектом (выраженным эксплицитно или имплицитно), описывающие действия человека. При этом мы используем термины «агентивность» и «неагентивность».

Агентивность выступает как обязательное условие контролируемости действия, при этом «Агенс — это такой участник X, которому соответствует компонент ‘X действовал (с Целью)’»⁷. Агентивный Субъект представлен как производитель действия, обладающий волей, сознанием и разумом, который действует осознанно, контролируя свои действия. Данный участник ситуации в предложении обычно занимает позицию подлежащего и выражается именем в форме именительного падежа. Дативная форма имени Субъекта связана с ролью Эксперимента⁸, т. е. носителя признака и состояния или Субъекта восприятия.

В зависимости от лексического значения возвратного глагола (или возвратной формы) в конструкциях с дативным Субъектом-Экспериментом выражается в той или иной степени

¹ Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов : докл. рос. делегации. М. : ИНДРИК, 1998. С. 26.

² Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007; Петрухина Е. В. Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 12—22; Петрухина Е. В. История слов *жить*, *жизнь*, *житие* и концепт ‘жизнь’ в русском языке // Когнитивные исследования языка. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. 2015. Т. 23. С. 325—341.

³ Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филол. науки. 1998. № 5—6; Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.

⁴ Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 68; Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур. 2006. С. 36—39.

⁵ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., С. 110.

⁶ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 34.

⁷ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 429.

⁸ Падучева Е. В. Там же.

неконтролируемость ситуации, прежде всего при обозначении: 1) произвольных ментальных или эмоциональных процессов и состояний, а также разных типов спонтанного восприятия (*Все о нем думалось. Ему снится Москва. Брату вспомнилась бабушка. Мне послышался крик*); 2) вынужденных действий и модальных отношений (*Нам пришлось подчиниться. Не удалось дозвониться до соседа. Андрею повезло туда попасть*); 3) непостижимой способности или неспособности что-то делать (*Мне здесь хорошо пишется / Мне здесь не работается*) и др.⁹

Как известно, в русистике на рубеже веков активно обсуждалась и дискутировалась концептуальная значимость данных конструкций. Дискуссия была вызвана работами А. Вежбицкой, включившей выражаемую такими конструкциями неагентивность в набор ключевых концептов русской языковой картины мира (ЯКМ) (ср.: эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали), отражающих, по мнению А. Вежбицкой, специфику русского национального общественного опыта. В данной концептуальной системе большое значение придается именно неагентивности, поэтому все языки делятся на: 1) выражающие агентивную (с точки зрения того, «что делаю я») и 2) пациентивную (с точки зрения того, «что случается со мной») ориентации. Для пациентивной ориентации характерны «предложения, субъект которых (в форме датива) представлен как не контролирующий происходящие события». Неагентивность определяется как «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена». Неагентивность предполагает недостаточную «выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий»¹⁰.

Как известно, такая концептуальная трактовка предложений с дативным субъектом вызвала острую критику многих лингвистов¹¹. Наиболее убедительным нам представляется критический анализ теории А. Вежбицкой, проведенный З. К. Тарлановым, опирающимся на исторические факты формирования и развития разных типов простого предложения в русском языке, как односоставных, так и двусоставных. На большом языковом материале было убедительно показано, что в русском языке «историко-генетически первичны агентивные предложения»¹², тогда как безличные предложения сформировались позже. Активизация их образования и употребления как «наиболее динамичной части синтаксического строя русского языка» отмечена с XIV века. Безличное предложение как тип синтаксической структуры, по мнению З. К. Тарланова, свидетельствует о развитии абстрактного мышления, т. к. «реалистично представляет... признак, отвлеченный от субстанции»¹³. К XVII веку отмечается рост экспансии безличных конструкций, поддержанный изменениями как в системе простых предложений, так и в морфологической системе. Большое значение, в частности, имело возникновение «новых грамматических категорий, благоприятствовавших распространению безличности (например, категории залога)»¹⁴. При этом в текстах древнерусских памятников письменности безличные возвратные конструкции сначала выражали только стихийные природные процессы, а впоследствии, начиная с XV—XVII веков получили распространение и при обозначении человеческой деятельности. Глагольные модели с дативным субъектом типа *Мне не работается* активно формировались в XVIII — первой половине XIX века¹⁵.

⁹ Петрухина Е. В., Юйе Шэнь. Состав, семантика и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке (на материале Национального корпуса) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2019. № 2. С. 50—62.

¹⁰ Вежбицкая А. Цит. соч. С. 34.

¹¹ См.: Золотова Г. А. Понятие личности / безличности и его интерпретации // Russian Linguistics. 2000. Vol. 24, № 2. С. 103—115; Keijsper C. Typically Russian // Russian linguistics. 2004. Vol. 28, № 2; Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии.

¹² Тарланов З. К. Цит. соч. С. 9.

¹³ Тарланов З. К. Цит. соч. С. 88.

¹⁴ Тарланов З. К. Цит. соч. С. 162.

¹⁵ Шведова Н. Ю. Изменения в системе безличных предложений // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М. : Наука, 1964. С. 267—275.

Тем не менее безличные предложения, получившие в русском языке с XV—XVI веков массовое распространение, не приобрели абсолютного господства в русском синтаксисе¹⁶.

Наш анализ частотности безличных возвратных глаголов и форм в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, время обращения — январь 2020 года) подтвердил выводы З. К. Тарланова, сделанные на основе диахронических исследований. Сопоставление частотности синонимичных личных и однокоренных возвратных безличных глаголов желания, восприятия, памяти и других ментальных процессов выявляет господство в НКРЯ личных глаголов, употребляющихся в агентивных конструкциях. Об этом свидетельствует, в частности, приводимая ниже таблица.

Глагол	Частотность глагола в НКРЯ во всех формах
Хотеть Хотеться	512 566 82 053
Захотеть Захотеться	23 368 10 238
Помнить Помниться	104 634 4 945
Вспомнить Вспомниться	61 754 5 293

Показателен с этой точки зрения также анализ частности безличных возвратных форм, которые употребляются в конструкциях типа *Мне (хорошо) работается / Мне не работается*. По Ю. Д. Апресяну, данная конструкция выражает внутреннюю предрасположенность к действию, «неподконтрольность ситуации субъекту и неопределенность той силы, которая является причиной наблюдаемого положения вещей»¹⁷. Многие лингвисты занимают сходную позицию в интерпретации подобных конструкций¹⁸. Наиболее частотными безличными словоформами (число употреблений которых в НКРЯ превышает 250) являются следующие: *живется* — 1773 и *жилось* — 1521 (все формы: 3338), *спится* 875 и *спалось* 911 (все формы: 1797), *работается* 260 и *работалось* 272 (все формы: 558), *мечталось* 423 и *мечтается* 98 (все формы: 532)¹⁹. Но и здесь частотность приведенных возвратных и однокоренных невозвратных форм несопоставима: глагол *жить* во всех невозвратных формах в НКРЯ употреблен 265570 раз, *спать* — 84833, *работать* — 141898, *мечтать* — 21191 раз.

Даже этот небольшой материал свидетельствует о том, что в современном русском языке безличные модальные, ментальные и эмотивные глаголы (типа *хотеться, слышаться, помниться, думаться*) существенно уступают употребительности однокоренных невозвратных личных глаголов (*хотеть, слышать, помнить, думать*). Еще реже встречаются возвратные безличные формы глаголов деятельности и состояния (в сравнении с соответствующими личными невозвратными формами).

¹⁶ Тарланов З. К. Цит. соч. С. 8.

¹⁷ Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 37—39.

¹⁸ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 67; Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 298; Фичи Ф. Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык : сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2010. С. 645—652.

¹⁹ Наибольшей частотностью данные формы обладают в настоящем и прошедшем времени, редко употребляются формы аналитического будущего, а возвратный инфинитив вне аналитической формы будущего практически не представлен, что и склоняет нас трактовать данные формы как безличные возвратные формы личных глаголов, а не безличные глаголы, подробнее см.: Петрухина Е. В., Юйе Шэнь. Безличные возвратные формы глаголов в современном русском языке: семантика, частотность и производность // Вестник Башкирского университета. Уфа, 20196. № 2. С. 439—445.

Глаголы типа *хотеть* и *хотеться* могут быть взаимозаменяемы. Например, в следующих предложениях (почерпнутых из НКРЯ) возвратный глагол *хотеться* может быть заменен синонимичным глаголом *хотеть* — семантическая разница между ними невелика (особенно в том случае, когда выражена или возможна аргументация желания): *Я три года пробыл в Америке, но мне там жить не хочется* («Известия». 2002.05.21) (ср.: ...но жить там я не хочу). *Поэтому и вы тоже решили вернуться к родным пенатам? — Хочется тишины и покоя* («Известия». 2002.08.14) (ср.: *Я хочу тишины и покоя*). Но в некоторых случаях такая замена маловероятна, особенно когда речь идет о неосознанном желании, которое часто подчеркивается неопределенным местоименным наречием *почему-то*: *Каждый раз после него хочется плакать и немедленно влюбиться* («Домовой». 2002.06.04). *Ты не видишь звезд? Ему хотелось почему-то увидеть звезды* (Ю. Казаков. В тумане, 1959). В целом же реальность выбора личных и безличных глаголов и форм при обозначении одной и той же ситуации усиливает выразительность русской речи, делает возможным передачу тонких нюансов настроения.

Замена безличной формы (типа *работается*) на личную (*работаю... работаете*) еще в большей степени затруднительна, прежде всего потому что формы типа *работается / работалось* (в отличие от форм *работаю, работал*) передают дополнительный смысл: настроение и внутреннее состояние деятеля, его расположенность или нерасположенность к деятельности. Безличные формы часто употребляются в вопросах с *как*: *Как живет и работает в Европе?* (С. Данилюк. Бизнес-класс, 2003) (употребление форм *живете* и *работаете* в таких контекстах меняет смысл вопроса). В следующем предложении, в котором выражается переменчивость настроения Субъекта, замена безличных форм личными также затруднительна: *Работалось и не работалось Любе в тот день...* (В. Шукшин. Калина красная, 1973).

Известно, что подобные конструкции широко употребляются в произведениях Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Шмелева и других русских писателей. Так, Н. Д. Арутюнова показала, что «все эти и другие средства обозначения неконтролируемых действий широко представлены у Достоевского. Даже тогда, когда речь идет о неподконтрольных состояниях психики, значение минус-контроль подчеркивается: Ему [Ивану Карамазову] *начало чувствоваться* (вместо *он почувствовал*. — Н. А.), что он хочет побега не для того только, чтобы пожертвовать тридцать тысяч и заживить царапину, а и почему-то другому»²⁰. Подобные возвратные глаголы и формы активно участвуют в создании тонкого психологизма в прозе А. П. Чехова, когда описываются смутные, неосознанные или полуосознанные настроения героев, ср.: *Дышалось глубоко и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать* (А. П. Чехов. Невеста).

Н. Д. Арутюнова так сформулировала концептуальную значимость конструкций типа *Ему (не) работается*: «Рассмотренная конструкция отражает определенную жизненную позицию человека — его стремление согласовывать свои действия с течением жизни: жить, как живет, делать то, что делается, стрелять, когда стреляется, пить, когда пьется, не строить, когда не строится, не думать, когда не думается». «Такое употребление не означает, что действия осуществляются произвольно, неосознанно или непреднамеренно. Речь идет лишь о том, что человек вовлечен в некоторую форму жизни и действует в согласии с ней»²¹.

Ответ на вопрос, в какую же форму жизни был вовлечен русский человек в то время, когда было зафиксировано массовое распространение анализируемых конструкций, можно найти в словах историка и писателя В. Бахревского, которые приводит Н. Д. Арутюнова: «Всякое дело русский человек начинал с молитвы, а помолясь, *жил, как живет, строил* и сокрушал... как в груди *пыхнется*. Народ, живущий сердцем, — народ жизненной стихии»

²⁰ Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика, стилистика, языки и культура. М., 1996. С. 61.

²¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 796.

(В. Бахревский)²². В этой цитате отметим не только глагольные формы, о которых шла речь (*жил, как живется*), но и утверждение того, что каждое дело русский человек начинал с молитвы. В связи с данным утверждением мы высказываем следующую гипотезу: формирование семантики возвратных конструкций с дативным субъектом (прежде всего таких, как *жилось, работается*) может быть связано с христианской идеей упования на Бога. «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Псалом, 54:23). «...Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Евангелие от Матфея, 6:34). Конечно, возникает естественный вопрос: «Как же жить-то? Надо есть, пить, одеваться. Но Спаситель не говорит: ничего не делайте, а “не заботьтесь”. Не томите себя этой заботой, которая съедает вас и день и ночь и не дает вам покоя ни на минуту»²³.

Анализ взаимодействия древнерусского и церковнославянского языков свидетельствует о «глубинном влиянии» сакрального церковнославянского языка «на формирование духовно-нравственных ориентиров языка русской культуры»²⁴. По данным древнерусской письменности, как показала Т. И. Вендина, русская культура и языковая картина мира в Средние века были теоцентрические. Поэтому можно предположить, что средневековый человек был вовлечен во вполне определенную форму жизни — христианскую, и действовал в согласии с ней, уповая на Бога и в Нем видя «контролера» событий и всей своей жизни.

В современной русской ЯКМ, которая после длительной секуляризации определяется в целом как светская и материалистическая, сохранившиеся и укрепившиеся безличные возвратные конструкции с дативным субъектом наполнились другим содержанием, которое вызывает неиссякаемый интерес лингвистов. Некоторые трактовки были рассмотрены выше, но они не исчерпывают все встречающиеся толкования, ср. еще такие: ‘события просто «случаются» в жизни человека и он не несет за них ответственности»²⁵, ‘Субъект «примиряется со своим положением, которое возникло не по его воле»»²⁶.

По мнению В. И. Абаева, чьи ранние работы²⁷ в начале XXI века пережили второе рождение²⁸, изменение семантики языковых единиц в диахронии, как правило, связано с утратой мировоззренческого, «идеологического» значения, но с сохранением денотативного, «технического». При этом «идеологический» компонент трактуется как часть мировоззренческой системы языка в данный период его существования, т. е. как часть ЯКМ. Субъективные идеологические представления, настроения и ассоциации «обусловлены состоянием сознания и опыта людей данной эпохи и данной общественной среды и, следовательно, так же неустойчивы и преходящи, как всякие другие формы идеологии»²⁹.

Наша гипотеза представляет собой трактовку лишь одной концептуальной составляющей возвратных конструкций с дативным субъектом, есть целый ряд и других. Так, З. К. Тарланов считает, что феномен «устранения» субъекта-агенса в подобных конструкциях свидетельствует о чуждости для русской ЯКМ эгоцентризма и индивидуализма³⁰. Само наличие и активное употребление в русском языке большого и разнообразного класса возвратных конструкций с дативным субъектом, выражающих разные типы неконтролируемости и спонтанности, а также других типов безличных предложений, по З. К. Тарланову, «не

²² Там же.

²³ *Епископ Феофан Затворник*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1890. С. 164—165.

²⁴ *Вендина Т. И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 307—327.

²⁵ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. С. 69.

²⁶ *Гиро-Вебер М. К.* вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания. М., 1979. № 6. С. 69.

²⁷ *Абаев В. И.* Язык как идеология и язык как техника. Язык и мышление. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 33—54; *Абаев В. И.* Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 13—28.

²⁸ См. *Николаева Т. М.* Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре. К 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 591—607.

²⁹ *Абаев В. И.* Язык как идеология и язык как техника... С. 37.

³⁰ *Тарланов З. К.* Становление типологии... С. 107.

может не рассматриваться как одно из ярких проявлений русской национальной ментальности с ее склонностью к абстрагированию от “проклятого быта”, приверженностью к идеализации отдельного, одухотворению, верой в будущее, культом авось и лояльностью по отношению к мистике»³¹.

Важным считаем вывод, подкрепленный диахроническим материалом, о естественном взаимном дополнении агентивных и пациентивных предложений в русском синтаксисе, что обеспечивает говорящему свободу в выборе модуса, в наибольшей степени соответствующего его «намерениям, предмету и конситуации речи»³². Наше исследование образования, семантики и употребления возвратных конструкций с дативным субъектом в современном русском языке подтверждает данный вывод³³.

³¹ *Тарланов З. К.* Цит. соч. С. 104.

³² *Тарланов З. К.* Цит. соч. С. 194.

³³ *Петрухина Е. В., Юйе Шэнь.* Состав, семантика и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке. С. 50—62; *Петрухина Е. В., Юйе Шэнь.* Безличные возвратные формы глаголов в современном русском языке. С. 439—445; *Петрухина Е. В., Юйе Шэнь.* Интеграция корпусного и концептуального анализа неагентивных конструкций // *Когнитивные исследования языка. Языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка.* 2019. С. 419—430.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И РОДИТЕЛЬНОГО
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»
М. В. ЛОМОНОСОВА)**

Введение

История развития разных форм притяжательности и динамика этих форм неоднократно привлекали внимание исследователей, однако, главным образом, на материале текстов древнерусского и старорусского периодов¹. На материале языка XVIII века эта тема почти не затронута², таким образом, наше исследование отчасти восполняет существующую лакуну.

Материалом для наблюдений послужило первое издание «Древней российской истории» М. В. Ломоносова³. Исторический труд сочинялся в 1754—1758 годах и не был окончен в связи с кончиной автора; изложение событий в нем доведено до смерти Ярослава Мудрого в 1054 году. В ходе изучения были проанализированы условия употребления притяжательных прилагательных и родительного принадлежности, случаи их конкуренции друг с другом, особенности сочетаемости форм, порядок следования притяжательных прилагательных относительно определяемого существительного, употребление падежных форм притяжательных прилагательных и система их окончаний.

Для сопоставления были привлечены данные, полученные на материале других исторических трудов — «Истории российской с самых древнейших времен» (Кн. 2) В. Н. Татищева (1740-е годы; изд. 1773 года) и «Истории российской от древнейших времен» (Т. 1. От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича) М. М. Щербатова (изд. 1770 года), из которых были взяты текстовые фрагменты, повествующие о событиях до 1054 года⁴.

Соотношение употребления притяжательных прилагательных и родительного принадлежности

При сплошной выборке были выделены 144 случая употребления притяжательных прилагательных, 67 случаев родительного принадлежности и 1 случай дательного принадлежно-

¹ См., например: *Макарова С. Я.* Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952; *Валгина Н. С.* Притяжательные прилагательные в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953; *Фролова С. В.* История образования притяжательных прилагательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами -j/-lj и -ов/-ев в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Куйбышев, 1962; *Логунова Н. В.* Средства выражения принадлежности в русском языке XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

² *Чернецкий В. К.* Грамматические средства выражения принадлежности в русском литературном языке конца XVII в. — первой трети XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1954; *Виднэс М.* О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным принадлежности в русском языке XVIII—XIX вв. // *Scando-slavica*. 1958. Т. 4. С. 166—175.

³ *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым статским советником, профессором химии, и членом Санктпетербургской императорской и Королевской шведской академии наук. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1766.

⁴ *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами чрез тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 2. [М.] : Напеч. при Имп. Моск. ун-те, 1773. С. 1—115; *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен. Сочинена князь Михайлом Щербатовым. Т. 1: От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб. : При Имп. Акад. наук 1770. С. 185—325.

сти. Таким образом, притяжательные прилагательные использованы в два раза чаще, чем падежные формы существительных со значением принадлежности.

Притяжательные прилагательные

Чаще всего притяжательные прилагательные образованы от имен собственных со значением лица: *Ропать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику* (с. 58); *По Несторову свидетельству, пришли тогда осмьдесят городов под российскую руку* (с. 82); *отчего для тесноты замешательство учинилось и ущерб Святославим силам* (с. 87). Наряду с ними Ломоносов достаточно широко использует притяжательные прилагательные, образованные от нарицательных личных существительных (*убивцев, царев, княгинин, философов, Создателев* и др.): *взять ближнему убиеннаго сроднику имение и жену убивцеву* (с. 64—65), *Игорь, достигши Дуная, созвал своих военачальников, сказал цареву посольство и стал с ними советовать* (с. 69). Преобладают притяжательные прилагательные с суффиксом -ов/-ев- (*Константинов, Гостомыслов, Владимиров, Ярополков*), значительно реже для образования притяжательных прилагательных использованы суффиксы -ин- (*Венерин, Вардин, Рогнедин*), -й- (*Святославль, Ярославль, Мстиславль*), -нь- (*братний, матерний, сыновний*). Ломоносов использует суффикс -й- для образования притяжательных прилагательных только от имен, оканчивающихся на -слав; от тех же основ образуются притяжательные прилагательные с суффиксом -ов-: *Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящия обещаюли удовольствия* (с. 79) — [*печенежский князь*] *услышал ответ от Притича, что он военачальник передоваго войска Святославля* (с. 83). Подсчеты показывают, что Ломоносов отдает предпочтение старым формам с суффиксом -й-: *Святославов / Святославль* — 3/7, *Ярославов / Ярославль* — 2/11, *Мстиславов / Мстиславль* — 1/1. Притяжательное прилагательное с суффиксом -ов- в подавляющем большинстве случаев употреблено в форме И.-В. п. ед. ч. мужского рода: *Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу* (с. 133).

В отличие от Ломоносова Щербатов старался избегать употребления притяжательных прилагательных с устаревшими суффиксами -й-. Так, прилагательное *Святославль* встретилось дважды, *Святославов* — 8 раз; *Ярославов* — 32, *Мстиславов* — 4, при этом прилагательные *Ярославль, Мстиславль* не зафиксированы. Татищев, славянизировав изложение, наоборот, использовал устаревший суффикс широко: при образовании притяжательных прилагательных от имен собственных с компонентом -слав явно предпочитался старый суффикс -й- (25 случаев употребления, из которых *Ярославль* — 14, *Святославль* — 7, *Изяславль* — 2, *Мстиславль* — 1, *Болеславль* — 1), суффикс -ов- встретился лишь один раз: *уведав Святославово отшествие*.

Если образование притяжательных прилагательных при помощи суффикса -й- можно расценить как попытку Ломоносова придать повествованию архаическую окраску, то этого нельзя сказать в отношении порядка следования компонентов именной группы. В тексте широко представлено препозитивное употребление притяжательного прилагательного: в 55 случаях притяжательное прилагательное предшествует определяемому существительному, в 86 случаях следует за ним (еще в 3 случаях притяжательное прилагательное употреблено вне именной группы, например: *И так непорочный отрок скончал свое течение с похвальным и Христову подобным терпением* (с. 129)). Для сравнения Татищев употребляет притяжательное прилагательное в составе именной группы преимущественно в постпозиции к существительному (139 раз в постпозиции и 25 препозиции). У Щербатова притяжательное прилагательное 148 раз находится в постпозиции, 21 — в препозиции.

Возможно, эти данные говорят о том, что в живой речи препозитивное употребление притяжательного прилагательного получило к середине XVIII века широкое распространение. Ломоносов, широко используя препозицию и постпозицию притяжательных прилагательных — новый и старый порядок слов в синтагме, видимо, осуществляет синтез синтаксических явлений в рамках создания нового литературного языка, основанного на

синтезе старых и новых явлений. Это вместе с тем давало Ломоносову возможность по-разному интонировать фразу с препозитивным и постпозитивным определением.

Широкое распространение препозитивного прилагательного не позволяет видеть в препозиции проявление только семантических причин, подтверждением чего служат примеры недифференцированного употребления притяжательного прилагательного в препозиции и постпозиции: *Видя Борисово мягкосердие и зная коварство и свирепство Святополково, военачальники со всем воинством отступили* (с. 128); *по возвращении Ольгине в Киев* (с. 80) — *По Ольгове погребении и по совершении тризны пред Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский* (с. 94).

Предпочтение препозитивного притяжательного прилагательного можно отметить в следующих случаях:

— с предлогом по ‘в соответствии, согласно’:

По Гемолдову свидетельству, алане были смешены с курляндцами, единоплеменными варягам россам (с. 49), *Оная [месть] совершена вскоре засыпанием их живых в землю по Ольгину повелению* (с. 75), *которыя [ворота] по Святославлю повелению за ним затворены* (с. 90), *На сем сражении, по Кедрину свидетельству, греки, по Несторову, россияне верх одержали* (с. 91).

Ср., однако, случаи постпозиции: *Новгородцы по совету Добрынину стали просить Владимира* (с. 85), *Некогда Сигурд, по повелению Владимирову для собирания дани проежжая Естонию, увидел* (с. 104);

— при наличии в составе именной группы помимо притяжательного прилагательного иного определения:

Страшнаго сего и суроваго мщениа нареkanie умалается полезным Ольгиным промыслом (с. 75), *Явствует сие неоспоримо из предприятаго Рогнедина мщениа над Владимиром* (с. 105), *потому что он [Святополк] рожден от старшаго Владимирова брата* (с. 107), *однако на пути от Святополковых кровожажущих приспешников [Святослав] достиген и живота лишен, не доежжая гор Венгерских* (с. 130).

Ср., однако, случаи с постпозицией: *Итак, первая супруга Владимирова была из земли чешской, мать Вышеславова* (с. 106), *Или, сверх того, [Святополка] побуждало к сему мщение за прямаго отца над подлинным детьми Владимировыми* (с. 107);

— частотна препозиция у притяжательных прилагательных с суффиксом -нь-:

При конце моя жизни вспомни прежнее к тебе матернее прошение (с. 84), *Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями* (с. 117), *но матерняя слезы и негодование благоразумными увещаниями... прекратил рачительный первосвященник* (с. 121).

Ср., однако: *для отмщениа смерти сыновней* (с. 93).

Распространение препозитивного притяжательного прилагательного затронуло даже конструкции, в которых указывались на родственные связи лица и в которых у Татищева безраздельно господствовала постпозиция притяжательного прилагательного: *Олав, Триговонов сын, король шведской, взят был в малолетстве на море от разбойников в полон* (с. 34), *ибо Брячислав, князь полотский, сын Изяславов, Ярославов племянник, в отсудствие его [Ярослава] в Киеве внезапно набежал на Великий Новгород* (с. 135), хотя в этих конструкциях по-прежнему основной являлась постпозиция притяжательного прилагательного.

Родительный принадлежности

Самой яркой особенностью употребления родительного принадлежности в тексте Ломоносова является почти полное отсутствие случаев однословного родительного: там, где родительный принадлежности мог быть заменен притяжательным прилагательным, Ломоносов почти всегда употреблял последнее. Встретилось лишь два явных исключения из этого правила: *И хотя греков, только по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены* (с. 87), *[Константин Мономах] к оставшимся шести тысячам россиян послал войско под предводительством Теодорикана на четырнатцати судах* (с. 139). Еще в одном

случае замена родительного принадлежности притяжательным, по-видимому, невозможна, т. к. существительное имеет при себе оборот со значением совместности (комитативный оборот), вместе с которым образует цельное сочетание: *о призыве Рурика с братьями на княжение Новгородское* (с. 53) (= *о призыве Рурика и братьев*).

Использование родительного принадлежности в тексте Ломоносова отличается от текстов Татищева и Щербатова: в «Истории» Татищева в 36 из 75 случаев употребления родительный принадлежности имеет однословный характер; у Щербатова их 57 из 188. Стремление Ломоносова заменить, где возможно, родительный принадлежности притяжательными прилагательными особенно отчетливо проявляется в таких примерах, как: *во время несча<с>тливаго Оскольдова и Дирова похода к Царюграду* (с. 79), *По вопросе о его отечестве услышал, что он сын Тригвонов и Астридин* (с. 103), *когда по неблагополучном походе Оскольдове и Дирове на Царь град требовали россы крещения* (с. 122), *Собственный пример, погибель Ярополкова и Ольгова, предписывали осторожность от будущих несчастий* (с. 125). Ср., однако: *Святослав на княжении в земли древлянской, слышав о убиении Бориса и Глеба и не надеясь на свои силы, чтобы стать против насилия Святополкова, побежал в Венгрию* (с. 130), где Ломоносов использует родительный принадлежности, возможно, из-за объектного значения имени собственного.

При объектном значении двух одиночных имен собственных, соединенных союзом *и*, в текстах Татищева также использовался родительный принадлежности: *крещение костей Ярополка и Ольга* (Татищев, с. 109). Однако у Татищева не представлено употребление двух притяжательных прилагательных с необъектным значением, соединенных союзом *и*, ср.: *во дни Нектана и Фалека* (Татищев, с. 3).

Все остальные случаи использования родительного принадлежности в тексте Ломоносова связаны с невозможностью употреблять притяжательное прилагательное: *собравшись предводительством и правлением благоразумнаго старейшины Гостомысла* (с. 55), *В отсутствие великаго князя Святослава на Дунае пришли в Россию печенеги* (с. 82), *о княжении Ярослава перваго* (с. 133) и т. д.

Падежные формы притяжательных прилагательных

«Древняя российская история» Ломоносова демонстрирует широкое использование различных падежных форм притяжательных прилагательных: в И. п. притяжательное прилагательное употреблено 40 раз, в Р. п. — 39, в Д. п. — 26, в В. п. — 37, в Тв. п. — 19, в Пр. п. — 23.

По сравнению с трудом Татищева у Ломоносова нет преобладания формы И. п. над всеми остальными падежными формами, притяжательное прилагательное в И. п. используется в составе именных групп, занимающих позицию грамматического субъекта, приложения (обособленного и необособленного), а также именной части сказуемого (в последнем случае также самостоятельно): *сей есть сын и наследник Руриков* (с. 61), *Сею властью напыщен, сын Свенельдов именем Лют оскорблял многих своим злым самовольством* (с. 93), *Третие крещение было Ольгино* (с. 123), *Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу* (с. 133).

Широкое употребление притяжательных прилагательных в Р. п. вызвано активным использованием некоторых предлогов, вводящих именные группы с притяжательными прилагательными в Р. п. (*до, из, против* и др. и особенно широко *от* в разных значениях), использованием глаголов со значением опасения и достижения, требующих после себя Р. п. без предлога, а также генитивных словосочетаний: *Через сие [Свенельд] потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней* (с. 93), *И Святополкова свирепства причиною почесть можно требование первенства во владении, потому что он рожден от старшаго Владимирова брата* (с. 107), *Роптать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику* (с. 58).

Форма Д. п. представлена в тексте непривычно широко. Она, главным образом, используется в двух случаях: для выражения значения адресата и в сочетании с предлогом *по* ‘согласно, в соответствии’:

— *Амазоны, по преданию Геродотову, от сармат происхождение имели* (с. 14), *По Гемолдову свидетельству, алане были смешены с курляндцами, единоплеменными варягам россам* (с. 49);

— *Поиманные старейшины городские иные казнены смертию, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство* (с. 78).

Притяжательные прилагательные в В. п. используются не только в составе именных групп, занимающих позицию прямого дополнения при переходных глаголах, но и в сочетании с предлогом *в(о)* при обозначении времени событий:

— *Видя Руриков разум и мужество* (с. 59), *Внезапно посланные от Святополка убийцы насад Глебов удержали* (с. 130);

— *Новгородские летописатели присовокупляют, что во владение Ярополково приходили послы от папы в Киев* (с. 95), *где был ров и во время Несторова* (с. 96).

Притяжательные прилагательные в Тв. п. наименее употребимы в тексте Ломоносова, из них наиболее частыми в тексте оказываются творительный причины и творительный предикативный: *Первою женою Владимировою полагают российские писатели Рогнеду, княжну полоцкую* (с. 105), *Наконец нечаянно на охоте Мстиславлею смертию осталось одному Ярославу всероссийское самодержавство* (с. 137).

Форма Пр. п. широко использована в составе именной группы с предлогами *о*, *по* ‘после’: *должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римскаго* (с. 56), *О княжении Ольгове* (с. 60 — заголовок); *По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял* (с. 67).

Широкое использование различных падежных форм притяжательных прилагательных позволяет описать особенности парадигмы склонения притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов/-ев-* и отчасти с суффиксом *-ин-*. С точки зрения соотношения адъективных и субстантивных флексий они делятся на три группы.

Первая группа (прилагательные мужского-среднего рода ед. ч.) характеризуется наиболее устойчивым употреблением старых окончаний — в И. п., Р. п., Д. п., В. п.: *от Рурикова приходу* (с. 19), *взяли Константиново знамя* (с. 30), *по заветанию Гостомыслову* (с. 55); в Тв. п. используется адъективное окончание: *Потом благословлял народ именем Святovidовым* (с. 21). В Пр. п. обычно используется старая флексия, однако дважды встретилось новое окончание: *по убиении Игореве* (с. 73), *о княжении Святославова* (с. 79 — заголовок) — *по убиении Тригвономом* (с. 103), *Еще до вестии о таком Святополковом тиранстве в Нове городе восстало великое смятение* (с. 130).

Вторая группа (прилагательные женского рода ед. ч.) характеризуется более широким проникновением адъективных флексий, субстантивная флексия устойчиво используется только в И. п. и В. п.: *Дирова могила за святою Ириною* (с. 61), *взять ближнему убиеннаго сроднику имену и жену убивцеву* (с. 64—65). Форма Д. п. притяжательного прилагательного женского рода в тексте не отмечена, в Р. п. и Пр. п. параллельно используются субстантивное и адъективное окончания: (Р. п.) *В ту же ночь прибеж вестник из Киева от Предславы, сестры Ярославли* (с. 131) — *по имени дочери Владимировой, от Рогнеды рожденной* (с. 105); (Пр. п.) *По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял* (с. 67) — *Однако Сигурд объявил о породе Олавова* (с. 104). В обоих случаях старое окончание преобладает над новым (в Р. п. соотношение 3:1, в Пр. п. — 3:2). В Тв. п. используется только новое окончание: *Храбростию Игореву [древляне] побеждены и приведены в послушание* (с. 67).

Третья группа — притяжательные прилагательные во мн. ч. — обнаруживает то же распределение субстантивных и адъективных окончаний, которое характерно для современного русского языка: в И. п. и В. п. (неодушевленная форма) используется старое окончание, в остальных падежах — новое, адъективное окончание:

Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю (с. 72), Притесненные войска Святополковы принуждены отступить на лед (с. 132) — [Владимир] наместников Ярополковых выслал (с. 95), Блуд запер дверь и пресек вход слугам Ярополковым (с. 97), Или, сверх того, [Святополка] побуждало к сему мщению за прямаго отца над подлинным детьми Владимировыми (с. 107), однако на пути от Святополковых кровожажущих приспешников [Святослав] достигшен и живота лишен, не доевжжая гор Венгерских (с. 130).

Небольшое число прилагательных с суффиксом -ин- не позволяет описать всю систему их окончаний в тексте Ломоносова. Те формы, которые встречаются в тексте, не обнаруживают отличий в системе окончаний, описанной выше. Вот примеры падежных окончаний в ед. ч.:

— субстантивные окончания: *[скифы] разграбили храм Венерин в Аскалоне (с. 38), Оная совершена вскоре засыпанием их живых в земли по Ольгину повелению (с. 75), На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великаго богатства княгинина (с. 76), по возвращении Ольгине в Киев (с. 80), Явствует сие неоспоримо из предприятаго Рогнедина мщения над Владимиром (с. 105);*

— адъективные окончания: *Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной (с. 85), И как бегущих греков беспорядочно гнали, [болгары] Вардиным войском, со сторон из засады вышедшим, разбиты и отогнаны (с. 86).*

Обнаруживаемое в труде Ломоносова варьирование в системе окончаний притяжательных прилагательных не идет вразрез с его грамматикой. Давая парадигму «сокращенного склонения прилагательного» на примере прилагательного *божий* (к сожалению, парадигмы склонения притяжательных прилагательных с суффиксами -ов-/-ев- и -ин- у него отсутствуют), Ломоносов допускает двойные формы в ед. ч. для Р. п. (*божьяго* и *божья*), Д. п. (*божьему* и *божью*) и Пр. п. (*о божье* или *божьем*)⁵ (формы даны в том порядке, в котором они приведены Ломоносовым). В немецком переводе грамматики Ломоносов исключил субстантивные окончания для всех трех родов прилагательного *божий* в Р. п., Д. п. и Пр. п., оставив в парадигме только новые адъективные окончания⁶.

Выводы

Анализ употребления средств выражения притяжательности в тексте «Древней российской истории» показывает, что Ломоносов, делая выбор между притяжательным прилагательным и родительным принадлежностью, используя различные суффиксы притяжательных прилагательных и различные окончания, выбирая между препозицией и постпозицией притяжательного прилагательного относительно определяемого слова, с одной стороны, воплощал системные отношения средств выражения притяжательности, находившихся в состоянии изменений.

С другой стороны, сопоставление «Древней российской истории» с историческими трудами Татищева и Щербатова демонстрирует, что Ломоносов, осуществляя свой выбор, не только отражал вариативность в системе средств выражения притяжательности, но и использовал ее в своих стилистических целях, достигая при помощи этих средств высокой книжной окраски и особого интонирования текста. Эти факты в полной мере подтверждают справедливое замечание З. К. Тарланова, «что синтаксические изменения реально развертываются в недрах стилистики, на фоне ею предоставляемой свободы»⁷.

⁵ Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб. : Печ. при Имп. Акад. наук, [1755]. С. 76—77.

⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739—1758 / [ред.: В. В. Виноградов и др.]. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 876.

⁷ Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск : [ПетрГУ], 1999. С. 28.

2. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Милославский Игорь Григорьевич
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О ПРЕОДОЛЕНИИ РАЗНОЧТЕНИЙ В ОСМЫСЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Внятное и общепринятое осмысление фундаментальных понятий и терминов любой науки — необходимое, хотя и недостаточное, условие успешного развития этой науки. Однако даже весьма продвинутое естественные науки, такие как математика, физика или химия, продолжают подвергаться сомнению те фундаментальные постулаты, на которых эти науки зиждятся. А в гуманитарных науках, как, например, в истории, возникают целые направления, принципиально отвергающие некоторые традиционные базовые представления, укоренившиеся в этих науках. Такое положение дел потребовало создания специальной комиссии РАН «по борьбе с лженаукой». Остается однако неясным, как различить среди утвердившихся и новейших представлений представления истинные и ложные. Ведь истинными и ложными могут быть представления и старые, и новые. Вспомним хотя бы судьбу теории флогистона как вещества, обеспечивающего горючесть предметов, или теорию Лобачевского, отвергшую постулат о непересекаемости параллельных прямых.

В науке о русском языке, пережившей за последний век и марризм, и смену господствующих парадигм (от сравнительно-исторической через структурную к семантико-коммуникативной и далее к когнитивной) дело с фундаментальными постулатами обстоит весьма запутанно, что, в частности, находит отражение и в постоянных попытках установить связь лингвистики либо с математикой (причем не только с цифровизацией), либо с физиологией, а особенно с различными общественными науками. Более того, даже сугубо специальные термины лингвистической науки часто трактуются в различных источниках не одинаково. Эта неоднозначность трактовки базовых понятий, прикрываемая рассуждениями о различных научных школах, не позволяет приближаться к истине как к вожденной цели усилий ученых, но превращает научное сообщество то в собрание глухих, то в кружок по утверждению самолюбий. Такое положение не только губительно для самой лингвистической науки, но особенно для вступающих в нее молодых людей. В данном случае речь идет о частном проявлении этой разногласицы, а именно об основных понятиях морфемики и словообразования русского языка.

Корень слова

Далеко не во всех публикациях корень слова понимается как **формально** обязательная часть слова (слов без корней не бывает!). Утверждение о том, что в корне содержится главная, наиболее важная, часть значения слова, чаще всего справедливо. Однако найдется немало случаев, когда это не так: *отбояриться* или *переборщить* содержат корни, семантика которых едва ли вообще связана с общим значением содержащих их глаголов, а значения последних определяются их аффиксами. Более того, например, в *войти* или *выйти* значения направления, несомненно, важнее значения, выраженного корнем и указывающего на способ перемещения.

Непонимание того, что корень вовсе не обязательно главная содержательная часть слова, скрывает отказ от фундаментального положения, согласно которому слово — это знак, а следовательно, у него обязательно представлены две стороны — сам фрагмент действительности и обозначение этого фрагмента. Кроме того, языковой знак по своей природе асимметричен и одно из проявлений такой асимметрии состоит в том, что главное по форме (в обозначении) отнюдь не всегда главное по содержанию (в обозначенной действительности).

Добавлю, что установление «главенства» предполагает некоторую шкалу, которая интуитивно более или менее ясна, однако не опирается на какую-либо внятную систему измерений и уже по этой причине представляется сомнительной, особенно при определении фундаментальных понятий.

Приставки и суффиксы

Противопоставленные корню, как тоже значимые, но отнюдь не обязательные части слова, эти элементы противопоставлены друг другу, прежде всего, по **позиции** по отношению к корню (см. об этом также ниже). Однако более важным, чем позиция внутри слова, представляется то содержание, которое может стоять за соответствующими аффиксами.

Суффиксы непременно указывают на частеречную принадлежность слова, хотя среди них возможны и омонимические столкновения. Например, суффикс *-ин-* может указывать и на существительное (*татарин, горошина*) и на прилагательное (*змеиный, осиный*). Указание на часть речи может быть единственным семантическим компонентом суффикса, например, в отглагольных существительных и отсубстантивных прилагательных. Кроме того, суффиксы могут соединять в своей содержательной ипостаси еще и конкретное модификационное значение, например уменьшительность / увеличительность предметов (*сапожок — сапожище*), женский / мужской пол лица (*невец — невица*), интенсивность / ослабленность признака (*хитрющий — хитроватый*), однократность / многократность действия (*гульнуть — устаревшее гуливать*) и др.

Другими словами, в суффиксах существительных и прилагательных содержится либо только обязательная сема, определяющая часть речи, либо, кроме нее, еще и конкретная сема. При этом значение существительного/прилагательного отнюдь не обязательно предстает как простая сумма значений суффикса и предшествующей части слова. Например, *медвежонок* и «детеныш медведя», *комнат-ка* «маленькая комната», *учитель-ница* «женский пол и учитель». Однако более частый случай тот, когда между суффиксом и предшествующей ему частью слова (корнем или корнем и другими суффиксами) имеется некоторый формально не выраженный семантический компонент (компоненты). Например, *отлич-ник* — «лицо», «отлично», т. е. «лучше других» «выполняющее свою работу», *музык-ант* — «лицо», «играющее на музыкальных инструментах», но не «музыкальный критик» или «любитель музыки». Об этом явлении много написано Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, М. В. Пановым, И. С. Улухановым и др., а Т. Ф. Ефремова даже реализовала эту идею в форме толкового словаря русского языка¹. Здесь важен принципиальный результат: разнообразные формально не выраженные значения **не** являются частью значений соответствующих суффиксов. Как не являются частью значений элементов высказывания часть его смысла, которая представляет собой общее знание коммуникантов вообще или их знание о конкретной ситуации, сопровождавшей высказывание. Добавлю, что формально не выраженный компонент значения слова может быть исключительно важным, например, *декабрист* — «участник восстания в Петербурге в декабре 1825 года» и «растение, обычно расцветающее в декабре».

Все сказанное выше относится и ко всем относительным прилагательным, по определению включающим и притяжательные прилагательные. Кроме суффиксов, указывающих на принадлежность к прилагательным, хотя и имеющих омонимы (*-н-*, *-ск-*), существуют также суффиксы, обозначающие при этом еще и принадлежность (*-ий-*, *-ин-*). И в прилагательных с суффиксами обоих семантических типов обнаруживаются и такие компоненты значения,

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2001. Т. 1—2.

которые не получают никакого собственного формального выражения. Ср., например, *царский дворец* («принадлежащий»), *царская трона* («используемая»), *царский подарок* («подобный тем, какие делают цари»).

В отличие от суффиксов приставки крайне редко сопровождаются формально не выраженным компонентом значения, хотя, например, в *у-бить* следует либо вовсе отказаться от выделения приставки, либо допустить формально не выраженное значение (главное в слове!), а именно «доведение до смерти». То же в *издать*, *сбыть* и нек. др. Еще шире, чем у суффиксов, в приставках представлены омонимические отношения. Например, *пере-строить* — «по-другому», *пере-стараться* — «больше нормы», *пере-спорить* — «победить»;

с-делать работу («результат»), *с-делать гадость* («однократность»), *с-лезть* («сверху вниз»). Эта омонимия не всегда преодолевается благодаря значению корня, но требует, как у многих прилагательных, контекста, находящегося за пределами слова. Впрочем, эта многозначность, несмотря на несовершенства метаязыка описания значений, достаточно полно отражена в грамматиках русского языка.

Важнее другое — вопрос о количестве сем, способных выступать в приставке. Очевидно, что существуют приставки, имеющие одну-единственную сему. Такова, например, приставка *со-* в значении «совместно» (*сопереживать*, *соплеменник*, *соцветие*). Кроме того, принято выделять так называемые «чисто видовые» приставки. Полагаю, что такое осмысление приставок, меняющих несовершенный вид глагола на совершенный, принципиально никак невозможно принять. Дело в том, что отличие глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида непременно предполагает две вещи: 1) ограничения на сочетаемость, в частности, с показателями регулярной повторяемости и фазовыми глаголами и 2) различия состава парадигмы за счет отсутствия у глаголов совершенного вида форм со значением настоящего времени. Что же касается семантических различий, то они в принципе относительно независимы и от синтагматических, и от парадигматических свойств слова и часто не являются однородными. В то же время именно семантическое содержание, т. е. содержательная сторона знака, а отнюдь не его синтагматика и/или парадигматика — основа коммуникативного акта. При этом минимальные, односемные различия между глаголами разных видов могут представлять собой либо «результативность» (*построить*, *написать*, *выпросить*, *приготовить*, *сварить* и т. п.), либо «однократность» (*позвонить*, *пошептать*, *поцеловать*, *украсть*, а также *плюнуть*, *толкнуть* и т. п.). Возможен еще и третий случай, когда вопрос о том, предшествовало ли результату предварительное действие или нет, остается открытым (*сделать*, *разбить*, *съесть*, *поставить*, а также *решить*, *объяснить* и т. п.)².

Эти значения можно попытаться каким-то образом обобщить, усматривая в них либо «завершенность», либо «внутренний предел», либо «целостность», либо что-нибудь еще. Однако всегда такая попытка будет представлять собой либо нахождение чего-то общего между результативностью и однократностью, т. е. характеристиками различными, либо переход на более высокий уровень абстракции, чем тот, на котором выделяются такие характеристики действия, как «результативность» и «однократность» (ср.: *звонить* (по телефону) — *дозвониться* и *позвонить*, *веселить* — *развеселить* и *повеселить*, *просить* — *выпросить* и *попросить* и др.), а также другие характеристики действия.

Короче говоря, можно утверждать наличие в русском языке односемных приставок со значением «результат», со значением «однократность», а также не различающим оба эти значения.

² Именно такая семантическая двойственность глагола *сделать* (некоторые исследователи вообще считали его «глагольным местоимением») позволяет использовать его, как и глагол *делать*, для определения вида глагола теми, для кого русский язык родной. Столь же эффективно решение этой задачи через определение времени личных форм настоящего времени (*делаю* — «сейчас», *сделаю* — «в будущем») и через синтагматические связи (*делаю каждый день* — **сделаю каждый день*; *начну делать* — **начну сделать*). Все эти приемы не годятся для тех, для кого русский язык неродной.

Однако подавляющее большинство приставок в русском языке — двусемные. В качестве одной из сем выступает или результативность, или однократность, а в качестве другой — одна из других характеристик глагольного действия, начинательность, повторность, интенсивность / ослабленность, различные пространственные модификации и т. п. Например, *за-петь* («начинательность» + «однократность»), *пере-строить* (по другому, «повторно» + «результативность»), *из-ругать* («интенсивность» + «однократность»), *на-готовить* («много» + «результативность»), *от-думать* («отказ» + «однократность»). Во всех подобных случаях сталкиваемся не только с омонимией приставок, как в рамках многозначного слова, например, *на-варить каши* («много» + «результативность») — *наварить заплату на камеру* («поверх» + «результативность»), но и с несовершенством метаязыка описания более или менее интуитивно ясных комбинаций сем.

Очевидно, что механизм, традиционно называемый имперфективацией, «зачеркивает» в двусемной приставке сему «результативность», «однократность» или допускающую эти обе интерпретации, оставляя в неприкосновенности другую сему: *перестроить* — *перестраивать*, *расцеловать* — *расцеловывать*, *вытолкать* — *выталкивать* и т. п. Допущение не только сложения, но и вычитания в процессе получения значения целого из значений его частей — принципиально важно.

Постфиксы и окончания

Термин «постфикс» распространился в русской грамматике относительно недавно. Его выделение, как для префиксов и суффиксов, покоится на основании позиции в слове, поскольку существуют такие значимые элементы в составе слова, которые располагаются, в отличие от обычных суффиксов не после корня или другого суффикса и не перед окончанием (флексией), но после нее (него).

В связи с этим следует напомнить, что окончания (флексии) в русском языке это такая часть слова, которая, не имея собственной номинативной ценности, указывает на связь с другими словоформами в предложении (таковы, например, в подавляющем большинстве случаев окончания прилагательных). Кроме того, также окончаниями являются такие значимые части словоформы, значения которых носят **регулярный** характер. Такими абсолютно регулярными значениями для глаголов являются, например, время (если есть прошедшее, должно быть и будущее и *vice versa* для глаголов совершенного вида, а для глаголов несовершенного вида еще и настоящее и *vice versa*), наклонение (существование изъявительного предполагает существование и двух других наклонений и *vice versa*).

Для подавляющего большинства существительных регулярно числовое противопоставление. В одной и той же флексии существительного сосуществуют два компонента: содержательный, числовой, и связывающий, падежный. Причем последний, будучи по своей природе именно связывающим, в определенных контекстах получает семантическое наполнение, указывая (часто совместно с предлогами) на субъектно-объектные роли, которые играют словоформы существительных. Подобное изменение ролей происходит с окончаниями прилагательных (см. выше), сочетающихся с существительными общего рода (тогда они обозначают пол лиц) и с существительными нулевого типа склонения (тогда они указывают на количество «предметов»). Например, *ужасный неряха* и *ужасная неряха*, *желтое такси* и *желтые такси*.

В окончаниях личных глагольных форм настоящего времени четыре компонента. Один, связывающий, относится к числу и определяется этой характеристикой согласованного имени, а три других имеют регулярную содержательную ценность: лицо, время, наклонение. В личных формах прошедшего времени два окончания: первое (по месту) обозначает, как и в настоящем, время и наклонение, а последующее (в т. ч. и нулевое) имеет только связывающую ценность, повторяя род и число согласованного существительного и не отличающееся по своей ценностной изменчивости от окончаний прилагательных, получая в таких же случаях, как и прилагательные, содержательную ценность, связанную с полом лица (*неряха ушел* и *неряха ушла*, *такси приехало* и *такси приехали*). Отнесение -л- (или Ø), указывающее на

прошедшее время и изъявительное наклонение, к так называемому словоизменительным суффиксам — мыслительный оксюморон. Если «словоизменительный», то не суффикс, а окончание, а если «суффикс», то только словообразовательный, а не словоизменительный. Все встает на свои места, если признать, что в личных формах глаголов прошедшего времени представлено два окончания: 1) обычно *-л-* или \emptyset , 2) \emptyset , *-а*, *-о*, *-и*. В частном случае может быть и $\emptyset\emptyset$, как в *нес*, *греб*, *вез*. Принципиальное признание возможности двух окончаний поддерживается и формами повелительного наклонения типа *несите*, *скажите*, где также возможны нулевые показатели и для первого, и для второго (*ляг $\emptyset\emptyset$* , *скажи \emptyset*).

Все эти очевидные вещи имеют прямое отношение к так называемому постфиксу *-ся* (*-сь*). Дело в том, что этот элемент в глагольных формах страдательного залога (*дом строится*, *строющийся дом*) является окончанием, поскольку не имеет собственной номинативной ценности, но предопределяет форму обозначения субъекта и объекта действия. С другой стороны, есть *-ся*, добавляющий нерегулярный номинативный компонент и указывающий на принадлежность к глаголу как к части речи, а следовательно, обладает всеми необходимыми свойствами именно суффикса (см. выше). Более того, собственным инвариантным значением этого суффикса является «замкнутость действия в самом производителе», а в качестве формально не выраженных компонентов значения могут выступать «себя» (*одеться*, *вымыться*, *освежиться*), «взаимно» (*целоваться*, *ругаться*), «свойство» (*собака кусается*, *ларчик открывается*) и др.

Омонимия *-ся* (*-сь*) усложняется еще и за счет наличия еще и другого суффикса уже со значением «склонность»: (*не*)*работается*, (*не*)*мечтается*, (*не*)*сидится*, (*не*)*лежится*, (*не*)*читается*. Впрочем, в некоторых случаях затруднительно определить, с каким именно суффиксом (и даже окончанием!) *-ся* мы сталкиваемся в тексте: *Слухи распространялись* — *Слухи распространялись газетами (по телевидению)* — *Докладчик не распространялся на эту тему*. Однако толковые словари русского языка обычно четко противопоставляют глаголы с *-ся* суффиксом, выделяя им специальную словарную статью, и с *-ся* окончанием, предполагающим существование такой словоформы внутри словарной статьи для соответствующего глагола без *-ся*.

Остается лишь добавить, что в русском языке существуют и такие случаи, когда *-ся* указывает лишь на глагольную принадлежность слова (*смеяться*, *улыбаться*, *бороться*), что не противоречит определению суффикса (см. выше).

Таким образом, можно утверждать, что выделение постфиксов как особого типа морфем, представляя собой умножение сущностей, не способствует углублению представлений о языке.

Морфный анализ и словообразовательные отношения

Очевидно, что вопрос о составе, формальном варьировании, а главное, о значениях существующих в русском языке морфем разного типа, как и толковый словарь русского языка, принципиально ориентирован исключительно на обеспечение рецептивных речевых действий на русском языке. Подход со стороны морфем (а не слов) мог бы помочь в двух аспектах рецептивной речевой деятельности (в первую очередь, при чтении). Во-первых, если значение слова известно, при таком подходе удастся понять, какая часть этого значения воплощена в составляющих его морфах, а следовательно, представляет интерес для когнитивных явлений, определения ассоциативного потенциала слова и т. п., а какая — не получает формального выражения, а следовательно, нуждается в осмыслении ее характера и путей появления. Во-вторых, если значение слова неизвестно, составляющие слово морфы в определенной степени «подсказывают» его значения. Тогда возникает задача определить различную степень ценности разных «подсказок» для решения общей задачи. Впрочем, как кажется, сам этот путь исследования в общих его вариантах едва ли сулит нам серьезные открытия, а сами «сборы в дорогу» чрезвычайно осложняются тем, что имеющие-

ся словари русских морфем либо вовсе лишены толкований³, либо, делая это весьма небрежно, ориентированы на весьма ограниченное число морфем.

Совсем другое дело — словообразовательные отношения, т. е. установление отношений между производным и производящими. При установлении этих отношений важны две стороны, семантическое различие и оформляющее его внешнее обозначение, так называемый формант. Это обстоятельство открывает для исследований два пути, от форманта или от выражаемого с его помощью содержательного компонента. Первый путь так или иначе коррелирует с морфным анализом (см. выше), а второй позволяет ставить вопрос об обеспечении продуктивных речевых действий. Однако при этом целесообразно идти от производящего к производному, поскольку путь в обратном направлении (от чего образовано данное слово) приведет нас в лучшем случае лишь к обоснованию орфографических правил или к этимологическим разысканиям.

К сожалению, словообразовательные возможности для обозначения содержательных преобразований слов русского языка изучены крайне слабо⁴. Замечу лишь, что наибольший интерес (и возможности) связаны здесь с так называемой синтаксической деривацией и модификационной деривацией (по М. Докулилу). Мутационная же деривация в силу своей крайней семантической прихотливости (см. выше о формально не выраженных компонентах содержания) принципиально не укладывается в какую-либо систему закономерностей.

* * *

Предвидя критику предполагаемого читателя, хочу еще раз подчеркнуть, что утверждающаяся в нашем научном сообществе практика, позволяющая автору более или менее вольно обращаться с фундаментальными понятиями нашей науки — вещь чрезвычайно опасная для ее будущего. Это будущее выглядит еще более незаманчиво, поскольку уточнение некоторых представлений и даже отказ от них — естественный путь приближения к истине, путь, на котором изменение в одном месте непременно влияет на всю картину. В каких именно местах и в какой степени происходит такое влияние — это предмет серьезных размышлений и коррекций, а не право на воинствующий субъективизм, более или менее завуалированный. Приближение к истине возможно лишь при условии индивидуального осмысления того, что накоплено коллегами, говорящими на одном и том же научном языке.

³ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка М., 1986.

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1—2.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС В СВЕТЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Полвека назад отечественная русистика переживала семантический бум: выходят труды В. Г. Гака, Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой¹, которые широко обсуждаются на конференциях, аспиранты берутся за семантические темы, семантический синтаксис входит в вузовское преподавание современного русского языка². «Штурм» семантики предложения, по выражению Н. Д. Арутюновой, сменяется систематическим изучением разного типа предложений, при этом семантика воспринимается на фоне трехаспектности устройства предложения, т. е. в соотношении с его конструктивным и актуальным аспектами; усваиваются ключевые понятия семантического синтаксиса — модус, диктум, пропозиция с ее актантами и сирконстантами, пресуппозиция³. Возникает ощущение, что скоро наши представления о синтаксисе кардинально изменятся, и мы увидим язык в совершенно новом свете.

Это ощущение подпитывалось идеями активной грамматики, которые были высказаны задолго до этого Л. В. Щербой: в активной грамматике, по его мнению, «рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например: как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его S и P? Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего? Как выражается предикативное качественное определение предмета (в русском языке причастными оборотами и оборотами с *который* и т. д.)? Как выражается количество вещества?»⁴.

Тогда казалось, что скоро мы сможем ответить на все эти и множество других вопросов, которые относятся к семантическому синтаксису. Но в 1990-е годы интенсивность семантических исследований в синтаксисе очевидно падает, и эта ситуация сохраняется до сих пор.

Убедиться в этом можно, проанализировав данные РИНЦ. По запросу «семантический синтаксис» не получаем ни одной публикации. Запрос «смысл предложения» обнаруживает 4 публикации, одна из которых датируется 1986 годом, в другой смысл предложения рассматривается в контексте аналитической философии; в третьей — в журнале об искусственном интеллекте; иначе говоря, к семантическому синтаксису в его современном состоянии не относится ни одна из работ. Запрос «предложения с семантикой» дает 52 публикации, если из них выбрать работы о современном русском языке, опубликованные в текущем столетии, то их окажется 27; их рассмотрение показывает: 8 — авторефераты диссертаций, общим признаком которых оказывается обращение к предложениям определенной семантики с заданными формальными параметрами⁵; другие исследования ограничиваются определенным тек-

¹ Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969; Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973. С. 458—483; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.

² Характерен в этом отношении учебник для университетов «Современный русский язык» (под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1981), в синтаксической части которого, написанной В. А. Белошапковой, появляется глава «Смысловая организация предложения» (С. 471—489).

³ Подробно ситуация анализируется в: Шмелева Т. В. Семантический синтаксис // Современный русский язык. Синтаксис: проблемы и методы исследования / под ред. Д. Н. Шмелева. М.: ИРЯ Академии наук СССР, 1987. С. 28—82.

⁴ Щерба Л. В. Очередные задачи языковедения (1945) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 56.

⁵ Прокофьева Е. С. Бисубстантивные предложения с семантикой сходства и сравнения в современном русском языке (М., 2008) или Фролова И. И. Двусоставные предложения с семантикой признака (Тамбов, 2008).

стом⁶. Нет намерений утверждать нецелесообразность таких исследований, но в контексте семантического синтаксиса они могут рассматриваться как этап на пути к решению его задач. А к собственно семантическому синтаксису можно отнести, если судить по их названию, буквально единичные работы⁷. В целом данные РИНЦ говорят о том, что интерес исследователей к семантическому синтаксису ничтожно мал, хотя семантика предложения привлекает лингвистов.

Причины утраты такого интереса можно видеть в ряде факторов. Прежде всего, как уже неоднократно отмечалось, снизился интерес к грамматике вообще. Оказалась непреодоленной инерция такой лингвистической оптики, для которой надежна лишь форма, ее безусловность и бесспорность. Формальные различия, в первую очередь границы разных синтаксических единиц оказываются непреодолимыми; что неудивительно: практика анализа языковых фактов в школе (в т. ч. высшей) направлена, прежде всего, на опознание единиц и их составляющих, принять одно за другое — грех, а увидеть, что, скажем, простое и сложное предложение или сложноподчиненное и сложносочиненное выражают одно и то же не приходит в голову, не говоря о простом предложении. Напрашивается вывод о том, что лингводидактические традиции тормозят развитие синтаксиса, особенно семантического. Да и научный лингвистический анализ, как показал анализ публикаций, размещенных в РИНЦ, привычно опирается на готовые высказывания, несмотря на то, что о необходимости эксперимента в языкознании писал Л. В. Щерба еще с 1920-х годов⁸.

Между тем потребности в семантическом описании ощущаются все более явно. И прежде всего, практические. Очевидна необходимость умений видеть все средства, выражающие один смысл, для пишущих тексты — будь то писатель или журналист. Не менее нужны они редактору, который должен предложить ряд способов выразить тот или иной смысл, чтобы выбрать оптимальный с учетом содержания текста и его стилистических параметров. Обучение языку требует показать человеку все возможности выразить определенные смыслы, и преподаватели, особенно русского языка инофонам, интуитивно владеют умением показать такие возможности. Так же, как оно есть в интуиции хорошего редактора, журналиста, писателя. Не принижая ценности интуитивных представлений о различных способах выражения того или иного смысла, стоит подчеркнуть необходимость их научного описания, что обеспечило бы всем названным участникам коммуникации возможность открыть книгу и увидеть реестр языковых средств, как мы открываем словарь, чтобы понять, как обращаться со словом. Отсутствие такого описания говорит о существенной неполноте лингвистических представлений о языковом устройстве и его действии в речи.

Как могло бы выглядеть такое описание, или активная грамматика, по мысли Л. В. Щербы? Уже высказывалась идея построения такого описания как энциклопедии смысловых типов русских предложений. При этом основной единицей семантического описания становится смысловой тип предложения⁹, а важнейшей задачей оказывается исчисление та-

⁶ *Попова Л. В.* Бессоюзные сложные предложения с семантикой предсказания в пословицах русского языка // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 212—214; *Чеботарев К. В.* Сложноподчиненные предложения с темпоральной семантикой в языке рассказов А. Чехова // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 721—724.

⁷ *Плотникова А. М.* Предложения с семантикой превращения в русском языке // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докл. междунар. науч. конф. : в 2 ч. / под ред. Н. В. Патроевой. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 82—84; *Селеменова О. А.* Предложения с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры» в русском языке // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : сб. мат-лов Всерос. научно-метод. конф. с международным участием, посвященной 65-летию юбилею Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж, 2016. С. 127—133.

⁸ *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 32. В примечании к статье указано, что в ней развиваются взгляды, которые впервые были намечены в докладе в 1927 году (С. 24).

⁹ В лингвистике термин «смысловой тип» относится к речи, но это не исключает его понимания в рамках семантического синтаксиса.

ких типов и описание техники их языкового воплощения¹⁰. Конечно, от высказывания идеи до ее воплощения дистанция огромного размера, но это не должно быть препятствием в движении к ее реализации. Важно подчеркнуть, что в этом движении существенно меняется лингвистическая оптика, знакомые языковые факты выстраиваются в новые ряды и выявляются новые соотношения.

Русистика располагает опытами описания семантических типов предложений, хотя их авторы не прибегали к этому термину. Первым фундаментальным описанием такого типа стала книга о бытийных предложениях¹¹; после ее выхода казалось, что одна за другой начнут выходить книги с подобными названиями. Но только через двадцать лет вышло описание смыслового типа совсем иной семантической природы — в нем представлены предложения, которые объединены смыслом невольности осуществления события¹². Этот ряд исследований продолжает оставаться незавершенным, даже если считать небольшие статьи, о которых шла речь ранее. Анализ названных описаний — предмет специальной работы, тем более что их можно рассматривать со значительной исторической дистанции, здесь же важно показать, как меняется взгляд на языковую реальность при подходе к ней в рамках семантического синтаксиса.

Это можно сделать, обратившись к интерпретации семантики изъяснительности. Иначе говоря, можно попытаться ответить на вопрос в духе Л. В. Щербы: как в русском языке выражается изъяснительность?

Изъяснительность — не элементарный смысл, это довольно сложный смысловой комплекс, для истолкования которого необходимо воспользоваться понятиями модус, диктум, пропозиция. Они уже введены в исследовательскую и преподавательскую практику, в чем можно убедиться, например, обращением к названному учебнику: здесь со ссылками на Ш. Балли диктум толкуется как объективное содержание предложение, а модус — как его субъективное содержание¹³; со ссылками на ряд исследователей утверждается, что «пропозиция понимается как модель называемого предложением «положения дел», при этом она предлагается для описания диктума¹⁴. Позднее пропозицию стали считать единицей содержания как диктума, так и модуса.

С опорой на приведенные понятия изъяснительность может быть представлена как комплекс эксплицитного модуса информативного характера и «изъясняющего» его диктума, обозначающего событие или ситуацию. Информативный модус включает оценки диктума как события речи, как реального события в плане осуществления или в плане восприятия на фоне оценочной шкалы «хорошо/плохо». И модус, и диктум представляют собой пропозиции, которые могут получать выражения в виде предикативной единицы и в виде словоформы. Из этого следует, что предложения с семантикой изъяснительности могут быть не только сложными (термин изъяснительные и предложен для обозначения типа сложноподчиненного предложения), но и простыми. Это, в свою очередь, означает, что изъяснительное предложение можно описать как серию парадигм, прежде всего модусных и диктумных, а также парадигм показателей связи между модусом и диктумом¹⁵.

¹⁰ Шмелева Т. В. Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов // Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений : сб. науч. ст. Ч. 1. Красноярск, 1994. С. 4—17.

¹¹ Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М. : Русский язык, 1983. 198 с.

¹² Стеклова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2002. 200 с.

¹³ Современный русский язык... С. 475.

¹⁴ Там же. С. 481.

¹⁵ Этот аспект изъяснительных предложений подробно рассмотрен в статье: Шмелева Т. В. Русская изъяснительная конструкция в перспективе синтаксической парадигматики // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2020. № 6 (31). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novsu.ru/file/1654938>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44070830>.

Полипарадигмальность изъяснительности обеспечивает возможность образовать серию предложений одной семантики путем различных трансформаций, или перифразирования. Так, если взять реальное простое предложение с вводной конструкцией *Зимой, я давно заметил, мыслей в голове подозрительно много* (А. Аствацатуров. «Едет маленький автобус...»), то можно из него получить такие: *Я давно заметил: зимой мыслей в голове подозрительно много* (сложное бессоюзное); *Я давно заметил, что зимой мыслей в голове подозрительно много* (сложноподчиненное); *Я давно заметил подозрительное умножение мыслей в голове зимой* (простое); *Замечаю, что зимой мыслей в голове подозрительно много* (сложноподчиненное с модусом в настоящем времени); *Мой друг заметил, что зимой мыслей в голове подозрительно много* (сложноподчиненное с модусом чужой информации)... Нельзя утверждать, что все эти предложения абсолютно равны по смыслу, в них варьируются семантические элементы, но они совпадают в семантике изъяснительности: оценка ситуации по характеру ее получения (наблюдение) и ментальная ситуация (мысли в голове + их количество). Варьируются значения модусного субъекта (автор / его друг), время наблюдения (давно заметил / замечаю), актуализация диктума (много / умножение).

И вот что еще важно. Предложение с семантикой изъяснительности может усложняться. Так, трансформировавшись в инфинитив, модус может обогатиться значениями фазисности — начало или конца: *Я начал / перестал замечать, что зимой мыслей в голове подозрительно много*; или обозначить объект оценки: *Удивительно замечать, что зимой мыслей в голове подозрительно много*. Такие предложения можно рассматривать как изъяснительные со сложным модусом. Возможно и усложнение диктума, но это не требует видоизменения структуры предложения, а только формирования сочинительного ряда предикативных единиц диктума: *Я давно заметил, что зимой мыслей в голове подозрительно много, а чувства как будто замерзают до весны*.

Кроме того, взятое для эксперимента предложение может стать частью высказываний более сложной семантической структуры. Если модусный предикат объединяется с другими, то он может принять форму деепричастия, маркируясь как второстепенный: *Замечая, что зимой мыслей в голове подозрительно много, он радовался и берег эти новые зимние мысли*. Наконец, изъяснительное предложение может трансформироваться в актант другого предложения, пережив номинализацию: *Наблюдения о том, что зимой мыслей в голове подозрительно много, радовали и тревожили его*.

Итак, эксперимент с одним реальным предложением и образование серии высказываний, связанных с ним общей семантикой изъяснительности, показывает, что для изучения этой семантики оказываются востребованы детальные знания о конструктивных возможностях ее проявления, освобожденные от ограничений, которые вносит в лингвистическое сознание «синтаксис единиц».

Конечно, этот эксперимент не демонстрирует всех свойств предложений с семантикой изъяснительности. При этом стоит отметить, что фактически мы имели дело с изъяснительным предложением с модусом восприятия. Включающая его изъяснительность — семантика высокого уровня обобщения, в реальной коммуникации возникают потребности выразить значительный ряд изъяснительных смыслов, например:

- ✓ оценку содержащейся в диктуме информации — своя / чужая, цитируемая / полученная путем умозаключений;
- ✓ оценку события в плане его осуществления — желательное, необходимое, возможное, планируемое и т. д.;
- ✓ оценку события по отношению к шкале хорошо / плохо.

И каждый из этих смысловых типов предложения представлен более конкретными. Так, например, оценка события выносится с учетом того, осуществилось ли оно однажды / обычно или же безотносительно к его осуществлению. Первые два случая реализуются с помощью конструкций сложного предложения с разными скрепами (*Хорошо, что он приехал утром* и *Хорошо, когда приезжаешь / приезжают утром*), а третий требует инфинитивной конструкции (*Хорошо приезжать утром, тогда за день все успеешь сделать*).

Изъяснительное предложение как смысловой тип, таким образом, объединяет значительный массив предложений, которые не обязательно искать в текстах — их можно получить путем перифразирования и иных экспериментов, направленных на поиск предложений с изменением того или иного смыслового параметра или изменением языковой техники при сохранении смысла. И в этом массиве окажутся предложения, которые в традиционном и структурно-семантическом синтаксисе не могут оказаться рядом, потому что относятся к разным синтаксическим единицам, что, как показывает практика, для построения предложений в речевой ситуации и при создании текста оказывается несущественным.

Итак, развитие семантического синтаксиса обусловлено потребностями лингвистики, в нашем случае — русистики, которая устремлена к исчерпывающему описанию языка. А эти потребности, в свою очередь, обусловлены разнообразными запросами современной коммуникации, практики создания текстов и обучения этому на разных этапах овладения языковыми компетенциями. Накопленного опыта в осмыслении смысла предложения, как кажется, довольно для систематической работы над описанием семантических типов предложений, что было продемонстрировано в самом общем виде на примере изъяснительного предложения.

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков.
Щерба Л. В. «О частях речи в русском языке»

Вопрос о сущности и типологии синтаксических категорий до сих пор является «камнем преткновения» современной грамматической теории. Достаточно подробно между тем в отечественном и зарубежном языкознании разработано учение о категориях морфологических как совокупности рядов грамматических форм, противопоставленных друг другу на основании какого-либо грамматического значения (рода, числа, падежа, времени, наклонения, лица и т. д.). Правда, и в этой области исследований многое пока остается дискуссионным и получает неоднозначное истолкование: например, вопрос о границах между категориями словоизменяемыми, противопоставляющими формы в парадигме одной знаменательной лексики, и несловоизменяемыми (классифицирующими, словообразовательными, лексикограмматическими), вбирающими в себя морфологические оппозиции разных по своему лексическому значению слов.

Тесно связанные друг с другом морфологические категории представляют собой ядро грамматического строя, обуславливая сам тип языка. Но коль скоро грамматику составляют два обнаруживающих тенденцию к взаимопроникновению уровня, синтаксические единицы должны быть описаны аналогичным морфологической системе образом, то есть с категориально-типологической точки зрения.

В научной литературе высказывалось мнение, что морфологические и синтаксические категории следует разграничивать, прежде всего, со структурной точки зрения: «В то время как первые из них выражены в пределах слова (аффиксы, аблаут, редупликация), обозначение вторых выходит за рамки отдельного слова (порядок, вспомогательные слова и частицы, интонация...). Недифференцированность названных двух классов грамматических категорий приводит к игнорированию структурных особенностей различных языков, к их искусственной унификации»¹. Следовательно, основополагающей при поиске и классификации синтаксических категорий в системе того или иного языка должен быть собственно грамматический (структурный) подход, поскольку традиционная типология языков зиждется прежде всего на морфологическом (= формальном, структурном) критерии.

Средством выражения абстрактного синтаксического значения может служить т. н. синтаксическая парадигма (например, модально-временная парадигма предложения, впервые специально и подробно описанная в работах Н. Ю. Шведовой и академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 годов). Однако, по верному замечанию В. Н. Ярцевой, «подвижность синтаксических конструкций и, в особенности, возможность их соотносительных трансформаций делают вопрос о смысловом статусе грамматических категорий в синтаксисе весьма сложным»². Важно учитывать и то обстоятельство, что нельзя сводить синтаксическую деривацию к морфологической, т. е. формоизменение предложения к формопроизводству глагола, а синтаксическое наклонение и время — к соответствующим морфологическим категориям. Сужение грамматической категории до пределов морфологической парадигмы

¹ *Шарадзендзе Т. С.* Грамматические категории и морфологические типы языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975. С. 48.

² *Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975. С. 5.

«не только затрудняет типологическое сопоставление языков различной морфологической структуры, но и для одного языка порождает сомнения в возможности объединять для одной категории синтетические и аналитические формы ее передачи»³. Кроме того, по мере развития языка изначально существовавший параллелизм категорий морфологии и синтаксиса постепенно разрушается, обогащается функциональный потенциал словоформ, увеличивается асимметрия смысловой и формальной сторон языковых знаков при углублении противоположных по своей сути процессов внутриграмматической дифференциации и интеграции. Так, «сказуемость»³⁴⁴, например, в ходе языковой эволюции перестает быть свойством личных глагольных форм и становится также принадлежностью имен и предикативов.

Т. П. Ломтев считал необходимым рассматривать синтаксические категории по аналогии с морфологическими, не отождествляя их при этом: «Грамматические категории предложения должны обладать теми свойствами, какими обладают грамматические категории слова. <...> Членами грамматических категорий слова являются грамматические формы соответствующих слов, членами грамматической категории предложения являются предложения, выделенные по характеру их моделей»⁵.

Принципиальное значение при этом Т. П. Ломтев придавал вопросу о составе синтаксических категорий и предлагал следующий их перечень:

- 1) утвердительности / отрицательности;
- 2) вида общения: повествовательные, вопросительные, побудительные предложения;
- 3) времени;
- 4) модальности;
- 5) определенности, неопределенности, обобщенности и формальности предмета;
- 6) конвертируемости (активности / пассивности);
- 7) и некоторые другие⁶.

Данный перечень, как кажется, вполне удовлетворяет таким анализируемым во многих лингвистических трудах облигаторным признакам грамматических категорий, как обязательность присутствия некоего морфологического или синтаксического значения в любом элементе некоторого класса и регулярность, стандартность способа выражения этого грамматического смысла. Действительно, и целеустановка, и модально-временная семантика предложения, и активность / пассивность конструкции, и утвердительность / отрицательность высказывания, определенность / неопределенность, степень обобщенности актанта имеют в системе языка специфические формальные средства своей экспликации, что доказывает грамматический характер выделенных Т. П. Ломтевым категорий. Не вызывает сомнения и то, что представленный проф. Ломтевым перечень следует считать открытым для возможного пополнения, но определение границ этого списка как раз и представляет собой сложнейшую и насущную лингвистическую проблему.

Категория (при широком понимании термина) — «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства»⁷. Если придерживаться подобного толкования, то в области морфологии термин «категория» оказывается тождественным, например, понятию «часть речи» («категория состояния» в классическом труде Л. В. Щербы и т. п.), а в сфере синтаксиса категориальным статусом по аналогии должно быть наделено понятие «члены предложения». Ряд категорий главных и второстепенных членов предложения может быть дополнен такими рубриками, как «категория обособления», «однородности», «вводности», «обращения». Категориальный статус (как у группы наделенных общим свойством моно- или полипредикативности языковых элементов) в этом смысле обнаруживается и у основных синтаксических единиц — простого и сложного предложений. Однако, при таком широком толковании границ термина, «грамматическая категория» по своему логиче-

³ Там же.

⁴ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. С. 165—182.

⁵ *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 60.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ *Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой.* М., 1990. С. 216.

скому объему совпадает с наиболее общими понятиями морфологии и синтаксиса, что размывает сами границы категориальной подсистемы внутри понятийного лингвистического аппарата.

Некоторые языковеды предлагают рассматривать сочинение, подчинение и предикацию в качестве «структурно-синтаксических категорий» уровня словосочетания и предложения, подводя под эту рубрику различные виды синтаксических отношений, находящихся свое выражение в тех или иных языковых структурах⁸.

В современной синтаксической семантике используется термин «семантико-синтаксические категории»⁹ в отношении разнообразных функций («ролей») компонентов семантической структуры предложения, например, актанта (агенса, пациенса и др.), предиката, атрибута, сирконстанта. В качестве «категорий предложения как коммуникативной единицы» фигурируют также «тема» и «рема»¹⁰. Однако «семантико-синтаксические» или «коммуникативные» категории представляют собой не парадигмы синтаксических форм (конструкций), противопоставленные друг другу на основании определенного синтаксического значения, а словоформы (синтаксемы), используемые в соответствующих «семантических ролях» и синтаксических функциях (например, формы именительного и творительного падежей в функции субъекта активной или пассивной конструкции и в роли «темы» высказывания; личные глагольные, адъективные и причастные словоформы в предикативной функции и в роли «ремы» высказывания и т. д.). В силу этого статус «синтаксических» (в строгом смысле) категорий за компонентами семантической либо коммуникативной структуры предложения закреплен быть не может.

Если определять синтаксическую категорию (по аналогии с морфологической) как «систему противопоставленных друг другу рядов синтаксических единиц с грамматическими (синтаксическими) значениями, объединяющимися в единое, общее значение»¹¹, то основополагающим фактором при анализе синтаксических феноменов с категориально-типологической точки зрения следует считать наличие в синтаксическом строе какого-либо языка дву- или многочленной оппозиции некоторых синтаксических форм. Соблюдение подобного требования необходимо влечет за собой элиминацию из списка грамматических категорий таких понятий, как «предложение (простое и сложное)», «члены предложения» (синтаксемы), «сочинение», «подчинение», «предикация», поскольку сами по себе, в отвлечении от того или иного формирующего парадигматическую оппозицию грамматического смысла, синтаксические единицы, их части и отношения (типы связей) не составляют противопоставленных рядов форм. Иное дело — например, понятия «предикативности», «синтаксического наклонения», «синтаксического времени», «синтаксического лица», утвердительности / отрицательности, активности / пассивности и т. п., наделенные тем самым обобщенным синтаксическим значением, которым в системе языка обладают целые группы противопоставленных друг другу форм, входящих в качестве составной части в т. н. «функционально-семантические поля» модальности, темпоральности, залоговости, персональности и др. (в терминах функциональной грамматики А. В. Бондарко и его последователей).

Перечень собственно синтаксических категорий предложения, носящих структурно-парадигматический характер (т. е. получающих в системе языка формальное воплощение в виде рядов конструкций, противопоставленных по какому-либо синтаксическому значению), на наш взгляд, можно представить в виде следующего списка:

- категория предикативности (с подкатегориями синтаксического наклонения, синтаксического времени и синтаксического лица);
- категория целеустановки (с подкатегориями повествовательности, побудительности и вопросительности);
- категория эмоциональности (восклицательности / невосклицательности);

⁸ Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. С. 12.

⁹ Там же. С. 11—12.

¹⁰ Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 2. С. 11.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 11.

- категория модальности (утвердительности / отрицательности);
- категория конвертируемости (активности / пассивности);
- категория полупредикативности (зависимого таксиса);
- категория субъективной оценки (субъективной модальности¹²).

Собственно синтаксические категории, в отличие от семантико-синтаксических и коммуникативно-синтаксических универсальных категорий, позволяют представить в рамках учения об общем синтаксисе структурную типологию языков мира.

Особую проблему представляет выделение в качестве синтаксических категорий таких грамматических феноменов, как «полупредикативность» и «субъективная модальность». Перечисленные явления связаны с осложнением элементарной модели предложения структурно факультативными средствами смысловой «компрессии», превращающими формально монопредикативную единицу в семантически и коммуникативно полипредикативную (= пролипропозициональную, полимодальную, полирематическую¹³).

Описанная впервые еще В. В. Виноградовым категория «полупредикативности»¹⁴ формируется в языке рядами обособленных компонентов — оборотов, наделенных модально-таксисной (временные координаты одной ситуации по отношению к другому «положению дел») семантикой, но, по сложившейся традиции, уподобляемых обычным определениям, приложениям и обстоятельствам. Между тем интонационная выделенность подобных образований в структуре предложения (впервые специально анализируемая в «Русском синтаксисе в научном освещении» А. М. Пешковского) сигнализирует о подчеркнутости смысловой, в соответствии с интенцией адресанта речи, и превращении однолинейной синтаксической цепочки главных и второстепенных компонентов в неоднородную иерархию основной и добавочной (свернутой, зависимой, латентной, скрытой, имплицитной, вторичной и т. д.) предикации. Приведем одну иллюстрацию: *...дерзостный восстал Иван-великой, На голове золотой носящий крест...* (А. Пушкин) — здесь на первом уровне структурной организации категорию предикативности выражают члены грамматического центра (с грамматическими значениями индикатива настоящего времени и 3-го синтаксического лица), и эта предикативная семантика взаимодействует с реальным перфектным смыслом носителя вторичной предикации (с таксисным значением предшествующего действия, результат которого релевантен для настоящего неактуального времени основного предиката) — стержневого компонента обособленного причастного оборота. Оппозиция рядов именных и глагольных (вербодных) рядов обособленных оборотов может формироваться на основе модально-темпоральных (таксисных) частных значений в рамках общей семантики полупредикативности. Ядерную зону в системе средств представления в русском языке категории полупредикативности, очевидно, составляют причастные и деепричастные синтагмы, поскольку партиципальные словоформы обладают глагольными морфологическими категориями, ярко подчеркивающими вторично-предикативное значение конструкции в целом. Однако возможность преобразования (при искусственном развертывании фразы) субстантивных и адъективных обособленных групп в синтаксические аналоги — части сложного предложения — свидетельствует о присутствии синтаксического модально-временного смысла и в именных оборотах: *...но льзя ль не заблуждаться Нам, слабым смертным, в сем пути...* (Г. Державин) — здесь аппозитивная группа синонимична придаточной каузативной части.

Полупредикативность как синтаксическая категория с точки зрения содержательного плана представляет собой синтез двух различных типов грамматических отношений — определительного и предикативного, но не сводится при этом ни к тому, ни к другому, поскольку,

¹² См. анализ средств выражения субъективной модальности, напр., в работе: Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010.

¹³ См.: Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1997.

¹⁴ См.: Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 269; Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 280.

в отличие от собственно предикативности, не выражается личной формой глагола-сказуемого и не способна формировать самостоятельное предложение, но, уже в отличие от обычного атрибута, проявляется только на уровне предикативной единицы, а не словосочетания и требует интонационного расчленения, выделения осложнителя модели в паузой (а также порядком слов, служебными лексемами) и по смыслу актуализированную синтагму — средство языковой компрессии.

Что касается границ сферы полупредикативности, думается, эту категорию следует рассматривать как важнейшую характеристику всех типов осложнителей, не распространяя это понятие однако на главные и второстепенные компоненты предложения (например, на деепричастия в роли организаторов или распространителей грамматического центра предложения или на объектный, атрибутивный или обстоятельственный инфинитив как номинации второй пропозиции), но и не сводя исключительно к явлению обособления причастий, деепричастий и имен. Полупредикативный элемент, приводящий к интенционально заданному нарушению предсказуемости в развертывании высказывания на фоне нормативно ожидаемых компонентов модели, уже сам по себе выдвигает фигуру говорящего, отбирающего и разграничивающего побочные предикации, а потому «имплицитно задает позицию субъекта (агента) деятельности»¹⁵ и субъекта сознания, но также и обнаруживает фигуру адресата речи, для которого осуществляется процесс выдвижения текстовых элементов как речевое намерение адресанта. В этом отношении функционально близкими к обособлению оказываются явления присоединения, пояснения¹⁶, вводности, парантезы, обращения, сегментации. Перечисленные синтаксические феномены представляется возможным объединить под эгидой единой функционально-синтаксической категории акцентирования, позволяющей также осуществить выход за пределы высказывания в текстовое пространство языка.

В связи с анализом категории полупредикативности встает вопрос о ее соотношении с категорией субъективной модальности, впервые подробно описанной в «Русской грамматике» 1980 года. Субъективная оценка говорящим собственного высказывания находит выражение, прежде всего, в разнообразных с точки зрения частных синтаксических значений (в рамках общего для них — персуазивно-модального смысла) группах (рядах) вводных конструкций, а также некоторых самостоятельных построениях с инверсией и фразеологизированной структурной схемой. При этом по происхождению подавляющее большинство вводных компонентов — главные части бывших сложноподчиненных предложений, утратившие свою союзно-выраженную связь с придаточными (*Возможно, что мы встретимся / Возможно, мы встретимся*). Таким образом, исторически «модус» (в терминах Ш. Балли) предложения оказывается тесно связанным с предикативностью, которая не исчезает полностью, а как бы «просвечивает» в качестве грамматической «внутренней формы» сквозь субъективно-модальное значение осложнителя модели, демонстрирующего, как и полупредикативные конструкции, явление свертывания (компрессии) грамматического аналога.

Выход современной лингвистики за пределы предложения в область дискурса как связного целого неизбежно ставит перед языковедами задачу исследования текстовых грамматических категорий, а также проблему разграничения категорий собственно синтаксических, с одной стороны, и семантико-синтаксических и функционально-синтаксических — с другой. Так, в работах В. Г. Гака деление грамматических категорий предложения («коммуникативных», «модусных», в терминах автора) осуществляется в зависимости от их ориентации на говорящего или собеседника. Категории, связанные с фигурой субъекта речи, — это ис-

¹⁵ Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 2005. С. 21.

¹⁶ В. И. Чуглов грамматическую природу пояснительных оборотов предлагает толковать с опорой на смежное с полупредикативностью понятие «неполной сопряженной предикативности»: «Помимо полупредикативности существует другой вид неполной предикативности — неполная сопряженная предикативность, свойственная конструкциям с пояснительными и другими параллельными членами» (Чуглов В. И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2012. С. 7). См. также: Чуглов В. И. Осложненные предложения в современном русском языке. Полупредикативные и пояснительные конструкции (в структурно-семантическом аспекте). Вологда, 2011.

тинность (утвердительность / отрицательность), модальность, лицо, дейксис (временная и пространственная локализация), эмотивность (восклицательность). Категории, ориентированные на адресата, — это целенаправленность (повествование, вопрос, побуждение, пожелание), информативность (актуальное членение), речевая ситуативность (модификации предложения, связанные с той или иной функциональной сферой литературного языка)¹⁷. Такое расширение списка синтаксических категорий представляется вполне оправданным и даже необходимым именно при переходе от рассмотрения отдельного высказывания на уровень грамматики текста, анализируемого как результат деятельности участников коммуникации. Синтаксические категории находятся в тесном взаимодействии с семантическими (субъекта, предиката, объекта и т. д.) и функционально-коммуникативными (темы, ремы, акцентности и др.) категориями. Дальнейшая задача описательного и объяснительного синтаксиса русского языка — комплексный анализ подобного категориального взаимодействия с выходом на общую теорию текста.

Заключая, отметим, что система синтаксических категорий современного русского языка нуждается в дальнейшем исследовании, в т. ч. с точки зрения сравнительно-типологического и диахронического аспектов анализа. «Проверка» синтаксических категорий на предмет их универсальности и средств выражения в языках разных грамматических типов, изучение этапов формирования той или иной категории в связи с процессом культурно-исторического становления того или иного этноса — задачи ближайшей и более отдаленной перспективы развития лингвистической мысли. Пока же с сожалением приходится констатировать ослабление степени «грамматичности» и, напротив, усиление культурологичности, логицизма и прагматической направленности в современных синтаксических штудиях, отказ от традиционного для русского языкознания внимания к иерархии единиц и категорий грамматики, от рассмотрения их в единстве формы и значения, в рамках исторически сложившейся динамической системы.

¹⁷ Гак В. В. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1986. Т. 2. С. 58—59.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ *(ПО)ЧУВСТВОВАТЬ (КАКУЮ) РАДОСТЬ* КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Замир Курбанович Тарланов много и плодотворно занимается изучением истории и современного состояния односоставных предложений¹. При этом он подчеркивает, что богатство односоставных конструкций в русском языке вовсе не означает, будто двусоставными предложениями те же значения, скажем, значение эмоционального состояния человека, у нас выражаются хуже, чем в западных, а русской ментальности якобы свойственна пассивность субъекта.

В основе русского литературного языка лежит язык церковнославянский, который, в свою очередь, благодаря многочисленным переводам с греческого, впитал в себя важнейшие конструктивные и семантические особенности этого классического культурного языка Европы, по отношению к которому все прочие европейские языки, включая латинский, оказывались в отношении учеников. Свои собственные синтаксические возможности и греко-славянская языковая культура позволили литературной форме русского языка выработать двусоставные конструкции, тонко и детализированно описывающие чувства и эмоциональные состояния человека. Разнообразие таких конструкций не уступает романо-германским языкам. Однако в языках с утраченным склонением отсутствует категория волеизъявления, которая выражается, в частности, в русских одно- и двусоставных конструкциях и которая, как нам представляется, регулирует синтаксический способ выражения чувства человека. Эта мысль уже давно была высказана З. К. Тарлановым, здесь мы пытаемся ее формализовать.

В качестве примера возьмем способы выражения чувства радости. Двусоставные конструкции (*Я радуюсь. Я чувствую радость.*) показывают зависимость от воли человека, осознанность, контролируемость чувства. Односоставная конструкция (*Мне радостно.*) показывает независимость от воли человека, неосознанность, неконтролируемость чувства. Возвратные глаголы чувства *беспокоиться, бояться, веселиться, волноваться, сердиться, тревожиться* и под., к которым относится *радоваться*, выражают эмоции обобщенно, без каких-либо особых нюансов. Различные тонкие подробности чувства позволяет выразить глагольно-именная перифраза *(по)чувствовать (какую) радость*. Именно поэтому есть смысл остановиться на развитии в русском языке этой перифразы.

Благодаря возможностям Национального корпуса русского языка (НКРЯ, см.: URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>), мы можем ознакомиться с богатым языковым материалом в последние три века. На расстоянии от 1 до 5 слов в основном подкорпусе НКРЯ находится 272 вхождения словосочетаний *чувствовать ... радость* и 185 вхождений *почувствовать ... радость*.

Чувствовать радость — излюбленное словосочетание архиепископа Платона (Левшина). Наиболее ранний пример: ...для того, что чаает быть какому нибудь судии, которой грехи казнят: а напротив для тогож люди добродетельные некое внутрь себя *чувствуют спокойствие и радость*. [архиепископ Платон (Левшин). Катихизис осьмый, (1757)] Всего у Платона, по НКРЯ, 10 словосочетаний *чувствовать радость*. Производную форму сов. вида он еще не употребляет. Характерные согласованные определения: *духовная, истинная, живая*, несогласованное: *спасения*. Перифраза используется и для расширения позиции прямого дополнения однородными членами: *спокойствие и радость; легкость, бодрость, радость*.

¹ См.: Становление типологии предложения в русском языке в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999; Типология предложений и модальные слова в истории русского языка в их системном становлении // Филологические науки. 2003. № 6 и др.

Лишь один раз в этом сочетании слово *радость* у Платона употреблено без определений и без однородных членов: *Чувствуя* в сей жизни *радость* в душе твоей, достигай и онаго великаго преимущества, егда праведницы возсияют, яко солнце, в царствии Отца их. [архиепископ Платон (Левшин). Слово на день Святыя Пасхи, (1779)] Однако легко заметить, что и в этом контексте глагольно-именное словосочетание осложнено зависимыми сочетаниями *в сей жизни* (в значении обстоятельства) — при глаголе и *в душе твоей* (в синкретичном значении обстоятельства и несогласованного определения) — при имени. Традиционное, идущее из Средневековья парное сочетание *радость и веселие* подчинено в составе причастного оборота существительному *дух*: По благодати Всевышняго удостоившись узреть дарованную мне от промысла Его паству, которая лице вы благочестивое и мне любезное собрание днесь представляете, сподобившись узреть вас, *чувствую радости и веселия истиннаго преисполненный дух мой*. [архиепископ Платон (Левшин). Слово при случае перваго вступления в тверскую паству, (1771)] Здесь можно усмотреть даже оборот «Двойной Винительный» («чувствую дух мой преисполненным радости и веселья»), подобающий общей возвышенности и торжественности речи Его высокопреосвященства.

Если у духовного лица рассматриваемое словосочетание вполне освоено, то в светской речи его освоение начинается с переводов: Никогда любовникъ владѣющей по желанію своему любезною *не чувствовалъ толь сладкой радости*. [Разговоры боговъ (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Іюля мѣсяца, 1759] ...но тогда, когда *чувствую благородныя радости и печали, возвышающія душу мою*. [Стерн (перевод). Марія // Московской Журналь. 1791] В переводе же впервые образуется и приставочная форма сов. вида: Отъ него *почувствовалъ я несказанную радость*, которая однако ни мало не повредила тѣло. [П. И. Погоретский. Опытъ о пользѣ трезвья жизни [перевод сочинения Л. Корнелия], (1768)].

Первым из светских авторов, кто отважился сложить это сочетание в своей оригинальной речи, был замечательный писатель М. Д. Чулков: В сѣм случае узнала она причину своего беспокойства, с великим прискорбием сожалела о потерянии своей вольности, сетовала о своём беспокойствии; но в самое это время *чувствовала некоторую в себе радость*, которая против воли её обладала её сердцем [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, (1766—1768)]. Речь идет о Плакете, повелительнице пустынного острова, куда попал несчастный царь Кидал, сокрушенный тем, что Аскалон отрубил голову его любимого старого наставника. Плакете Кидал сразу очень приглянулся, так что здесь описывается самый прекрасный и самый таинственный момент зарождения женской любви. Вечером Плакета распростилась с Кидалом, предоставила ему безопасный ночлег, а сама удалилась почивать на свой корабль. Конечно же, ночью ей было никак не заснуть, она очень переживала за Кидала и боялась, как бы он от отчаяния не покончил с собой, но стыд и высокое положение мешали ей броситься к Кидалу. Плакета прекрасно осознавала все свои чувства, что и выразил Чулков двусоставной конструкцией. Радость любви завладела сердцем Плакеты *против* ее рациональной *воли*, и это объективно показывает целесообразность исследования категории волеизъявления в русском языке. Плакете было радостно, но сказано об этом в неизвестной тогда еще в светской оригинальной литературе синтаксической форме, предполагающей проявление воли, некоторый самоконтроль. Так Чулков выразил противоречивые чувства Плакеты.

Можно говорить о двух источниках словосочетания *чувствовать радость* — церковном красноречии и светской переводной литературе. Второй источник лишь подкрепляет и усиливает первый, давая зеленый свет этой перифразе в дальнейшей отечественной словесности. Она многократно встречается у Н. М. Карамзина, В. В. Измайлова, А. Е. Лабзиной, В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя и других великих и не очень литераторов. В течение XIX — начала XX века (мы обследовали материал до 1920 года) палитра возможных усложнений словосочетания неуклонно расширяется.

Эпитетами: *несказанная, небесная, затем земные, истинная, странная, жгучая, мучительная, свирепая* (Голосъ хитраго Дива раздался въ сердцахъ Саламанцевъ: они всѣ вдругъ по-

чувствовали свирепую радость, подобную той, какую возбуждает в молодых генах дикой, пронзительный голос жестокой их матери, когда, растерзав члены заблудившагося в горах путника, она, окровавленную пастью, призывает голодных дѣтей своих разделить с нею ужасную пищу. [О. И. Сенковский. Смерть Шанфарія, (1828)], не совсем похвальная, безумная, безмерная, сильная, живая, большая, необъяснимая, для меня еще новая, крепкая (у Горького), необыкновенная, маленькая новая, страшная, былая, несмелая, злая (у Писемского в «Масонах»), еще бóльшая, велия (у Н. А. Лейкина), известная, особенная, новая, необычайная, беспокойная, желанная, пьяная.

Несогласованными определениями: *быть отцом*, затем *на сердце, жизни в Церкви, участия в бесконечно великом деле; в том, что родила человека в мир; жить в прозрачном воздухе осени, под ясным небом, на земле, богато вышитой шёлковыми травами; чего-то нового, незлого, светлого и высокого; жизни; неодиошества; жить свободно с возможностью добра* (у Л. Шестова); *освобожденного из темницы узника*.

Генитивными метафорами: *прилив*, затем *трепет, нерушимость и вечность, полнота радости*.

Однородными членами: *некоторое тихое удовольствие, радость*; затем *печали и радости* (мн. ч. впервые в 1795 году у В. В. Измайлова); *тоска и радость*; и *радость и страх* (Хуханье-Шаньюй, получив известие о гибели Чжичжы, чувствовал и *радость и страх*. [Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, (1851)]); *необыкновенная легкость и радость; радость и счастье; злоба, радость; наплыв какой-то, радость какая-то; и возможность и радость бытия; тепло, свет и радость жизни в Церкви; их радости и горести; и радость и тревога; умиление и радость, радость и в то же время внутренняя неудовлетворенность* (у Станюковича, 1895); *такая радость и вместе такой страх, что...* (у Л. Н. Толстого); *радость и облегчение; радость бытия, прилив сил, молодость и бодрость; радость жизни, молодость; радость неодиошества и несмелую надежду на что-то; беспокойную радость и безотчетное волнение; с двойным отрицанием: не чувствовать ни радости, ни нетерпения; ничего, ни радости, ни печали; ни радости, ни горя; ни облегчения, ни радости; ни горя, ни радости; ни радости, ни гордости, ни даже того успокоения, которое...; ничего не почувствовал, кроме радости, что не задохся; ни радости, ни удовольствия бить их* (у Горького); *не почувствовал никакой радости*; с одиночными отрицаниями: *не чувствовать горя и радости* (Бехтерев, 1902); *чувствовала не радость, а какой-то странный испуг; не страх почувствовал, а какую-то злую радость, похожую на ту, которую он испытывал...* (Писемский. Масоны). Изредка одиночное отрицание употребляется и без однородных членов: «Нет, не хочу благоприятного ответа, — подумала она, — он загордится и не почувствует даже радости, что у меня есть свое имение, дом, сад... [И. А. Гончаров. Обломов, (1859)] ...он не почувствовал радости [С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев, (1906—1907)].

Указательными, относительными, неопределенными и определительными местоимениями, союзами с придаточными: *некоторая* (у Карамзина, возвращается через 100 лет у Станюковича); *такая...*, *какая* (Я чувствовал такую радость, какой (не было. — Д. Д.) со времени нашей разлуки, милые! [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, (1793)]); затем *вся; что иное, кроме радости* (Я оживотворяюсь твоим присутствием, прелестная Селима: да и могу ли что иное чувствовать, кроме радости, когда ты в глазах моих? [Н. И. Зряхов. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа, (1840)]); *такая сильная, что...; одна; какая-то; та, которую доставляешь всем; радость, что...; эта; не чувствовал той радости, с которой...; такая, как будто...; что-то, похожее на радость; радость того, чтобы...; ту же, что и ...; ту, которая...*

Обстоятельствами: *в полной мере*; затем *видя, как смешны благонамеренные слова в устах плута, и как уморительно смешна стала всем, от кресел до райка, надетая им маска*. [Н. В. Гоголь. Театральный разъезд, (1842)].

Вдруг почувствовала радость (у Чехова, без эпитетов).

Лучшие наши прозаики соединяют разные способы усложнения словосочетания *чувствовать* (*реже почувствовать*) *радость*. Так, Тургенев применяет повтор сначала с оксюморонным однородным членом, затем с градацией (климаксом) эпитетов: И вот мы с вами вдвоем, в вашей комнате, — а я... я не чувствую блаженства; я чувствую тоску и радость, странную, жгучую, мучительную радость... [И. С. Тургенев. Неосторожность, (1843)].

Другие соединяют эпитет и обстоятельство: Я едва сам себе верю, читая написанные слова... А все-таки я *чувствую сердечную радость, глядя на эти буквы*... Я так давно не видал ничего родного, так давно не писал... Мой господин, да! [Р. М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году. Ч. III, (1850)].

Многие соединяют эпитеты и однородные члены, при этом может быть добавлено еще и обстоятельство: *Выезжая на улицу* (их всего пять: главная, по которой идет почтовая дорога и которая ведет к мосту через Оку, занимает середину села), вы *чувствуете какую-то необыкновенную легкость и радость на сердце при виде здорового, довольного, счастливого человека* [Д. В. Григорович. Переселенцы, (1855—1856)]. После грозы, быстро пролетавшей, так было хорошо и свежо, так легко на сердце, что я приходил в восторженное состояние, *чувствовал какую-то безумную радость, какое-то шумное веселье*; все удивлялись и спрашивали меня о причине, — я сам не понимал ее, а потому и объяснить не мог [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники, (1858)]. А вот *сейчас почувствуете и велию радость, и взыграніе сердца*. [Н. А. Лейкин. Воскресные охотники, (1898)].

Пришвин соединяет обстоятельство, генитивную метафору и несогласованное определение: Можно отвернуться иногда и *чувствовать во всей силе полноту радости жизни*: иногда, когда лунным утром при звездах и алом востоке я прохожу теперь нашими только час замерзшими озерами, сверкающими новыми звездами, я испытываю бесконечную радость! [М. М. Пришвин. Дневники, (1920)].

Н. Г. Гарин-Михайловский и З. Гиппиус соединяют обстоятельство, несогласованное определение и однородные члены: Наклонился бы, поцеловал это белое плечико и *почувствовал бы сильнее прелесть дня, радость жизни, свою и ее молодость*... [Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты, (1895)] Она *опять почувствовала радость неодинокства и несмелую надежду на что-то* [З. Н. Гиппиус. Без талисмана, (1896)].

Множественное число употребляется при метонимическом переносе с наименования чувства на предметы или события, служащие поводами к этому чувству: И я часто, смотря, вспоминала: «Ах, ежели бы теперь со мной были друзья мои: как бы они представили мне величество Божие, и я бы *больше чувствовала радостей*»; иногда эта мысль заставляла меня плакать. [А. Е. Лабзина. Воспоминания, (1810)] Беды не минуешь, пусть сердце приучается все забывать, пусть как камень *холодной не чувствует радостей земных*, чтоб горе не имело также над ним влияния [А. А. Оленина. Журнал, (1829)].

Возможность усложнять словосочетание *(но)чувствовать радость* используется практически всегда. С глаголом несов. вида без усложнения примеры вообще не встречаются. Эти усложнения развиваются с XVIII века по нарастающей и оказываются очень востребованными в русском языке, не менее, нежели безличные предложения типа *Мне радостно*. Субъект, в случае двусоставной конструкции, особенно трехчленной типа *Я чувствую* (какую) *радость*, с обязательным расширением, изображается как не только чувствующий, переживающий свои эмоции, но и волевой, мыслящий, углубляющийся в оттенки своих чувств. В безличном способе выражения субъект остается только переживающим, не проявляющим своего волеизъявления.

Таким образом, описывая состояния своей души, русский человек имеет полную свободу в выборе средств выражения осознанности и контролируемости / осознанности и неконтролируемости / неосознанности эмоционального состояния субъекта. **Для русского языка характерна категоризация волеизъявления.** Осознанность своего волеизъявления выражается двусоставными конструкциями (*Я хочу... Я не работаю... Я чувствую* (какую) *радость, радуюсь, рад*... в зависимости от ситуации), неосознанность и отсутствие проявления своей

воли выражается односоставными конструкциями (*Мне хочется... Мне не работается... Мне радостно...*). Помимо синтаксических, имеется ряд специфических лексических, словообразовательных и морфологических средств, выражающих зависимость или независимость от воли субъекта, волеизъявления, присутствие или отсутствие осознанности, контролируемости состояния, поступка, действия. Ср.: *Удалось, пришлось, получилось, нарочно, сознательно, целенаправленно* (прямо выражается волеизъявление) и *вышло, случилось, случайно, ненароком, сдуру* (прямо выражается отсутствие волеизъявления). *Я размышляю о своей судьбе* (зависит от воли) и *Я размышляю о моей судьбе* (не зависит от воли). *Я посмотрел на цветущую сакуру* (зависит от воли) и *Я засмотрелся на цветущую сакуру* (не зависит от воли). *Уж не жду от жизни ничто я* (Вин. п. при отрицании, говорится с волеизъявлением) и *Уж не жду от жизни ничего я* (Род. п. при отрицании, говорится без волеизъявления). Категория волеизъявления выражается и многими другими средствами, которые особенно ясно видны на фоне китайского языка, не выражающего этой категории. Волеизъявление можно было бы назвать и функционально-семантическим полем, но, в отличие от функционально-семантического поля, ядро которого давно известно, формализовано морфологически или синтаксически и служит **данным**, категория волеизъявления **задана** и требует своего дальнейшего обоснования, которое блестяще начато Замиром Курбановичем и попытка продолжения которого была произведена выше.

По основному языковому способу своего выражения категория волеизъявления вполне может быть отнесена к синтаксическим категориям. Она хорошо отличима от категории склонения или пересказывательности. Основное ее содержание — проявление: непроявление воли субъекта. Наиболее глубокие связи она имеет с синтаксической категорией падежа. Если субъект выражен именительным падежом, способность к проявлению его воли показывается. Если субъект выражен дательным падежом, способность к проявлению его воли не показывается. В случае отсутствия Винительного падежа прямого объекта (*Я радуюсь. Я рад.*) значение волеизъявления выражается слабее, потому что чувства дифференцируются непосредственно сказуемым. В случае выражения наименования чувства в Винительном падеже (*Я чувствую радость.*) значение волеизъявления выражается сильнее, ибо такая конструкция требует расширения для максимально дифференцированной характеристики чувства. Следовательно, есть смысл говорить не о двухчастной, а о трехчастной категории волеизъявления. Она потому и выделяется трудно в русском языке, что не имеет характера привативной оппозиции, а включает трехчленную градуальную оппозицию.

О реальности этой категории говорит тот факт, что конструкции с вин. падежом невозможно отнести к действительному залогу. Вопреки общему правилу, он не трансформируется в страдательный залог, ср.: **Мною чувствуется радость. *Мною почувствована радость.* Вин. падеж в исходной конструкции не имеет значения отчуждаемого объекта, с которым можно производить какие-либо действия. Таким образом, категория волеизъявления объясняет ограничения в действии категории залога.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА И ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Черепанова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЗОПЕЯ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКИХ ЗАКЛИНАНИЯХ И ЗАГОВОРАХ

Явление прозопеи¹ — неотъемлемый элемент почти всех фольклорных жанров, имеющее многоступенчатую градацию от развернутого образа антропоморфного характера (например, *Мороз Иванович*, *Лихо Одноглазое*) до формульной локализации заклинательного или табуистического происхождения (*косоворотки наехали* (о зевоте), *околеван пришел* (о сильном морозе), *дождик, дождик, перестань* и т. п.), между тем в заговорах и заклинаниях прозопея — основная жанровая особенность, самая существенная черта поэтической структуры, одна из жанровых доминант этого вида фольклорных произведений. Даже утрачивая магическое значение, заговорные и заклинательные формулы (*царь-огонь*, *господин хмель* и др.) сохраняют свою эмоциональность и образность, что во многом обеспечивает историческую устойчивость заговору как жанру.

Истоки явления прозопеи в фольклоре² следует искать в особенностях человеческого мышления на определенных ступенях его развития, а именно на ступени господства мифологических представлений. Олицетворение и персонификация как форма существования образа могли возникнуть на основе представления о единстве, родственности человека с предметами и явлениями окружающего мира — «закона сопричастности», по Леви-Брюлю. В основе прозопеи лежит также способность человеческого мышления к такому объяснению явлений действительности, «при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом»³. Наконец, предпосылкой возникновения прозопеи является конкретность мышления, когда общее осознается через частное, абстрактное — через конкретное.

В текстах заклинательного характера актуализируется фатическая функция языка⁴, относящаяся к контакту, к самому факту общения. При произнесении заговора говорящий ставит перед собой цель силой слова изменить ход событий, воздействовать на какие-нибудь обстоятельства или явления действительности. Слово, речь, даже если им приписывается магическая сила, предполагают наличие двух участников коммуникативного акта: информатора

¹ Под общим наименованием прозопеи мы понимаем два близких, но не тождественных явления: одушевление, т. е. наделение некоего неодушевленного предмета свойствами живого существа, — с одной стороны, и персонификацию, или представление объекта в антропоморфном виде, — с другой.

² По мнению Б. Н. Путилова, поэтика фольклора вообще «представляет собою различные уровни воплощения народного художественного сознания» (*Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 22*).

³ *Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 22.*

⁴ В терминах Р. О. Якобсона: *Jakobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language. Ed. by Th. A. Sebeok. Cambridge ; Mass, 1966. P. 353—357.*

и реципиента. И если в роли реципиента выступает неодушевленный или неличный объект, возникают особые условия для его одушевления или персонификации. Таким образом, прозопея в заговорах и заклинаниях по своему происхождению — не стилистический прием, не поэтическая фигура речи, а отражение определенного характера восприятия мира.

В основе явления прозопеи как художественного приема, как тропа, лежит смысловая двуплановость, в мифологических же контекстах такую двуплановость обнаружить не удастся. Прозопея в мифологии и в искусстве различается тем, что во втором случае она является средством создания образа, а в первом — формой его существования, отсюда следует весьма существенное различие в языковых средствах реализации прозопеи в текстах фольклора и художественной литературы.

Простейший заговор имеет два «действующих лица»: говорящее лицо, субъект (S) и объект заговора (O): *Пройдите, грыжи, из сеньцей воротьми, из байни дверьми в чистое поле...* (I, № 122, Арх.⁵). Однако чаще в заговорах есть третий компонент (M) — своего рода посредник между S и O, наименование той силы, к которой обращаются с просьбой воздействовать на объект заговора: *Черные вороны (M), клюйте, съедайте с N двенадцать родимцев (O)* (III, № 12, Арх.). Субъект, как правило, представлен имплицитно, выступая эксплицитно только в тех случаях, когда заговорная формула направлена на самого говорящего: *Тебе, поле, красота, красота, а мне, жнее, легота, легота* (IVIII, № 3, с. 30, Шенк.). Объект заговора иногда предстает расчлененно: это непосредственный объект — явление, свойство, на которое должно быть оказано воздействие (O), и носитель этого свойства (O_{pers}): *Первый брат сток, второй сивер, третий лето (M)! Внесите вы тоску и сухоту (O) в рабу божию N (O_{pers}), и чтоб она по мне (S) тоснула и сохла* (I, № 1, Арх.).

Явление прозопеи может затрагивать в первую очередь M — наименование той силы, которой приписываются магические свойства, а также одушевляться или персонифицироваться может объект заговора O. В качестве M прозопее подвергаются наименования предметов и явлений природы, животных, растений, в отдельных случаях — предметов крестьянского обихода (например, печка, колечко): *Млад месяц, увивай около меня женихов, как я увиваюсь около тебя* (I, № 34). Типологически это древнейший пласт прозопеи, соотносимый с мифологическими представлениями этапа стихиям и предметам окружающего мира. Такие из них, как дуб, рябина, змея, ворон, не говоря уж о стихиях, небесных светилах, играли заметную роль в мифологии славян.

Среди объектов заговоров наиболее часто прозопея охватывает наименования болезней, недугов, частей человеческого тела и организма: *Рябина, рябина, вылечи мои зубы, а не вылечишь, всю тебя изгрызу* (I, № 80, Калуж., Ворон.). В гиластических формулах в качестве O прозопее подвергаются наименования отдельных явлений природы, которые способны причинить человеку вред (мороз, дождь и др.) и сельскохозяйственных культур, обеспечивающих благосостояние (рожь, хмель и пр.): *Мороз, мороз, поди к нам кисель с молоком хлебать* (I, № 355, Влад.).

Прозопея осуществляется двумя основными путями: а) различными способами именования объекта прозопеи; б) различными способами соотнесения этого объекта с действительностью: *Кровь-яровица, красная девица* (а — переименование в позиции обращения с приложением), *поиграла пошутила на белом камушку* (б — форма индикатива прошедшего време-

⁵ При цитировании заговоров и заклинаний используются следующие условные обозначения источников материала: I (*Майков Л.* Великорусские заклинания. СПб., 1869), II (*Ветухов А.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова // *Русский филологический вестник.* 1903. Т. 50. № 3—4; 1904. Т. 51. № 1—2), III (*Мансикка В. Н.* Заговоры Шенкурского уезда // *Живая старина.* 1912. В. 1. С. 125—136), IV (*Шешенин А. К.* Этнографические сведения о жителях Шенкурского уезда // *Зеленин Д. К.* Описание рукописей участников археографической экспедиции Имп. Географического общества. Вып. 1. Петроград, 1914), V (*Данилов В. В.* Кадниковский уезд Вологодской губернии // *Север.* 1923. № 3—4), VI (*Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913), VII (*Макаренко А.* Материалы по народной медицине Ужурской области, Агинского округа, Енисейской губернии // *Живая старина.* 1897. Вып. 1—2). Место записи заговора не указывается в тех случаях, когда оно не указано в источнике.

ни). *Нитка, оборвись, кровь, уймись* (б — наличие обращения, императив) (I, № 158, Калуж.). Хотя в большинстве случаев явление прозопеи достигается с помощью использования комплекса тесно взаимосвязанных языковых средств, препарация и описание их с точки зрения принадлежности к различным уровням языка представляется вполне возможным.

Лексико-семантические средства достаточно разнообразны: 1) прежде всего это использование в сказуемом глаголов активного действия, речи, восприятия и т. п., соотносимых по семантике прежде всего с одушевленными существительными или личными именами: *Колечко, колечко, скажи словечко...* (V, № 3—4, Волог.); ... *отыщи, дорогой золотник, свое дорожное место...* (I, № 50); 2) в именном сказуемом или главном компоненте безличной конструкции используются имена существительные, прилагательные, слова категории состояния, соотносимые семантически только с лицами: *Небо — отец, земля — мать* (I, № 253, Ворон.); *Батюшко ты, царь-огонь, будь ты кроток* (I, № 239, Курган., Тобол.); *Рыба карась или плотица, как тебе тошно на желтых песках, так бы было тошно рабе N...* (I, № 13); 3) в качестве подлежащего или распространителей выступают существительные, характеризующие адресата как одушевленный предмет и уподобляющие его человеку: *Матушка печка, укрась своих детушек* (I, № 257, Волог.); *Кован еси брат, сам еси оловян, сердце твое воцано, ноги твои камни* (I, № 336).

Лексико-синтаксическим средством прозопеи является весьма широко представленное в заговорах приложение, определяющее объект одушевления или персонификации, выступающее в формах личного имени (иногда в сочетании с отчеством), терминов родства, наименования титулов и прочих личных существительных: *Брат муравей...* (I, № 274, Тоб., Тюм.); *Царь дуб...* (I, № 223, Череп.); *Ты, земле Татьяна, ты, вода Ульяно...* (II, с. 248)⁶.

Лексико-словообразовательные средства языка участвуют в оформлении прозопеи в виде новообразований существительных личного значения, построенных на основе существующих словообразовательных моделей: *Красная красавица, белая белавица, черная чернавица...* (I, № 96, Новг.); *Золотуха-красуха...* (I, № 93, Калуж.); *Возьми полуночника и щекотуна...* (I, № 56, Енис.).

Логико-грамматические средства используются весьма ограниченно — к ним причисляем, например, случаи, где эффект прозопеи достигается наложением категории грамматического рода на понятие пола: *Воскресенье с понедельником, вторник со средой, четверг с пятницей, а тебе суббота дружки нет* (I, № 250).

Морфолого-синтаксическими средствами прозопеи следует считать: 1) использование в заговорных формулах личного местоимения 2-го лица, возвратного и притяжательного местоимений: *Брат муравей, скажи брату своему муравью...* (I, № 274, Тобол., Тюм.). *Ты, нитка, оборвись...* (II, с. 231); 2) глагольных форм 2-го лица повелительного наклонения или настоящего — будущего времени: *Засекайте, мои слова, от колдуна...* (I, № 44, Череп.); *Помагаешь ты, вода явленная...* (II, с. 249); 3) единичны случаи, где прозопея осуществляется использованием формы одушевленности (В. п. = Р. п. вместо нормативного для неодушевленных существительных в системе языка И. п.) — так, в заговоре от бессонницы и ночного крика у детей находим: «Вояси ты, матушка заря утренняя Мария и вечерняя Маремьяна, приди к нему, ко рабу божию, ко младенцу, возьми ты у него *полуночника* и *щекотуна* из белого тела... (I, № 56, Енис.).

Наконец, почти в каждом случае прозопеи в комплексе языковых средств присутствуют *синтаксические явления* — это, в первую очередь, обращения и повелительные предложения: *Вставайте вы, матушки, три тоски тоскучие, три рыды рыдучие, и берите свое огненное пламя...* (I, № 14, Южн. Сиб.).

Расчленив явление прозопеи на составляющие элементы — одушевление и антропоморфизацию — довольно трудно. Однако можно установить некоторую спецификацию в этом

⁶ В отличие от обычных случаев использования личных имен, где приложением является имя нарицательное (ср.: *врач Сергеев, брат Вася* и т. п.), в заговорах есть основание считать приложением личное имя, поскольку оно по своей функции приближается к собственным именам в названиях типа *река Шексна, звезда Сириус* и т. п.

отношении языковых средств прозопеи. Достаточно отчетливы две тенденции. Во-первых, одушевление может создаваться любыми языковыми средствами, персонификация — преимущественно лексико-семантическими и с помощью приложения — личного существительного. Во-вторых, персонификация достигается преимущественно путем именованя объекта прозопеи, а одушевление — способом соотнесения объекта с действительностью. Следует иметь в виду также, что попытка установить характер прозопеи имеет условный характер, поскольку мы не можем адекватно спроецировать наше восприятие заговорного текста на восприятие, обусловленное мифологическими представлениями: поэтическая сторона заговоров, их образная система, ритмико-мелодический строй уже давно оттеснили на второй план заклинательно-гиластическое значение произведений этого жанра и обеспечили им сохранность как образца народно-поэтической мысли.

ЯЗЫК ВОЕННЫХ УСТАВОВ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ¹

Монография З. К. Тарланова «Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля»² — замечательный раздражитель (в хорошем смысле) и серьезный научный повод продолжить исследование в том же аспекте других стилей русского литературного языка. На примере текста «Устава воинского» (1716)³ в главе предлагается взглянуть на пути формирования делового стиля военного подстиля русского языка нач. XVIII века.

Из истории «Устава воинского (1716)»

«Устав воинской» (далее — Устав), утвержденный Петром Великим 10 апреля (по новому стилю) 1716 года, по свидетельству историков права и военных историков⁴, явился тем документом, который на долгие годы определил «порядок внутренней жизни русской армии <в условиях> регулярной организации войск»⁵.

Полный текст Устава 1716 года включает три части: сам «Устав воинский» (68 глав), «Артикул воинский с кратким толкованием (209 статей); «Об экзерциции» (3 раздела). Материалом предметного рассмотрения в нашей главе является первая часть (по изданию 1755 года).

Источниками Устава, как утверждают исследователи, послужили «лучшие образцы иностранного уставного творчества: имперские германские, шведские (в артикуле), саксонские (в процессах), французские (в экзерцициях)»⁶. При этом принципиальным для нас является утверждение авторитетнейшего в XIX веке историка П. О. Бобровского о том, что «ни одна из книг “Устава” не составляет буквального перевода какого-либо одного законодательного памятника европейской культуры»⁷. И далее: «Всеобъемлющий гений Петра I не мог довольствоваться буквальным переводом законов какого-либо государства, и в “Уставе воинском” явственно замечаются следы его самостоятельной работы, в большей или меньшей степени»⁸.

О «следах» руки самого Петра I в рукописном тексте «Устава» и его оригинальной природе вполне определенно высказывались и советские историки. Так, П. П. Епифанов отмечает: «Нетрудно заметить при чтении рукописи, что редакционные поправки Петра во всех случаях уточняют и делают более ясными и доступными пониманию читателя статьи Артикула <...> Здесь не было механического заимствования; оно исключалось творческим характером всей преобразовательной деятельности Петра»⁹.

Известно, что существовал «Устав» и на немецком языке, но это был вторичный текст отнесен к русскому, поскольку «назначался исключительно для иноземных офицеров, слу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338].

² Тарланов З. К. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. 275 с.

³ Книга Устав Воинской: О должности Генераловъ, Фельдмаршаловъ, и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежитъ быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и тенденціяхъ, что каждому чинить должно. СПб. : Имп. АН, 1755. 259 с.

⁴ Русская военная мысль. XVIII век / сост. В. Гончаров. М. : Изд-во АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. С. 97.

⁵ Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М. : Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946. С. 5.

⁶ Мартынов В. Ф. Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I // Власть. 2012. № 12. С. 165.

⁷ Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М. : Наука, 1968. С. III.

⁸ Там же. С. V.

⁹ Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М. : Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946. С. 7.

живших в русской армии в качестве наемников; а к этой службе иностранцы привлекались в течение двух столетий до Петра»¹⁰.

Итак, текст «Устава», несмотря на его естественную для XVIII века ориентированность на западные образцы военного уставного творчества¹¹, был оригинальным текстом, в первой же своей редакции созданным на русском языке, причем в его написании активно участвовал сам Петр I.

Особенности языка Устава: общие замечания

В период кардинального реформирования деловой сферы неизбежна установка на новые (или значительно обновленные) речевые формы выражения иерархически выстроенных деловых отношений, и прежде всего — между властью и обществом.

Ориентация Петра I на западное устройство своего государства, влияние идей Г. Лейбница о гармоничном государстве-часах¹², большое желание императора-реформатора противопоставить новое Российское государство прежнему — все эти и другие социокультурные причины привели к тому, что в деловой сфере этого времени наблюдается, с одной стороны, жесткая тенденция к упорядочению документного общения и всего делопроизводства, с другой — поразительная многожанровость деловой сферы¹³ и, на первый взгляд, царящая в ней речевая пестрота (прежде всего с точки зрения использования средств различных стилистических регистров общерусского языка того времени).

Следует при этом учитывать и тот факт, что петровские законописцы и чиновники, в соответствии с идеологией нового государства, часто намеренно и явно ломали традиции предшествующего делового (приказного) языка, при этом, что любопытно, до конца от него не отказываясь. Это могло послужить одной из причин упомянутой разностильности и «речевой пестроты».

В старом приказном языке, что естественно, были свои устоявшиеся нормы, порой очень разумные, поддерживаемые как «образцовыми текстами» деловой сферы (например, «Уложением» 1649 года), так и «наследственной системой приказной бюрократии, весьма образованной и профессионально подготовленной»¹⁴. В результате отказаться полностью от тех или иных приказных формул, речевых средств и способов выражения жанровой прагматики (указы, акты, памяти и под.) вряд ли было возможно.

К тому же нельзя игнорировать и такого феномена, как языковая интуиция, о которой замечательно писал З. К. Тарланов и которой явно обладали создатели первых российских законодательных текстов XVIII века, включая самого императора: «Изменчивая языковая система едва ли объяснима, если не понимать ее как непрерывную цепь историко-культурной реализации этноязыковой интуиции»¹⁵. Потому, на первый взгляд, причудливое смешение «старого» и «нового» в общей логике поиска «своего государственного языка» для зарождающейся Петровской России при более глубоком рассмотрении не кажется ни причудливым, ни смешением вовсе. В этих текстах вполне обоснованно обнаруживаются как архаичные (даже для XVIII века) языковые единицы (особенно — служебные слова и устойчивые сочетания), так и новые, неизменно образованные по типичным моделям общерусского языка:

¹⁰ Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М. : Наука, 1968. С. II.

¹¹ «Компилятивный характер военных законов Петра можно признать лишь в самом обширном смысле слова; нет ни одного европейского законодательного памятника, который не черпал бы материалов из источников посторонних» [Бобровский 1887: II].

¹² Герье В. И. Лейбниц и его век. Т. 2. Отношения Лейбница к России и Петру Великому (по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке). СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. С. 197.

¹³ Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 48 с.

¹⁴ Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв. : учебное пособие. М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 270.

¹⁵ Тарланов З. К. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 16.

Надлежитъ ему **напередъ по прилѣжному, разсужденію всѣхъ обстоятельствъ** учиненнаго преступленія <...> **правомѣрной** приговоръ учинить (УВ 1775, 67—68);

Понеже при походѣ войска для многихъ воевъ и **багажу легко конфузія** произойти можетъ, **того ради потребно есть**, чтобъ при ономъ Генерала-Вагенмейстера <...> учредить (УВ 1775, 84—85);

Тогда **надлежитъ оныя ключи съ** Сержантомъ и съ четырьмя солдатами, Преміэръ или Секундъ Маіору **обрѣтающемуся на главномъ караулѣ паки вручить**, которые должны всѣ въ Губернаторской или Комендантской домъ **паки исправно отнесены быть** (УВ 1775, 189);

И надлежитъ втомъ **крѣпкой порядокъ** въ рангахъ полковъ, и командированныхъ отъ инфантеріи и кавалеріи содержанъ быть, **дабы** каждому полку никакой **обида** въ томъ **не было** (УВ 1775, 71);

Въ прочія же времена только **въ ружье стать** должны, и Офицеры обыкновенной **поклонъ отдадутъ** (УВ 1775, 174).

Общий коммуникативный критерий понятности, как кажется, приобретает главенствующие позиции при создании деловых текстов XVIII века; в деловом диалоге в военной сфере важно добиться быстрых реальных действий — управленческих и ответных, исполнительских. Не следует забывать и того факта, что для петровского времени характерна явная демократизация управленческого аппарата, в том числе — военного, так что на высоких офицерских должностях могли оказаться люди, не в полной мере образованные, поэтому стилистически компилятивный характер текста Устава и в этом отношении имел вполне разумную основу. Неслучайно, видимо, включение в разные части текста Устава глоссов — толкований заимствованных слов, чаще всего — военных терминов. С одной стороны, такой способ представления иноземного слова имел просветительский характер (приобщение офицерства к европейской терминологии), с другой — обеспечивал понятность изложения многостраничного регламента. Толкования оформлялись по-разному: чаще всего указывался русский синоним-эквивалент толкуемого слова, который заключался в квадратные скобки с уточняющим *сирѣчь*, иногда — с союзом «выбора» *или*, либо — без всяких уточнительных слов:

Корволантъ [сирѣчь легкій корпусъ] <...> отдается къ нѣкоторому дѣлу въ команду Генералу, либо у непріятели для пресѣканія или отниманія пасу, или оному въ тылъ итти, или въ его землю впасть и чинить диверсію (УВ 1775, 16—17);

Добрые его кондувиты, возбуждаютъ послушаніе и умножаютъ сильно ауторитетъ **[или власть его]** съ учтивостію, копорую отдавать ему всѣ должны (УВ 1775, 24);

По его повелѣнію надобно весь **лагерь [или стань]** благо учредить, чисто держать и по **инструкціямъ [порядкамъ]** какъ она единожды учинена, каждому во всемъ дѣлать (УВ 1775, 28);

Надлежитъ Генералу Квартирмейстеру, всегда **маркетентерамъ [или харчевникамъ]** при новомъ обозѣ, особое мѣсто за войскомъ опредѣлить (УВ 1775, 62);

Таковому человѣку надлежитъ наипаче быть доброму **эконому, [домоуправителю]** и ариѣметику (УВ 1775, 75).

Некоторые иноязычные слова и понятия, по мнению составителей Устава, требовали более развернутых толкований, в этом случае в качестве глоссы выступал значительный фрагмент предложения или целое пояснительное предложение:

На каждой день обыкновенно на одного человѣка, счисляютъ по 6 футовъ, или 1 сажень фітілю, которому надлежитъ горѣть **10 цоловъ, сирѣчь близъ пяди въ одномъ часу** (УВ 1775, 7);

Которой квартирной постой до тѣхъ мѣсть бываетъ, пока непріятель въ близости обрѣтается, и **сіе кантонированье называется** (УВ 1775, 115).

Для иллюстрации «смешения стилей» в рамках одного текста традиционно и прежде всего приводятся единицы языка, относящиеся к «полярным» стилистическим регистрам — книжному и разговорному. Однако для Устава более наглядным оказывается не столько прием выборочной демонстрации таких единиц (конечно, присутствующих), сколько представление

примеров такого «смешения» в связи с прагматикой всего текста или — даже — одного из фрагментов.

Обращает на себя внимание, например, интересная, но вполне объяснимая закономерность: в тех частях Устава, которые адресуются высшим военным чинам, книжных лексических и грамматических единиц гораздо больше, чем во фрагментах, обращенных к чинам нижним или «коллективному» адресату рядового ранга — *рунд, караул, егеря* и под. Здесь почти отсутствуют или используются нерегулярно заимствованные и «высокие» слова, книжные грамматические формы или риторические фигуры.

Чинь командующаго Генерала есть важной и великаго пространства, почтень бы быть умнымъ, искуснымъ, храбрымъ, вѣрнымъ и попечительнымъ, мужемъ; понеже на немъ зависить все отвѣтствованіе, что при арміи прилучится (УВ 1775: 28).

При этом в обоих случаях единицы (как лексические, так и грамматические) названных двух «полярных» стилей присутствуют почти повсеместно, но соотношение их различно. Ср.:

И понеже все при войскѣ токмо по указу командующаго Генерала-Аншефта управляться имѣеть, того для да не дерзаетъ никто безъ вѣдома онаго о караулахъ учреждать и что вновь чинить (УВ 1775, 198);

Егда Генералиссимусъ войну предпріять хоцеть, то надлежитъ имѣть попеченіе военному совѣту, дабы въ пропитаніи и содержаніи войска, чрезъ устроенные порядочные магазейны въ способныхъ мѣстахъ, и во всемъ таковое учрежденіе учинить, дабы войско нетокмо благовременно во всѣхъ потребностяхъ удовольствоваться, но дабы оное, елико возможно, достаточно было (УВ 1775, 23);

Понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда, которой примѣръ суть дѣти въ волѣ безо наказанія, и страха возвращенные, которые обыкновенно въ бѣды впадаютъ (УВ 1775: 31);

Тогда часовой окликать долженъ: кто идетъ? и того часу ружье приготовить, которое надлежитъ, сколь долго оный на часахъ будетъ, отнюдь изъ рукъ не упускать (УВ 1775, 206);

Караулы всѣ опредѣлены къ тремъ главнымъ постамаъ, дабы туды ретироваться, и онымъ извѣстить, ежели они непріятеля увидятъ (УВ 1775, 213).

В целом же, как отмечалось, Устав не демонстрирует отчетливой отнесенности к какому-либо из трех уже сформированных к тому времени речевых стилей¹⁶.

В самом общем виде стиль военных уставов и регламентов можно было бы определить как *средний*, представляющий собой, по словам Б. А. Ларина, «общий разговорный язык»¹⁷. Однако специальная служебная терминология, заимствованная лексика, архаичные союзы и предлоги, императивные конструкции церковнославянского происхождения, например, с «да (не дерзает)», риторические тропы и др. — все свидетельствует о явном присутствии в этих текстах книжно-письменного стиля.

Высокий стиль текстов, исходящих от самого императора, — факт вполне ожидаемый, но и разговорное начало в эпоху повсеместной демократизации общества, в том числе — военного руководства, также неизбежно. Потому в недрах делового стиля в столкновении и компилятивных сочетаниях высокого и «подлого» постепенно вырабатывается «авторитет» стиля среднего. «В употреблении языка <в XVIII в.>, — пишет В. В. Колесов, — еще нет авторитетов, средний стиль еще только ютится в зазоре между русизмами и церковнославянизмами, да и вообще не ясно, что значит этот “посредственный стиль”»¹⁸.

Очевидно одно: отбор языковых средств для Устава не мог быть хаотичным и случайным. Скорее всего, его авторы (и «титульный» автор — император) руководствовались весьма

¹⁶ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — сер. XVIII в.). М. : Высш. шк., 1975. С. 28.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность русского общества XVIII века / отв. ред. В. В. Колесов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 27.

важными для военного дела принципами. С одной стороны, необходимо было сделать текст Устава понятным и доступным для исполнителей всех рангов и чинов, с другой, — оставить за ним символический и почти сакральный статус «государевой воли».

Лексика Устава

Стилистическая пестрота в области лексики — самый яркий показатель сказанного. Отвлеченные существительные с характерными суффиксами *-ие*, *-ение*, *-ость*, *-ств-* представляют различные тематические группы: *начатіе, житіе, сребролюбіе, доношеніе, намъреніе, промышленіе, небреженіе, отвѣтствованіе, ведомость, должность, сохранность, бытность, учтивость, достоинство, лекарство, художество, обстоятельство, грабительство* и др.

Присутствуют в Уставе и слова, образованные типичным для церковнославянской литературы способом сложения: трудолюбивый, сребролюбіе, милосердіе, добродѣяніе, благовременно, благочестіе, благоизобрѣтеніе, благодѣяніе, лихоимство, добровольный, близлежащій, вышереченный, вышеописанный, вышеупомянутый и др. Многие из них останутся в деловых текстах на долгие годы, а некоторые сохраняются по сей день и квалифицируются как характерная черта современного делового стиля¹⁹.

Военная терминология, имеющая по преимуществу иноязычное происхождение, ожидаемо присутствует практически в каждой статье Устава, однако отнюдь не кажется избыточной, поскольку — как правило — дается в контекстах с хорошо известными, общерусскими словами или давними заимствованиями: когда жестокія **акціи, баталіи и осады** случатся; долженствует онъ **циркумваллаціонъ и контраваллаціонъ линіи**, когда оныя имѣють изготовлены быть, изобразить, и надлежащимъ образомъ требовать будетъ; надлежитъ ему **инвентаріумъ, сирѣчь справную роспись, обовсей артилеріи, аммуниціи, припасовъ и всякихъ чиновъ людей** по вся недѣли репортовать и др.

Многие из перечисленных терминов русским военным к нач. XVIII века хорошо известны, поскольку «на протяжении XVII в. уже сложилась и достигла некоторой нормализации военная терминология русского литературного языка»²⁰. Большое значение в укоренении иноязычных военных терминов сыграл предвестник рассматриваемого Устава — регламентирующий документ времен царя Алексея Михайловича «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647), который представлял собой «почти дословный перевод» известного в то время сочинения И. Я. Фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss»²¹.

И всё же большая часть специальной лексики, и прежде всего наименования военных чинов, званий и должностей, — это новые переводные или целиком заимствованные термины, которые порой требовалось разъяснять, как уже указывалось, в самом тексте Устава: *Вагенбауеръ [тележной строитель], піоніры [или работники], Вышней и глава артилеріи называется Генераль — Фельдцейгмейстеръ* и др.

Черты старого и нового в тексте Устава

Очевидной архаичностью, книжностью характеризуются, прежде всего, служебные слова, их доля относительно служебных слов «общего разговорного языка», представленных в Уставе, значительно выше тех показателей, что демонстрируют знаменательные слова. Видимо, причиной тому — семантическая нерасчлененность, избыточная многозначность разговорных предлогов и союзов, мешающая выражению содержательной точности регламентирующих статей. Книжные же союзы и предлоги имеют значительно ярче выраженную семантическую «специализацию», что для военного делового текста, видимо, более

¹⁹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта, Наука, 2011. С. 275.

²⁰ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — сер. XVIII в.). М. : Высш. шк., 1975. С. 28.

²¹ Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М. : Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946. С. 15.

предпочтительно: *дабы, понеже, еже, чрезъ, зане, такожь, такожде, егда, како, яко, ежель, ежели, нежели, ибо, ради, однакожь* и др.

При этом часто наблюдается параллельное употребление книжного и «нейтрального» союза с одним значением (причем иногда — в границах одного высказывания). Такое компилированное употребление, видимо, также способствует семантической специализации служебных слов в регламентирующем тексте: *Также смотрѣть того, чтобъ тѣ, которые вмѣстѣ стоятъ, равное довольство въ пищу и питію имѣли* (УВ 1775, 33); *Таковому челоуку надлежитъ наипаче быть доброму эконому <...>, такожде и исправную роспись всему войску, и всѣмъ полкамъ имѣть* (УВ 1775, 75); *Егда нужно есть съ неприятелемъ биться, надлежитъ ему угодныя мѣста горныя и проходы перьво взять* (УВ 1775, 27); *Когда при артилеріи какой недостатокъ въ какихъ нибудь припасахъ случится, тогда долженъ онъ изъ принадлежащихъ мѣстъ благовременно привести или изготовить велѣть* (УВ 1775, 38); *Особливо надлежитъ Инженеру апрошевѣ прилѣжно смотрѣть, чтобъ въ тѣ линіи невозможно было неприятелю стрѣлять* (УВ 1775, 80); *И оной командующему Генералу для осмотра и его на то соизволеніе вручить, дабы онъ въ томъ отвѣту дать долженъ не былъ* (УВ 1775, 81); *Также долженствуетъ Генераль-Вагенмейстеръ, чтобъ онъ дороги и мосты въ походѣ починить, дабы обозъ безъ препятствія путь свой продолжать могъ* (УВ 1775, 85) и др.

Схожая ситуация — в использовании местоимений, часто выступающих в функции союзных слов в сложноподчиненных предложениях: Во всемъ таковое учреждение учинить, дабы войско **нетокомо** благовременно во всѣхъ потребностяхъ удовольствоваться, но дабы оное, **елико возможно**, достаточно было (УВ 1775, 23); Полевому Почтмейстеру всѣ письма отдаются, какъ **тѣ, которыя** къ войску присылаются, такъ и **оныя, которыя** отъ него отправляются (УВ 1775, 96). При каждомъ полку надлежитъ быть Фискалу, а у дивизіи Оберъ-Фискалу надъ **оними, которые** повинны ему все доносить, и подъ его командою быть (УВ 1775, 101); Капитанъ Поручика или Прапорщика съ **толикимъ** числомъ рядовыхъ и съ корпоралами отправить, **скольکو** онъ по препорціи фуражу <...> запотребно разсудить (УВ 1775, 147).

Стилистическая неоднородность текста обнаруживается не только в лексике, но и в грамматических формах. Смешение старых, по преимуществу книжных, именных форм склонения и «новых» форм, пришедших из разговорного языка, — явление для текста Устава довольно обычное, что в известной степени демонстрирует жанровое равноправие этих грамматико-стилистических вариантов в деловой письменности XVIII века. Например, наблюдается повсеместная вариативность в формах полных прилагательных (муж. и ср. рода) в вин. и род. падежах:

Когда Инженеръ пѣшь маршіруетъ, <...> и идетъ въ строю, како ему **отъ главнаго** артилеріи приказано будетъ (УВ 1775, 14).

И должни тѣ вмѣсто **худова** доброе поставить своимъ иждивеніемъ безъ платы (УВ 1775, 107).

По вся годы [не дожидаясь въ томъ себѣ побужденія] **росходныя** книги подавать въ Военной коллегіумъ (УВ 1775, 49).

<...> дабы всѣмъ непорядкамъ благовременно упредить, и **добрыя** порядки содержать (УВ 1775, 100).

Такая же картина (вариативности окончаний) характерна для определительных местоимений различных семантических разрядов — *оный, никакой, какой, некоторый, другой* и др. — причем не только в косвенных падежах, как у прилагательных, но и в именительном падеже:

Полевому Почтмейстеру всѣ письма отдаются, какъ тѣ, **которыя** къ войску присылаются (УВ 1775, 96);

Онымъ надлежитъ въ опасномъ случаѣ и провожатыхъ давать по разсмотрѣнію Генералитета, **которые** изъ близлежащихъ мѣстъ всякіе съѣстные и питейные товары въ войско привозять (УВ 1775, 142);

<...> и подъ его командою **оние** обрѣтаются (УВ 1775, 14);

<...> чтобъ **оныя**, сколько возможно, ближеае обрѣтались при Государѣ (УВ 1775, 99);

Они во всемъ исполнять и своимъ подчиненнымъ объявлять должны суть, дабы отнюдь **никакова** погрѣшенія произошло (УВ 1775, 51);

Въ которомъ домѣ пожаръ учинится, въ томъ долженъ господинъ **онаго** дому отвѣтъ дать (УВ 1775, 168);

Инженеры зѣло потребны суть при атакѣ или оборонѣ **какова** мѣста, и надлежитъ такихъ имѣть, которые бѣ неточію фортификацію основательно разумѣли (УВ 1775, 79).

Наблюдаются также варианты окончаний у существительных в одной и той же грамматической позиции:

Полевому аптекарю надлежитъ не токмо знать по рецептамъ **лѣкарствы** готовить и составлять, но и прилѣжать, свѣжія и добрыя **лѣкарства** <...> при себѣ имѣть (УВ 1775, 87); Назначенныя **лѣкарства** отъ Доктора и Штабъ-лѣкаря больнымъ въ свою бытность приказать давать (УВ 1775, 93—94);

Присудствуетъ же часто при осадѣ, и смотреть **рвовъ** и работу (УВ 1775, 26); Онымъ въ потребномъ случаѣ чрезъ **рвы, вѣды и болоты** съ понтонами мосты сдѣлать, и перейти возможно было (УВ 1775, 7);

Когда пограничныхъ областей **войски** близъ нашихъ рубежей маршировать будутъ (УВ 1775, 117); Ежели оныя помощныя **войска** супъ, и по договору идутъ въ наши **краи**, то оному смотрѣть, дабы тѣ **войски** добрымъ порядкомъ <...> шли (УВ 1775, 118);

Таковымъ **людемъ** надлежитъ искуснымъ и достойнымъ быть (УВ 1775, 65); И сіе подасть бѣднымъ и неимущимъ подданнымъ **людямъ** великую легость (УВ 1775, 118—119);

Надлежитъ ему совѣтовать о томъ **съ** своею братьею **полковыми лѣкари** (УВ 1775, 89); Тогда надлежитъ оныя ключи съ Сержантомъ и **съ** четырьмя **солдатами** <...> паки **вручить** (УВ 1775, 189); Не точію **съ** **регулярными народами**, но и **с варварами**, что ни противъ кого стоять могли (УВ 1775, 2).

Риторичности и возвышенности стилиа добавляють весьма частотные образования превосходной степени с помощью префиксально-суффиксального комплекса *наи-* + *-ейш* / *-айш* от основ прилагательных или наречий (*наизнатнейшій*), иногда — только при помощи *наи-* от форм простой сравнительной степени прилагательного или наречия (*наилучшій*, *наипаче*), либо — только с суффиксом превосходной степени: *Корпусъ резервы можетъ при большомъ войскѣ изъ многихъ полковъ состоять*, <...> *гдѣ непріятельскому нападенію наивящше быти чаютъ* (УВ 1775, 15); *Знаннѣйшій офицеръ съ* — *большею частію на гауптвахлѣхъ остается* (УВ 1775, 181).

Фразеология Устава

В тексте Устава широко представлены устойчивые сочетания, которые можно квалифицировать как деловые (речевые) формулы, прообразы будущих клише, причем они тоже характеризуются как книжным, так и устноречевым происхождением. Некоторые из них, безусловно, могли быть заимствованы из старого приказного языка.

Разнообразные устойчивые сочетания (как многословные, так и однословные с предлогом) можно разделить на несколько тематических групп, актуальных для содержания Устава: а) временныя формулы: *Онъ принимаетъ по вся вечера пароль и приказъ отъ Генерала Фельдмаршала* (УВ 1775, 35); *Такожде надлежитъ ему инвентаріумъ*, <...> *и гдѣ что оныхъ обрѣтается въ военную коллегіумъ обстоятельно по вся недѣли репортовать* (УВ 1775, 37—38); <...> *дабы они денно и ноцно путь свой почтою имѣли съ поспѣшеніемъ, и нигдѣ не медлили* (УВ 1775, 98); *Что на винтеръ квартирахъ быть только отъ травы до травы, гдѣ какъ климапѣ служитъ* (УВ 1775, 116) и др.; б) формулы пространственного значения: *Корволантъ отдается генералу* <...> *оному [непріятелю] въ тылъ идти, или въ его землю впасть* (УВ 1775, 16); *При войскѣ въ главныхъ квартирахъ надлежитъ Генералу Фельдмаршалу — Лейтенанту ставиться по лѣвой сторонѣ Генерала Фельдмаршала, не подалеку* (УВ 1775, 35) и др.; в) формулы состояния воинского подразделения: *Чтобъ лошади въ добромъ довольствѣ были, чего на крѣпко смотрѣть надлежитъ*

(УВ 1775, 116); *Все въ чистотѣ и въ добромъ состояніи содержать* (УВ 1775, 176) и др.; г) формулы должностных обязанностей и специальных действий: *Генералу Фельдцейгмейстеру надлежитъ <...> совершенное извѣстіе имѣть* (УВ 1775, 37); *Такожде надлежитъ ему знать, какъ и гдѣ батареи заложить и дѣлать, пушки на оныхъ поставить, стѣны и валы разбить* (УВ 1775, 13); *Солдаты во время бѣги зори въ ружья ставятя.* (УВ 1775, 163) и др.; д) формулы-характеристики качеств человека, имеющего тот или иной военный чин: *Присудствуетъ же часто при осадѣ, и смотритъ ровъ и работу, бодрое око имѣетъ на непріятельскую помощь* (УВ 1775, 26); *Чтобы таковой Генералъ въ военныхъ дѣлахъ, а особливо что касается до кавалеріи, злы искусенъ, храбръ и великихъ заслугъ былъ* (УВ 1775, 41—42) и др.; е) формулы количества, меры того или иного действия: *учреждаетъ мѣсто, гдѣ лагеру быть, по размѣру же разводитъ караулы* (УВ 1775, 25); *И кто ихъ привелъ и отдавалъ, тѣхъ истязывать и штрафовать по силѣ вины* (УВ 1775, 47) и др.; ж) формулы угроз: *Салдатамъ обрѣтающимся въ вѣнскихъ веркахъ подъ наказаніемъ на тѣль и лишеніемъ живота запрещается, безъ повелѣнія въ городъ и въ квартиры свои ходить* (УВ 1775, 165); *Подъ смертнымъ страхомъ запрещается: дабы обидѣ обывателямъ, контрибуціи и прочаго* (УВ 1775, 33) и др.

Выводы

Отмеченные (и другие) языковые черты Устава демонстрируют большую интеллектуальную работу его создателей. Формирование новых средств выражения иерархически устроенной формы военного общения, столь важной для Петра I и Государства Российского в целом, потребовало, с одной стороны, серьезной «инвентаризации» старых проверенных языковых способов оформления властного общения, с другой — напряженного поиска нового делового языка, способного отразить выбранную императором идеологию государственного строительства, при котором стремительно и поступательно развивались новые «механистические» формы деловых отношений. Процесс становления этого языка, отмеченный как объективными возможностями языковой системы, так и субъективными талантами его строителей (не без участия «речевой интуиции»), наглядно и разносторонне демонстрирует текст Устава.

РУССКАЯ КЛАССИКА КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ¹

Тема данного раздела монографии, посвященной Замиру Курбановичу Тарланову, связана с несколькими аспектами многогранной научной и просветительской деятельности юбиляра. Русская классическая литература, развитие русского литературного языка всегда были и остаются в центре внимания исследователя и как пространство для размышлений о судьбах русского слова, и как неиссякаемый источник материала для системоцентрических разысканий. Интерес к историческим судьбам русского языка органично связан с обращением З. К. Тарланова к процессам, характеризующим современную русскую речь, в частности речь молодежи, к проблемам культурного диалога. В связи с этим проблемы языковой рефлексии, восприятия различных типов текстов выдвигаются на первый план. Особую значимость они приобретают при обращении к цитации («проблема цитации связана с широко обсуждаемой проблемой нарративного знания и его статуса в культуре»²), к прецедентным текстам русской культуры.

Р. М. Фрумкина, обращаясь к культурной памяти нашего современника, пишет: «В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно “про Онегина”»³. Новейшая отечественная проза представляет широчайший круг примеров, связанных с актуализацией в текстах прецедентных феноменов в весьма широком диапазоне — от хрестоматийных цитат из классической литературы до клишированных включений из детского чтения. В данном разделе мы обратимся к тому, как современные писатели, обращаясь к той части культурного кода, которая связана с русской классической литературой, ведут диалог с читателем. Сама форма этого диалога является отражением авторской рефлексии над интертекстуальным тезаурусом читателя.

Для рассмотрения интертекстуального тезауруса — совокупности прецедентных текстов освоенных языковой личностью и являющихся частью ее когнитивной базы⁴ — представляется важным обращение к беллетристике конца XX — начала XXI века. Эта весьма обширная часть литературного пейзажа включает как произведения современных авторов, отмеченные престижными литературными премиями, так и тексты массовой литературы. Объединяет их внимание к живой речи нашего современника, к его способности воспринимать художественный текст, в частности реагировать на разнообразные интертекстуальные включения.

Безусловно, корпус прецедентных текстов, представленный в когнитивной базе современной языковой личности, определяется многими факторами: уровнем образования, возрастом, социальным статусом, кругом общения, сферой профессиональных интересов и, конечно, кругом чтения. По точному замечанию А. Гениса, «отцов от детей отличают цитаты — одни

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

² *Зенкин С.* Неуютность цитаты // *Человек — культура — история.* М., 2002. С. 293.

³ *Фрумкина Р. М.* *Внутри истории.* М., 2002. С. 133.

⁴ *Кузьмина Н. А.* *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации.* Омск, 2009.

их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки»⁵. Русская классическая литература составляет основу того интертекстуального багажа, который обеспечивает (или должен обеспечивать) общность культурной памяти лингвокультурного сообщества. Между тем многочисленные наблюдения лингвистов, психологов, педагогов свидетельствуют о заметном сокращении объема культурной памяти современной молодежи, что не может не сказаться на адекватности восприятия текстов.

Строя диалог с читателем, авторы произведений современной беллетристики не могут не учитывать изменение когнитивной базы читателя, которое нередко эксплицируется в тексте. Показателен пример из романа А. Берсеновой, которая, будучи доцентом Литературного института, очень тонко ощущает особенности тезауруса современной молодежи и делает его объектом своей рефлексии, в данном случае представленной в ироничном диалоге:

— Тина, с этим шитьем на коленях вы напоминаете маленькую княгиню в Лысых Горах.

Агния Львовна окинула снисходительным взглядом Тину, которая шила себе святочный костюм, сидя в круглом креслице у окна.

— В каких горах? — удивленно переспросила Тина. — Почему в лысых?

— Есть такой роман «Война и мир», — невозмутимо объяснила Агния Львовна. — Вам, возможно, приходилось слышать.

— Д-да... — покраснев, пробормотала Тина. — Только я его довольно давно читала.

— В школе вероятно. А когда вы учились, уже были такие сборники, где все романы Толстого изложены на двух страницах?

— Ещё не было.

...Она [Тина] воспринимала любые слова и соответственно составленные из них предложения так, как будто читала толковый словарь — до нее доходил только прямой смысл сказанного (А. Берсенева. Рената Флори).

Незнание классического текста одной из участниц коммуникации является причиной коммуникативной неудачи и вызывает иронический комментарий другой участницы диалога по поводу школьного курса литературы.

Писатели остро ощущают изменение культурного багажа своего потенциального читателя. Так, В. Пелевин в романе «Empire V» (весьма показательны другие игровые названия книги — «Ампир “В”», «Ампир V», «Вампир») называет современную культуру «анонимной диктатурой», отмечая катастрофическое оскудение базы культурных реминисценций: «Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея — все это забыто. Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности».

Современные авторы, строя диалог с читателем, показывают, как обмен интертекстами позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить совпадение или расхождение эстетических пристрастий. Восприятие интертекстуальных элементов, включение их в ментальное пространство читателя «осуществляется подобно наведенной в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) — и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент вступает в игру»⁶.

Приведем выразительный пример из массовой литературы:

Ой, — схватилась за сердце прислуга, — вы меня рассчитываете? Христом богом молю...

— Никто тебя не увольняет, — заорал всегда сдержанный Лавсанов, — уймись! Это не я чихнул вам на лысину.

— Чихнул на лысину? — изумилась Наташа.

— В библиотеке есть Собрание сочинений Чехова, — засмеялся Сергей, — ты бы почитала вместо просмотра сериалов (Д. Донцова. Камин для Снегурочки).

⁵ Генис А. Шесть пальцев. Пушгоры. М., 2009. С. 329.

⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд. М., 2003. С. 217.

Выражение «чихнуть на лысину» должно было актуализировать в языковом сознании персонажа (и, конечно, читателя) хрестоматийный чеховский текст, однако бедность интертекстуального тезауруса одного из коммуникантов явилась причиной коммуникативного сбоя, вызвавшего поучающую реплику собеседника. Отметим, что во многих подобных случаях способ включения прецедентных высказываний характерен для своеобразного речевого жанра поучения / напоминания, когда дидактичное «напоминание» сопровождается типичной для массовой литературы оценкой культурного багажа собеседника⁷.

Принципиально иное использование цитаты из также хорошо известного чеховского рассказа находим в последнем романе Анны Матвеевой «Есть!»:

Свету мама вообще не признавала, зато сразу же признала Геню.

Ей, впрочем, тоже доставалось — ставя на стол блюдо с цыпленком табака, мама могла сказать:

— Конечно, Геня, ты много пишешь и много читаешь, но так работать с книгой, как мой Владимир, ты вряд ли научишься.

— «А что, если добавить сюда эстрагона?» — спрашивала она в другой раз будто бы у Гени, но на самом деле сама у себя, чтобы тут же, с усмешкой, сказать: — Тогда уж надо и *Владимира добавить!* (курсив мой. — В. Ч.) — и косо взглядывала на любовницу сына: узнала, откуда каламбур?

Трансформированная фраза из рассказа Чехова «Орден» не сопровождается какими-либо отсылками и намеками. Она служит своего рода «тестовым заданием», использованным персонажем романа для распознавания «своих» по культурному уровню и стимулом для читательской рефлексии. Об этом хорошо пишет А. Генис: «Мы привыкли судить людей по цитатам, ибо часто они образуют собеседника, как бинты человека-невидимку. Всякая культура настояна на цитатах, но наша особенно. Там, где нельзя выделиться положением и богатством, цитата была паролем, позволяющим выделить своих — навсегда и немедленно. С «Цветаевой» ходили в филармонию, с «Асадовым» — на танцы...»⁸ [Генис, 2009, с. 329].

Опознание интертекстуальных ссылок нередко предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах — от безошибочного опознания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на то, чтобы уловить «интертекстуальное эхо».

Размышляя о языковом самосознании, польский исследователь В. Хлебда пишет: «<...>Употребление метаязыка в высказывании — удел отнюдь не всех. Есть люди, которые просто говорят, а есть люди, которые знают, что говорят; метаязыком пользуются те, кто нуждается в сознательном оформлении своего говорения, кто чувствует потребность сообщить собеседнику, что отдает себе отчет в языковом статусе слагаемых своего высказывания. Эта благородная потребность «дается лишь избранным»: тем, кто умеет внутренне раздвоиться на говорящего и наблюдателя»⁹.

Прогнозируя стратегии общения с читателем, учитывая различия в культурном багаже, современные авторы по-разному вводят интертекстуальные элементы, используя при этом различные метаязыковые средства.

1. Прецедентный феномен включается в авторскую речь с маркером интертекстуальности, четко атрибутирующим авторство:

Когда на русского человека сваливаются всяческие напасти, он первым делом озирается по сторонам. А по сторонам, как известно, находятся «посторонние». И тут уж кто под руку попадетса («Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», как писал Крылов) (В. Бенигсен. Ряд).

⁷ Черняк В. Д., Черняк М. А. Речевой жанр «напоминание» в современной массовой литературе // Жанры речи. 2013. № 1—2. С. 133—138.

⁸ Генис А. Шесть пальцев. Пушкины. М., 2009. С. 329.

⁹ Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века : сборник статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб., 1968. С. 65.

Лучше всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. *А еще в начале девятнадцатого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: “Подписано — и с плеч долой”*. И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит (А. Маринина. Имя потерпевшего — Никто);

2. Прецедентный феномен включается в авторскую речь, при этом маркером интертекстуальности являются только кавычки. Этот тип интертекстуальных включений нередко оказывается сложным для восприятия.

Гордый тем, что он «важный участник», Алеша купил букет восхитительно черных роз, так и просившихся в бокал *«золотого, как небо, ай»* (Б. Акунин. Смерть на брудершафт. Младенец и черт).

3. Прецедентный феномен, нередко трансформированный, включается в авторскую речь без маркера интертекстуальности (распознавание подобных интертекстуальных включений требует особенно высокого уровня читательской компетенции):

И вот я стою, смотрю на удаляющуюся в сторону Московского вокзала дородную фигуру Кольки Никонова в добротном пальто *с бобровым, барским, серебрящимся морозной пылью воротником* (Н. Сорбатская. Литературная рабыня: будни и праздники).

Боже, сколько грязи можно натащить в дом на шести ногах! *Я и под Лениным себя чистил*, и под каждым фонарем — всё без толку (О. Зайончковский. Прогулки в парке).

Если трансформированная строка из «Евгения Онегина» (*«морозной пылью серебрится его бобровый воротник»*), может быть просто не распознана в качестве интертекстуального включения, то второй пример без комментария может быть превратно истолкован молодым читателем. Трансформированная цитата из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» — *«Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»* — с середины XX века была знакома каждому, кто получал среднее образование. Поэма не только подробно изучалась в школе, но и требовала заучивания наизусть достаточно большого количества отрывков. Сегодня она практически не знакома молодежи, поэтому и иронический контекст приведенного высказывания будет воспринят немногими. По точному наблюдению В. Елистратова, всё меньшим становится корпус выученных наизусть текстов. «Современный человек — это не “человек разумный”, а человек, в первую очередь “плохо помнящий”. “Да, да, да... чего-то такое слышал... но точно не помню...” — вот дежурная фраза человека эры “незаучивания стихов наизусть”»¹⁰.

4. Прецедентный феномен включается в персонажную речь. Как правило, он актуализируется в диалоге, при этом нераспознавание прецедентного феномена или коммуникативная неудача снимаются коммуникантом с более высоким уровнем культурной грамотности:

— Был монастырь, из-за горы и нынче видит пешеход столпы обрушенных ворот...

— Это что такое?

— Это не что, Мага, а кто. Это Лермонтов, великий русский поэт. Ты в школе учился? (М. Юденич. Сент-Женевьев-де-Буа).

5. Прецедентный феномен представлен в персонажной речи, а комментируется в авторской.

Влад пересек холл, дружески подмигнув гардеробщику, и уже собрался открыть дверь на улицу, как услышал слова, произнесенные нежным девичьим голоском:

— ... кислятина жуткая! Причем этот *Чайльд Гарольд угрюмо-томный* подает бокал на пробу с таким видом, будто тут собрались клинические идиоты и он сделал большое одолжение, что согласился иметь с ними дело!

Влад притормозил. *Он не знал, кто такой «чайльдгарольд» (хотя что-то знакомое...)*, но похоже, что метила девица в него (Т. Гармаш-Роффе. Ягоды страсти, ягоды смерти).

¹⁰ Елистратов В. Паронимия, как и было сказано... Рец. Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. Словарь паронимов русского языка. М., 2002. 464 с. // Знамя. 2002. № 10.

Примечательно, что в речи персонажа цитата из «Евгения Онегина» вводится в несколько измененном виде, а авторская речь демонстрирует (в кавычках) искаженное восприятие второго участника коммуникации.

6. Прецедентный феномен используется в тексте, а комментируются в постраничных сносках. В этом случае игра с читателем и своеобразная двойная адресация речевого жанра «напоминание» особенно очевидны:

Каким качествам более, чем лицедейским способностям, Артем был обязан своей головокружительной карьерой? Как там у классика: «Там моську вовремя погладит, Тут в пору карточку вотрет»? (Е. Гайворовская. Игра с огнем). К прецедентному высказыванию дается сноска — «Грибоедов А. С. «Горе от ума».

Эти примеры особенно выразительно показывают, как эксплуатируется поверхностный слой «культурной памяти» современника, как метатекстовые комментарии-подсказки создают у читателя видимость интеллектуального комфорта.

Диалог двух подростков в книге Е. Мурашовой «Класс коррекции» также весьма тонко показывает читателю, распознавшему интертекстуальные сигналы, что включение в свою речь фрагментов двух прецедентных текстов одним из персонажей книги служит для собеседника сигналом культурной идентификации личности:

В этот миг прозвенел звонок на урок.

— Тебе знаешь что... знаешь что... тебе надо по капле выдавливать из себя буйнопомешанного буревестника! — гордо сказал Игорь и удалился в сторону кабинета физики. Я сел на подоконник и тихо позвал вслед:

— Эй, Овсянников, ты что — Горького с Чеховым читал, что ли? (Е. Мурашова. Класс коррекции).

В заключение еще раз подчеркнем, что интертекстуальность современной литературы, отражающая «цитатность мышления» творческой языковой личности, предполагает соответствующий отклик читателя. Обмен интертекстами в процессе общения позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить «своего» читателя. В то же время при очевидном снижении уровня читательской компетенции интертекстуальные включения, особенно в массовой литературе, выполняют и определенную просветительскую функцию, напоминая читателю о лакунах в культурном багаже, требующих заполнения.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ РЕЧЕВЫХ РЕГИСТРОВ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО ВСТАВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ (В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»)

Признавая текст в качестве основного объекта грамматики, Г. А. Золотова предложила такой инструмент анализа текста и его фрагментов, как коммуникативные типы (регистры) речи: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный¹. В регистровом отношении тексты могут быть однородными и неоднородными, и уже в «Коммуникативных аспектах русского синтаксиса» было показано взаимодействие регистров и их разновидностей в художественной прозе (в рассказах А. П. Чехова и в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)². Взаимодействие регистров может происходить не только между предложениями в тексте, но и внутри сложных предложений, а также в рамках предложения, осложненного, например, обособленным второстепенным членом. Так, переключение регистров наблюдается в следующем предложении с обособленным обстоятельством: *От дождя, от туч было почти темно, цветы и зелень в садах были необыкновенно яркими, пустой трамвай шел быстро, кидая фиолетовые вспышки, а я читала, читала и, неизвестно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой* (И. А. Бунин)³. Включение в репродуктивный контекст оценочного признака (в обособленном обстоятельстве *неизвестно почему*) связано с выходом в информативный регистр⁴. По мнению М. Ю. Сидоровой, рассмотрение сигналов регистрового переключения имеет не только теоретическое, но и практическое значение при интерпретации текста и его фрагментов⁵.

Далее приведены наблюдения над случаями переключения речевых регистров в предложениях, осложненных вставными конструкциями. При характеристике вставных элементов принято отмечать их синтагматическую несвязанность с базовым предложением и их основную функцию — сообщение дополнительной информации. Так, Е. А. Иванчикова в «Грамматике русского языка» 1954 года замечает: «Основной состав предложения может как бы разрываться («размыкаться») вносимыми самим говорящим дополнительными замечаниями, уточнениями, пояснениями, поправками и т. п.»⁶. Изолированное положение вставных элементов в составе предложения⁷ открывает возможность переключения речевых регистров в осложненном предложении, и эта возможность может быть реализована с учетом коммуникативной интенции субъекта речи и его пространственно-временной позиции по отношению к сообщаемому.

Рассмотрим предложения со вставными конструкциями, в которых регистровая характеристика вставки отличается от регистровой характеристики базового предложения. Соответствующие наблюдения были сделаны на материале романа Е. Г. Водолазкина «Авиатор», в котором главный герой Иннокентий Платонов ведет дневник, фиксируя в нем воспоминания о прошлом и комментируя происходящее с ним в настоящем. Особенность романа заключается в том, что «биографические воспоминания Платонова представляют собой его ин-

¹ См. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 348—349; Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 389—400.

² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. С. 351—353.

³ Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. С. 101.

⁴ Там же.

⁵ Сидорова М. Ю. Коммуникативный регистр и деомонимизация форм несовершенного вида в тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2009. Вып. 1. С. 176.

⁶ Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2, ч. 2. М., 1954. С. 167.

⁷ Л. К. Чикина и В. В. Шигуров пишут в этом случае о включении как об одном из видов предложенческих связей. См.: Чикина Л. К., Шигуров В. В. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе. М., 2009. С. 158—159.

дивидуальную историю, или микроисторию, сквозь призму которой освещается весь XX век, т. е. макроистория»⁸.

Большинство вставных конструкций, извлеченных из текста романа, относится к информативному регистру (147); представлены также вставки репродуктивного (51) и реактивного (41) плана. Процентное отношение вставных конструкций указанных регистров к общему количеству вставных элементов составляет: 62 % для информативных вставок, 21 % для репродуктивных вставок и 17 % для реактивных вставок.

В аспекте переключения речевых регистров в предложениях со вставными конструкциями выявляется следующее различие между информативными и репродуктивными вставками, с одной стороны, и реактивными вставками, с другой стороны. Реактивные вставки, в отличие от информативных и репродуктивных, обычно включаются в базовое предложение иного регистрового плана (98 % от общего количества примеров употребления реактивных вставок), как правило, информативного. Переключение коммуникативных регистров при функционировании информативных и репродуктивных вставок наблюдается значительно реже: в 20 % от общего количества примеров употребления репродуктивных вставок и только в 7 % от общего количества примеров употребления информативных вставок.

Прокомментируем выявленные ситуации переключения регистров.

Реактивные вставки

Реактивный регистр используется для передачи экспрессивно-оценочной реакции говорящего на речевую ситуацию⁹. Платонов отражает в дневнике как свои воспоминания, так и события настоящего, свидетелем которых он является. Он фиксирует не только то, что происходит во «внешнем» мире, но и свои размышления, эмоции и оценки, одним из способов оформления которых являются вставные конструкции. Вставки такого рода становятся средством речевой характеристики персонажа — человека наблюдательного, который пытается осмыслить происходящее и делится с читателем своими оценками и предположениями. Например: *Наше пересечение в пространстве (устроилось же так!) показалось мне неслучайным*¹⁰.

В следующем примере информация о проблемах со здоровьем включает ироничное отношение персонажа к своему состоянию: *Поскольку причины происходящего мне неясны, ничего, кроме огорчения, никому это не принесет. Тем более, что — м-да... — это не первый мой уход из жизни* (с. 367). Многоточие, которое используется для пунктуационного оформления вставки, создает умолчание, которое в современной литературе часто связано с эмоционально-экспрессивной или оценочной информацией, привносимой в предложение вставным элементом¹¹.

Реактивная реплика, заключенная во вставке, может быть адресована читателю, который, скорее всего, выразит недоумение по поводу информации, передаваемой в предложении¹². Таков, например, комментарий Платонова к описанию тех чувств, которые он испытывал

⁸ Войводич Ясмينا. Начало и конец индивидуальной истории («Авиатор» Е. Водолазкина) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). [Электронный ресурс] URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21562/ (дата обращения: 19.01.2021).

⁹ Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. С. 32.

¹⁰ Водолазкин Евгений. Авиатор: роман. М., 2019. С. 262 (далее в скобках после примеров указываются страницы по данному изданию).

¹¹ См.: Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2, т. 1. Гуманитарные науки. С. 139.

¹² Употребление вставок в художественных текстах XIX века в целях «установления более близкого контакта с читателем», приближения «образа автора» к адресату отмечено в исследовании Н. В. Патроевой. См. Патроева Н. В. Типы и функции осложняющих конструкций в языке русской поэзии XVIII—XIX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. С. 49. Реализуемая с помощью вставок авторская интенция приблизить читателя к описываемому способствует, по замечанию С. В. Вяткиной, интимизации повествования. См.: Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка : сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. СПб., 2001. С. 54—55.

при встрече с Ворониным, состоявшейся много лет после того, как над главным героем романа был поставлен эксперимент в лагере, где Воронин, ставший теперь немощным стариком, когда-то издевался над заключенными: *И нет между нами ненависти. Появляется — да-да! — что-то вроде солидарности* (с. 364). Такая вставка имеет целью подчеркнуть, с одной стороны, необычно складывающиеся между персонажами отношения (между Платоновым, который был сослан в Соловецкий лагерь, и Ворониным, издевавшимся в лагере над ним), с другой стороны, уверенность автора дневника в правдивости своей оценки.

Таким образом, вставки реактивного плана в ситуациях переключения речевых регистров выполняют следующие основные функции: 1) создают субъективно-окрашенный второй речевой план, отражающий личность автора дневниковой записи; 2) подчеркивают адресованность читателю текста, который и создается для прочтения другими персонажами.

Репродуктивные вставки

Как правило, репродуктивные вставки включаются в базовое предложение репродуктивного плана. Например: *За линейкой с пожарными проплывает пароконная повозка с ломами, катушками для шлангов и штурмовыми лестницами, за ней — другая повозка с паровым насосом (из котла — пар, из трубы — дым), за ней — медицинский фургон, чтобы спасти обожженных* (с. 32). Примеры переключения коммуникативных регистров (информативный регистр в базовом предложении — репродуктивный регистр во вставке) немногочисленны, но показательны. Автору дневника важно «привязать» рассуждения к конкретной ситуации, указать на сопровождающие действия, подчеркнув тем самым, что эти рассуждения принадлежат Платонову, когда он был еще ребенком. Например: *Для чего медведю визитные карточки (поднимаемся по мраморным ступеням) и что такое визитные карточки?* (с. 27).

В дневниковых записях, отражающих текущие события, в частности беседы с участием Платонова, репродуктивные вставки могут заключать имплицитный смысл, который расшифровывается благодаря контексту. Например: *Гейгер возразил мне, что крысы дневников не ведут и что никто не мешает мне (взгляд на Настю) сливаться с новой жизнью* (с. 224). Взгляд на Настю — это напоминание о том, что судьба связала «воскресшего» Платонова и выросшую уже в конце XX века девушку Настю, о том, что чувства их взаимны и Платонов счастлив.

Имплицитный смысл может быть выявлен в предложениях со вставками, соотносящимися с модусами не только зрительного (как в приведенном выше примере), но и слухового восприятия. Например: *Когда Иннокентий отвечал на вопрос о сумме поддержки его со стороны государства (разочарованный гул в зале), на рекламном щите телекамера выхватила «ООО Родина»* (с. 252). Очевидно, что разочарованный гул в зале был вызван ответом Платонова, в котором прозвучала явно недостаточная сумма поддержки, но сам этот ответ оказался «за кадром» дневниковой записи, хотя именно он и опосредует смысловую связь между вставкой и базовым предложением.

Репродуктивная вставка может содержать подтекст¹³, включающий эмоциональное отношение персонажа к сообщаемому, как в следующем примере с модусом слухового восприятия (запись Гейгера): *Позвонил Иннокентию — подошла Настя. Сказала, что Платоша отправился на Смоленское кладбище. Что несколько раз она его сопровождала, но частые прогулки по кладбищам (сопение в трубке) стали ей тяжелы* (с. 297). Для Платонова посещение кладбищ — попытка прикоснуться к тому миру, в котором он когда-то жил, оживить воспоминания о людях, с которыми он общался, и Настя, конечно, это понимает, хотя она, современная девушка, к тому же ожидающая ребенка, не может разделять переживания о неизвестном ей прошлом и относится к «частым прогулкам по кладбищам» с некоторой иронией, что подтверждают ее следующие реплики (*Это его новое хобби. Ищет прежних знакомых*). Выявить имплицитный смысл вставной конструкции, расшифровать подтекст — задачи, которые решает читатель дневниковой записи.

¹³ Подтекст — «скрытый, контекстуально обусловленный смысл высказывания, не совпадающий с его прямым значением». См.: Большая Российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 570.

Таким образом, репродуктивные вставки в базовом предложении информативного регистра выполняют следующие основные функции: 1) «привязывают» повествование к конкретному моменту в прошлом или настоящем, «оживляют» описываемые события; 2) активизируют восприятие текста адресатом, который может «прочитать» в предложении с репродуктивной вставкой больше, чем простое указание на чей-то взгляд или прозвучавший звук.

Информативные вставки

В большинстве своем информативные вставки, как было указано ранее, встречаются в контексте информативного же регистра, вводя, например, попутную информацию: *Я ведь только тем и занимаюсь, что ищу дорогу к прошлому: то через свидетелей (их со смертью Анастасии больше нет), то через воспоминания, то через кладбище, куда переместились все мои спутники* (с. 349). Примеры включения информативных вставок в базовое предложение репродуктивного плана немногочисленны. Например: *Смотрел, как на проезжей части укладывают асфальт. Немытые, нетрезвые, в грязных (когда-то оранжевых) жилетах бросали горячий асфальт лопатами, а каток его уминал* (с. 198). Переключение речевых регистров в таких случаях связано с временным изменением позиции рассказчика: повествователь, находящийся в хронотопе происходящего, уступает место рассказчику, который комментирует сообщаемое.

В следующем примере, разглядывая фотографию и добавляя комментарий, главный герой выступает в качестве субъекта-перцептора (в базовом предложении) и субъекта-интерпретатора (во вставке): *Снял с комода фотографию профессора Воронина, разглядывал. Профессор там сидит в кресле, положив ногу на ногу. Опираясь локтем о столик, на котором стопкой лежат книги. С тростью в руке (никогда не носил трости)* (с. 360). Зрительно воспринимаемая субъектом-перцептором деталь (трость) сопровождается информативным комментарием. Привлечение более широкого контекста показывает, что волею автора Иннокентий путешествует во времени, перемещает свой пункт наблюдения в то время, когда была сделана фотография, описывает воображаемую ситуацию и возвращается из прошлого в настоящее¹⁴. Ср. комментарий Платонова к той же фотографии в следующем абзаце: *Щемлящая неподвижность дореволюционных снимков. Настя, подумалось, никогда не видела, как двигался ее прадед. А я видел. И вижу, кстати говоря. Свободно захожу в серебряную рамку и наблюдаю, как профессор, отставив трость, медленно встает с кресла. Возможно, даже со вздохом или, допустим, хрустом в суставах — как человек, неподвижно сидящий на этой фотографии скоро уж век. Походка его слегка косолапа, и я мог бы показать ее Насте, но это не то. Кого и что бы я ни показывал, это будет мой портрет* (с. 360).

Возвращаясь к ранее приведенному предложению со вставной конструкцией *никогда не носил трости*, заметим, что дополнительная линия повествования, открываемая информативной вставкой, выполняет связующую функцию для различных временных планов¹⁵: плана повествования и той части жизни Платонова, которая была связана с семьей профессора Воронина.

Таким образом, информативные вставки в репродуктивном контексте помогают структурировать воспоминания главного героя, связывая прошлое и настоящее, наблюдаемое и известное.

¹⁴ По словам И. Чайковской, «в “Авиаторе” автор играет со временем». См.: *Чайковская И.* Возвращение авиатора. [Электронный ресурс]. URL: https://evgenyvodolazkin.ru/676_irina-chajkovskaya-vozvrashhenie-aviatora/ (дата обращения: 19.01.2021).

¹⁵ Анализируя функционирование вставных конструкций в рассказах Т. Толстой, О. В. Янковская пишет, что «прерывность временных планов, взаимопроникновение элементов прошлого, настоящего и предполагаемого будущего относятся к основным принципам временной композиции произведений» (*Янковская О. В.* Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой) // *Вестник БДУ.* Серия 4. 2009. № 3. С. 71).

Обобщая сказанное, можно сделать **общий вывод** относительно той роли, которая может считаться характерной для вставных конструкций в ситуациях переключения коммуникативных регистров речи:

1) для реактивных вставок — субъективация повествования: проявление личности автора и адресация текста читателю;

2) для репродуктивных вставок — активизация восприятия текста;

3) для информативных вставок — композиционное встраивание всплывающих в памяти главного героя картин прошлого в контекст повествования.

Наблюдения над вставными конструкциями в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» приводят к вопросу о том, каковы причины появления этих конструкций в тексте романа. Известно, что «вставки содержат обычно сведения, возникшие в момент высказывания, не предполагавшиеся заранее»¹⁶. С учетом этой характеристики вставочное оформление попутной информации вполне естественно. Однако немаловажно то, что в романе Е. Г. Водолазкина записи ведутся специально для того, чтобы с ними могли ознакомиться другие персонажи; это не текущая информация, которая фиксируется наспех и «для себя». В первой части романа в дневнике преимущественно воспоминания, которые постепенно приходят к главному герою и получают словесное оформление; во второй части романа записи ведут также Гейгер и Настя, причем все персонажи используют для этого компьютер. Дневник ведется по просьбе доктора Гейгера в научных целях. Следовательно, речь идет о дневнике особого рода: у персонажей есть возможность обдумать, что записать и как записать.

Подчеркнутый лаконизм выражения различного рода дополнительных смыслов в виде вставных элементов дает основание говорить об экспрессивном использовании вставных конструкций¹⁷. Лаконизм в плане выражения сочетается, как показывают наблюдения, с информативной и эмоционально-экспрессивной нагрузкой вставок в плане их функционирования в тексте. Возникает дополнительный план повествования, а переключение регистров в сочетании с умолчанием, подтекстом создает сложную палитру смыслов, которую читатель откроет в дневниковых записях, содержащих вставной элемент, что хорошо заметно в записях Платонова, в которых и зафиксировано подавляющее большинство вставок (83 %). Автор «уводит» своего героя от стандартных форм построения речи и придает выразительность создаваемому им тексту, что, безусловно, соотносится с теми качествами, которыми Платонов наделен в романе как человек умный, интеллигентный, хорошо владеющий русским литературным языком¹⁸. Сказанное выше позволяет, на наш взгляд, сделать вывод не только о неслучайности и стилистической маркированности рассмотренных случаев переключения речевых регистров, но и об их значимости для речевой характеристики персонажа.

¹⁶ Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. М., 2003. С. 252.

¹⁷ См.: Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. С. 60.

¹⁸ О связи между общей культурой и культурой речи З. К. Тарланов пишет: «Язык дает нам возможность думать и говорить настолько абстрактно, отвлеченно, красиво, тонко и возвышенно или бледно, грубо, похамски, насколько мы способны это делать по своим культурным привычкам и воспитанию» (Тарланов З. К. Язык как барометр состояния общества // Север. 2020. № 3—4. С. 95).

4. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Волошина Оксана Анатольевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (ОБ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ З. К. ТАРЛАНОВА «МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»)

Современная лингвистика, развиваясь в сторону междисциплинарных контактов с самыми разными науками, не только расширяет свою проблематику, но и разрабатывает арсенал новых методов лингвистического анализа. Проблема точной формулировки метода работы с языковым материалом всегда являлась важной задачей лингвистического исследования, ведь метод позволяет понять, КАК ученый работает с языковым материалом, по какому принципу отбирает материал, как классифицирует, какие выводы позволяет сформулировать выбранный метод, а какие задачи не могут быть решены при его применении. Метод работы позволяет изучить материал по определенному алгоритму действий, что обеспечивает объективное описание объекта.

Выбор метода из арсенала уже признанных в науке или разработка нового метода является важнейшей частью научного исследования, но часто студенты и даже аспиранты не всегда готовы рассказать о методе, используемом в работе. Иногда требование перечислить методы собственного исследования кажется студентам чем-то внешним и искусственным, формальным приемом оформления работы, поэтому рассказать студентам о разнообразии научных методов, о достоинствах различных подходов к языку оказывается важной задачей научных руководителей. Таким образом, теоретическая проблема выработки точного метода научного исследования, демонстрация применения выбранного метода в собственной работе и объяснение результатов, полученных при помощи конкретного метода, оказывается важной задачей.

В последнее время работ, посвященных методам лингвистического (и филологического анализа) становится все больше¹, но и сейчас особенно информативным, прекрасно структурированным, снабженным многочисленными яркими примерами, а значит, и удобным для работы со студентами остается учебное пособие З. К. Тарланова «Методы и принципы лингвистического анализа» (1995).

В предисловии З. К. Тарланов ссылается на монографию А. М. Мухина «Лингвистический анализ» (1976), также посвященную «теоретическим и методологическим проблемам», однако отмечает специфику монографии, которая позволяет сделать автору акцент на интересующих его вопросах, дать именно авторскую оценку исследуемого объекта. В частности, внимание автора сосредоточено на описании методов синхронного анализа, ориентированных «исключительно на структурализм, которому отводится центральное место» [Тарланов, 1995: 5]. Это не удивительно, ведь в авторских монографиях всегда доминирует точка зрения автора, поэтому в описании методов лингвистического анализа науки 70-х годов XX века делается акцент на методах структурного анализа. Тем важнее оказывается талант педагога-методиста, который предлагает описание разных направлений лингвистической мысли,

¹ Достаточно упомянуть работы В. П. Даниленко «Методы лингвистического анализа» (2011), В. П. Москвина «Методы и приемы лингвистического анализа» (2015) и др.

в рамках которых были разработаны различные методы исследования, при этом все разнообразие методов не рассматривается сквозь призму доминирующей в данный момент научной парадигмы.

Четкая структура пособия З. К. Тарланова позволяет читателю быстро найти интересующий его метод. Весь материал разделен на девять глав, причем первые шесть глав посвящены описанию методов на разных уровнях устройства языковой системы: на уровне предложения, на лексико-семантическом, морфологическом, морфемном и словообразовательном, а также фонологическом уровне².

В отдельной главе представлены методы стилистического анализа, ведь своеобразный стиль создается языковыми единицами самых разных уровней: выбором и сочетанием звуков и лексем, а также особенностями синтаксических структур. Если первые шесть глав посвящены описанию методов синхронной лингвистики (и структурные методы здесь доминируют), то в следующих главах пособия представлены методы диахронического анализа, исторической стилистики и типологии. Таким образом, четкая структура пособия позволяет студентам ориентироваться в многообразии научных методов и быстро находить интересующую тему.

Кроме того, важно отметить небольшой объем пособия, что является важным критерием оценки учебного текста студенческой аудиторией. Так, например, понятное стремление дать подробную характеристику каждому методу приводит к тому, что пособие оказывается перегруженным дополнительной информацией, раздувается объем текста³, а для ознакомительного обзора существующих лингвистических методов важным методическим принципом является минимизация материала. Более подробную информацию по каждому разделу учащийся может при необходимости обнаружить в отсылках к дополнительной литературе, в списке рекомендуемой литературе по конкретной теме и т. п.

Большой объем, как представляется, не является достоинством учебного пособия. На наш взгляд, популярность среди студентов и преподавателей обеспечена учебным пособиям, выстроенным в соответствии с четкой структурой, содержащим богатый иллюстративный материал и написанным понятным языком. Современные методы лингвистического анализа настолько разнообразны, что в учебном пособии (да и в обобщающей научной работе) нет возможности объяснить принцип работы и проиллюстрировать каждый метод, используемый современной наукой. Тем более, учебное пособие должно разъяснять и приводить примеры успешного применения конкретных методов, причем отбор этих методов должен быть подчинен строгой логике автора пособия. Например, с учетом междисциплинарных связей развития современной науки, представляется, показательным будет описание метода эксперимента, применяемого на уровне исследования фоносемантики, когнитивных моделей словообразования, механизмов свертывания и развертывания информации, воплощенной в тексте, и т. п.

Хочется привести некоторые конкретные примеры того, как удачная подача материала помогает разобраться в концепциях различных научных школ. Например, компактное и наглядное описание методов анализа языка, разработанных в первой половине XX века

² Ю. С. Степанов в работе «Методы и принципы современной лингвистики» (1975), обсуждая проблему классификации методов и способов их описания, справедливо говорит о том, что один и тот же метод может работать на разных уровнях лингвистического анализа, он может быть экстраполирован на разные уровни языковой системы. Так, метод дистрибуции применим при анализе фонологической, морфологической и лексической подсистем языка. Однако представление методов по уровням облегчает поиск описания нужного метода, в пособии Тарланова студент сразу находит методы исследования фонем (в концепциях разных школ), методы исследования синтаксических структур и т. п. Кроме того, расположение материала по методам позволяет выявить разницу в описании, например, фонологической системы языка при помощи разных методов, т. е. сопоставить концепции разных фонологических школ. Такое сопоставление крайне затруднительно, если пражская фонологическая школа будет описана в разделе, посвященном методу оппозиций, а американская — методу дистрибуций.

³ Так, например, последовательное описание методов в учебном пособии З. И. Комаровой «Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике» (Екатеринбург 2012) содержит 818 страниц.

в рамках основных фонологических школ, позволяет выявить различные подходы в определении статуса фонемы и представления о системе фонем конкретных языков, сформулированные теоретиками московской, ленинградской и пражской фонологических школ. Курсы «Фонетика современного русского языка» и «Основы языкознания», конечно, знакомят студентов с основными положениями фонологических школ, но до недавнего времени в распоряжении учащихся не было краткого, но в то же время содержательного сопоставительного описания, из которого читателю стала бы понятна, например, разница между гиперфонемой МФШ (московской фонологической школы) и архифонемой пражского кружка. Или почему две отечественные фонологические школы насчитывают разное количество гласных фонем в русском языке: московская школа, как известно, насчитывает 5 гласных фонем, а последователи Л. В. Щербы добавляют еще фонему *Ы*, получая, таким образом, 6 гласных фонем.

Обучаясь на филологическом факультете МГУ в 1990-е годы, мы обращались к учебнику фонетики М. В. Панова и параграфу о фонеме из учебника А. А. Реформатского. Важным подспорьем при освоении фонологии была хрестоматия А. А. Реформатского «Из истории отечественной фонологии» (1970) с подробной вступительной статьей самого составителя, но, как известно, и М. В. Панов, и А. А. Реформатский были представителям московской фонологической школы, поэтому учение о фонеме было изложено именно с позиций МФШ. Желание разобраться с формированием взглядов на фонему другой отечественной школы привело к работам Л. В. Щербы и Л. Р. Зиндера⁴. Обобщающего текста, который помог бы сравнить разные школы, объективно представив читателю различные взгляды на фонему, сложившиеся трудами отечественных лингвистов, не было⁵.

Уже обучаясь в аспирантуре, я познакомилась с пособием З. К. Тарланова «Методы и принципы лингвистического анализа», в котором кратко (что важно для студента), наглядно (с примерами) были сопоставлены концепции разных фонологических школ, разница в понимании фонемы стала очевидной. Не подробное описание концепций фонологических школ, а краткое представление **методов**, разработанных в рамках каждой школы, представление **процедуры анализа лингвистического материала** и обсуждение полученных результатов, позволяет читателю быстро разобраться с идеями, высказанными в рамках отечественных фонологических школ. З. К. Тарланов пишет: «Наиболее отчетливо демаркационная линия между ними проявляется именно в отношении к методам и процедуре анализа» [Тарланов, 1995, с. 91].

Так, московская фонологическая школа применяет **«позиционно-морфематический метод»**, что подчеркивает «морфематизм» МФШ, т. е. стремление выявлять фонемный состав конкретных морфем. Так, в словоформе *собака* последняя фонема <*a*>, потому что именно такая фонема встречается в сильной позиции (т. е. под ударением) в окончаниях с таким же грамматическим значением — женский род, единственное число, именительный падеж (т. е. в той же морфеме), в словоформах *страна*, *коза* и т. п. Таким образом, фонемный состав словоформы *собака* мы «проверяем» формой *коза*, потому что для определения фонемного состава ищем такую же морфему (окончание) в сильной позиции.

Другим важным принципом московской школы будет классификация позиций, в которых встречается фонема. Так, МФШ различает сигнификативно сильные позиции, в которых фонема выполняет функцию смыслоразличения: *сам* — *сом*; *кота-кода*; и сигнификативно слабые позиции, в которых эта функция не выполняется: *я сама* [сама] *поймала сома* [сама] или *у нас в подъезде новый код/кот* [т]. Именно сигнификативно сильная позиция позволяет выявить фонемный состав морфем в составе словоформы. З. К. Тарланов пишет: «важнейшими чертами Московской фонологической школы с самого начала ее существования выступают «морфематизм» и учет позиций, в которых актуализируется фонема» [Тарланов, 1995, с. 92].

⁴ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912; Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1939; Зиндер Л. Р. Общая фонетика (издание 1960 и 1979 годов).

⁵ Позднее, конечно, появились краткие сопоставительные описания фонологических школ. Достаточно указать, например, на учебник С. В. Князева и С. К. Пожарицкой «Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография» (2005).

Ленинградско-Петербургская школа при вычленении фонем из речевого потока основывалась на разработанном Л. В. Щербой **методе изолирования**. Для выделения фонемы вовсе не обязательно обращаться к единицам более высокого уровня языковой системы, ведь звуковые представления относительно самостоятельны — именно на этом основан принцип обучения письму «по звуковому способу». «Элементы звуковых представлений (например, русские *a, u, c, t, k* и т. д.), полученные в результате изолирования, называются фонемами» [Тарланов, 1995, с. 96].

Пражская функциональная школа использует метод оппозиций, который позволяет описать фонему как совокупность (пучок) фонологически существенных (смыслоразличительных, дифференциальных) признаков (причем эти признаки будут отличаться в разных языках). Например, в русском языке фонема /т/⁶ характеризуется глухостью (этот признак противопоставляет ее фонеме /д/ - *том-дом*), твердостью (этот признак противопоставляет ее фонеме /т'/ *пут* — *путь*), местом образования (переднеязычная-зубная /т/ противопоставлена заднеязычной /к/ *том* — *ком*) и способом образования (смычная-взрывная /т/ противопоставлена щелевой /с/ *том* — *сом*). Итак, русская фонема /т/ характеризуется набором четырех дифференциальных признаков: глухая, твердая, переднеязычная-зубная и смычная-взрывная. Однако придыхательность (аспирация) не будет характеризовать русскую фонему /т/, ведь в русском языке придыхательность/непридыхательность не является смыслоразличительным признаком (как, например, в хинди).

Американская дескриптивная лингвистика использует для выделения фонем метод **дистрибуции**, причем под дистрибуцией понимается совокупность всех контекстов (окружений), в которых встречается единица (фонема или морфема). Ссылаясь на теоретиков американской школы, З. К. Тарланов описывает три типа дистрибуции:

1. Контрастная дистрибуция: две единицы оказываются в одном контексте и различают смысл: *дом-том*.

2. Свободное варьирование (чередование): две единицы оказываются в одном контексте и не различают смысл: *гусь* — *уось* (г смычно-взрывной и фрикативный).

3. Дополнительная дистрибуция: две единицы не встречаются в одном контексте *д'им* — *дым* (после мягких согласных *и*, а после твердых — *ы*).

Очевидно, что только первый тип дистрибуции (контрастная) позволяет выделить фонемы, два остальных типа дистрибуции характеризуют аллофоны одной фонемы [Тарланов, 1995, с. 101].

Таким образом, компактное сопоставление методов выделения фонем, разработанных в рамках разных фонологических школ, позволяет наглядно продемонстрировать теоретические и методические особенности каждого направления.

В пособии З. К. Тарланова можно найти много ярких примеров работы методов анализа языкового материала. С благодарностью вспоминаю, какую неоценимую помощь мне — тогда еще молодому преподавателю, оказал раздел пособия «Использование приемов сравнительно-исторического метода в синтаксисе». В процессе подготовки лекций курса «Сравнительно-исторический синтаксис индоевропейских языков» я опиралась на методы, подробно и с интересными примерами представленными в пособии Тарланова: метод А. А. Потевни, «морфологический метод» Б. Дельбрюка, «аналогический метод» А. Мейе и «комбинированный метод» [Тарланов, 1995, с. 141—149]. Разработка сравнительно-исторического метода в области синтаксиса оказывается крайне сложной, самые разные противоречивые данные о формировании и функционировании синтаксических структур не удовлетворяют принципу соответствия и не могут быть положены в основу реконструкции прототипа [Тарланов, 1995, с. 141]. Однако сопоставление предложенных компаративистами методов исторического изучения синтаксиса позволяет указать на некоторые тенденции изменения синтаксических структур родственных языков.

⁶ Косые скобки в системе Н. С. Трубецкого обозначают фонему, а квадратные традиционно употребляются для звука.

В частности, З. К. Тарланов описывает метод А. А. Потебни и научный результат, полученный путем применения этого метода. А. А. Потебня представляет впечатляющую картину развития синтаксического строя индоевропейских языков как путь от паратаксиста (сочинительных синтаксических структур «без перспективы», без подчинения) к гипотаксису (сложноподчиненным предложениям и другим структурам, основанным на иерархических связях). В качестве доказательства своей гипотезы Потебня приводит примеры функционирования обособленных оборотов в древних индоевропейских языках (дательный самостоятельный в старославянском, *ablativus absolutus* в латинском, *locativus absolutus* в санскрите, *genetivus absolutus* в древнегреческом, а также конструкцию *accusativus cum infinitivo* в латинском языке) в качестве полупредикативных оборотов, которые указывают на формирование синтаксической иерархии между частями предложения, на постепенное выстраивание подчинительных отношений. Завершается этот процесс формированием сложноподчиненных предложений различного типа (обстоятельственных и изъяснительных), в которые преобразуются обособленные обороты древних индоевропейских языков. З. К. Тарланов пишет: «А. А. Потебня предлагает в центр исторического синтаксиста поставить изучение, исследование *синтаксических тенденций*, действующих на протяжении длительных отрезков времени... Та или иная тенденция, возникающая в языке, приводит в движение значительные массы языковой системы, с разной степенью очевидности актуализируя ее» [Тарланов, 1995, с. 142—143].

Нам не всегда легко оценить влияние на становление нашего научного мировоззрения наших учителей и коллег, авторов прочитанных монографий и учебников. Однако можно сказать с уверенностью — пособие З. К. Тарланова открыло дверь в лингвистику многим из нас, доступное и увлекательное изложение помогло не заблудиться в разнообразных течениях и направлениях развития науки о языке.

СЛАВИСТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ XIX ВЕКА: ОБ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВИЧЕ ГИЛЬФЕРДИНГЕ

Историческая стилистика русского языка как учебная и научная дисциплина в XIX веке только начиналась. У ее истоков стояли прежде всего авторы многочисленных риторик и первых грамматических сочинений ломоносовских времен, которые обратили внимание на художественную сторону речи и языка, на те «украшательства», которые впоследствии станут предметом изучения филологов. Первым, кто громко заявил о присутствии в культурном поле науки этой новой дисциплины, был Ф. И. Буслаев. Вторая часть его классической книги «О преподавании отечественного языка» так и называлась «Материалы для исторической грамматики и стилистики»¹. В нее вошли «ономатика», «народный язык» и его история, «архаизмы» и их история, «стихии чужеземные» и «провинциализмы». Отдельно он ввел раздел «Изобразительные выражения», в котором писал: «Как отдельные слова в древнейшую эпоху носят на себе характер большей изобразительности, так и в целых выражениях мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, в *живом образе* (курсив наш. — О. Н.)»².

Представители разных филологических течений того времени так или иначе стремились воплотить в жизнь этот тезис Ф. И. Буслаева, быть может, не всегда на него полагаясь, но чувствуя свою привязанность к быту, языческой символической мифологии, поэзии, играм, разговорам и народным речениям... — словесному зодчеству языка. Отсюда всплеск работ и по исследованию русского фольклора, которые коренным образом изменили представление общества на роль «непросвещенного» народа в формировании высоких духовных традиций, в «гранесловии» языка. Наш народ, как показывали былины и сказания, достоин изысканной певческой культуры. Он воплотил удивительные образы, наполненные исторической героикой, — все то, с чем соприкасался обычный крестьянин, что любил и чем восхищался.

Эти предания старины во многом благодаря стараниям А. Ф. Гильфердинга и поколения подвижников-филологов XIX столетия теперь известны всем и составляют особую страницу богатого художественного наследия Русской Земли — коренную историческую стилистику.

В контексте нашей монографии данная проблема как своего рода экскурс в летописные страницы науки нам представляется небесполезной, а личность Александра Федоровича Гильфердинга (1831—1872) — певца народной культуры, слависта, борца за идею и неистового исследователя-походника — исключительной в русле формирования новых взглядов на филологические течения в XIX веке. Своей деятельностью он открыл горизонты изучения народной речи, обосновал ценность и необходимость включения таких фактов в историко-филологические исследования, а значит, расширял границы стилистики как науки об образности.

В каких же условиях проходило становление этой незаурядной личности?

XIX век в истории русской филологии дал не одно поколение ярких, самобытных ученых, чья исследовательская деятельность не ограничивалась только книжной академической карьерой, а была насыщена подлинными открытиями, добытыми в путешествиях по родной стране и за ее пределами. Славянский мир тогда, приходится с сожалением констатировать сейчас, был более тесно связан между собой узами общих традиций, общей веры и корнеслова языка. И непременно каждого талантливого ученого-филолога, особенно в России, в начале жизненного пути и много позднее сопровождала славянская стихия, в коей черпали они редкие образцы народного творчества, этнографии, диалектологии. В одном из писем И. И. Срезневскому А. Ф. Гильфердинг сочувственно писал: «Чехи и сербы (будишинские)

¹ См., например, издание: *Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие.* М., 1992. С. 192 и далее.

² Там же. С. 305.

приняли меня как родного»³. Удивительно (впрочем, почему?) здесь и то, что такую любовь и преданность русскому и славянскому просвещению проявлял человек нерусской крови, но воспринявший, подобно его соплеменникам Я. К. Гроту, В. И. Далю и многим другим, через изучение памятников народной словесности русский дух и живое влечение ко всему славянскому миру — без границ и остановок.

Александр Федорович Гильфердинг — из плеяды таких исследователей-славистов, для которого скитания по чужеземным странам и, как это ни парадоксально, в то же время по Олонецкому краю, были жизненной философией, своеобразным камнем преткновения судьбы. Ведь и уйти из жизни ему было уготовано вдали от столицы, в Каргополе, где он собирал местный фольклор.

А родился он в Варшаве 14 июля (по новому стилю) 1831 года. Его отец, Федор Иванович, работал директором дипломатической канцелярии при наместнике в Царстве Польском. Там же, в Варшаве, и юный Александр Гильфердинг провел свое детство и юность. Именно в эти годы способный и впечатлительный мальчик был окружен особым вниманием и заботой близких и несмотря на то, что потерял мать в раннем возрасте, был с исключительным тщанием воспитан и образован своим просвещенным отцом. Вот как об этом позднее вспоминали: «Трудно было встретить человека добрее и мягче Федора Ивановича. Все свойства своего доброго сердца старик, как бы целиком, передал единственному сыну и другу. Лучшие воспитатели и ученые <...> окружали Александра Федоровича, и мальчик, одаренный необыкновенными способностями, удивлял своими успехами, особенно в языках иностранных. Не говоря уже о славянских наречиях и о языках новейших: французском, немецком и английском: ими он владел как родным <...>»⁴. В 1848 году А. Ф. Гильфердинг поступает в Московский университет, где занимается под руководством виднейших ученых того времени — профессоров Бодянского, Шевырева, Григоровича, Соловьева и Коссовича. В 1852 году А. Ф. Гильфердинг окончил историко-филологический факультет Московского университета. Тогда же он сблизился с кружком славянофилов, особенно с А. С. Хомяковым, с которым у него сохранялись самые доверительные отношения всю жизнь. В изданной в 1878 г. переписке сохранились эпизоды лингвистической дискуссии двух ученых. Так, А. С. Хомяков писал А. Ф. Гильфердингу о своих находках: «Посылаю Вам труд свой (имеется в виду изданная позднее книга: *Хомяков А. С. Сравнение русских слов с санскритскими*. СПб., 1855. — *О. Н.*) <...>. Сравнил я с лишком тысячу слов санскритских с русскими <...>. Таким образом труд мой, как он ни недостаточен, <...> служит явным подтверждением теории, вами высказанной. Точно так же из него явно выходит, что язык славянский (такое написание у автора. — *О. Н.*) и русское его наречие суть остатки первичной формации <...>. Кажется, даже после беглого взгляда на прилагаемый мною список, ни один разумный и добросовестный филолог не усомнится поставить звуковое сродство языков санскритского и русского вне всякого сомнения с сродством других языков, даже эллинского, с санскритским <...>»⁵. Отчасти возможно и это славянофильское окружение определило взгляды А. Ф. Гильфердинга, сформировало его научное кредо и политические пристрастия.

В течение длительного времени и не однажды он бывал в славянских государствах, изучая историю, быт, язык местных народов. Но он не являлся только лишь филологом, потому что находился на ответственной государственной службе. В 1856 году А. Ф. Гильфердинга назначили русским консулом в Боснию и Герцеговину с резиденцией в Сараеве, где он пробыл три года. В это же время А. Ф. Гильфердинг написал ряд больших работ, некоторые из них вышли отдельными изданиями: «О сродстве языка славянского с санскритским» (СПб., 1853), «Об отношениях языка славянского к языкам родственным» (М., 1853), «Древнейшая история балтийских славян до Карла Великого, их быт и верования, общие их отношения к средневековой Германии» (М., 1855).

³ Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л., 1948. С. 5.

⁴ Александр Федорович Гильфердинг // Русская старина. № 10. 1872. С. 453 (без имени автора, в конце подпись: Ред.).

⁵ Цит. по изд.: Письма А. С. Хомякова к А. Ф. Гильфердингу // Русский архив. № 7. 1878. С. 367—368.

Следует вкратце остановиться на некоторых из указанных трудов. Напомним, что все они зарождались в эпоху прогрессивного становления научной базы языкознания и особенно его сравнительно-исторического направления. Несмотря на то, что в Европе и прежде всего в Германии уже были созданы фундаментальные труды в этой области, в России же за исключением А. Х. Востокова, молодого тогда еще И. И. Срезневского и немногих ученых еще не была «выкована» методология таких исследований. А. Ф. Гильфердинг это хорошо понимал. «Языковедение наука еще очень молодая. — Писал он. — Потому, хотя в продолжение 36-летнего* своего существования она сделала успехи огромные, однако до сих пор имеет значительные пробелы. Один из важнейших в ней пробелов составляет язык славянский»⁶. Важно, что в этой и других работах славистического цикла ученый выдвигает изучение родной ему стихии на первый план, обоснованно сетуя на то, что славянский язык «занимает последнее место»⁷. Вот как определяет свою задачу: «<...> никто еще не пытался обозреть весь запас языка славянского и подвергнуть его исследованию, какое требует современное состояние науки.

Пополнить несколько этот недостаток науки языка и, приняв за средоточие изучения язык славянский как совокупность всех славянских наречий со всем лексическим и грамматическим их богатством, указать настоящее его место в семье индоевропейских языков и тем самым определить его отношение к прочим языкам этой семьи [—] вот задача моего труда»⁸.

Задачу эту ученый решал прежде всего посредством проникновения в языковую систему древних языков. И главнейшее место из них, по А. Ф. Гильфердингу, принадлежит санскриту. Здесь автор формулирует свой исследовательский метод достаточно четко: «Только когда определится отношение яз<ыка> слав<янского> к санскр<иту>, можно будет приступить к изучению отношений его к другим яз<ыкам> и<ндоевр<опейским>. Однако и тогда мы не станем сравнивать их прямо с яз<ыком> слав<янским>, а будем, по возможности, возводить соответствующие явления рассматриваемых языков к *общей коренной их форме* (курсив наш. — О. Н.), которую большею частью предложит нам яз<ык> санскр<ит>. Следуя этому методу, мы узнаем, по каким путям разошлись сравниваемые языки, выделившись из первобытного единства, и каким законам они подчинились. Таким образом исследование мое не представит общего сближения яз<ыка> слав<янского> с прочими яз<ыками> и<ндоевр<опейскими>, а будет состоять из ряда монографий»⁹.

Стоит заметить, что в этом труде А. Ф. Гильфердинга, кроме собственно теоретической части, содержатся языковые соответствия в славянских языках и санскрите на фонологическом и лексическом уровнях. Часть их, увы, выдвигалась ученым интуитивно (но таково было развитие научных знаний по этимологии), но все они, даже ошибочные, заслуживают пристального внимания как один из первых самостоятельных опытов сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков (заметим попутно, что в России, пожалуй, только в 1870-е годы, с работ Ф. Ф. Фортунатова, наметилась строго научная тенденция исследования фонетики древних и новых языков — это был уже следующий этап в развитии отечественного языкознания). Приведем некоторые примеры из книги А. Ф. Гильфердинга:

Агньць ЦС. Агнець: aghna неприкосновенный, чего не должно убивать (М.).

<...>

Амбарь: ambaraĵatī собираю, коплю.

<...>

Барбора Слов. Старая дева (Срез.): barbarâ дура¹⁰.

* В 1816 г. берлинский ученый Бопп сделал первую попытку настоящей научной разработки языков, сравнил систему спряжения в яз. санскр., греч., латинском и готском (сноска с тексте книги А. Ф. Гильфердинга. — О. Н.).

⁶ Гильфердинг А. [Ф.] О родстве языка славянского с санскритом. СПб., 1853. С. 3.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 13—14.

А. Ф. Гильфердинг приводит и другие соответствия: изменение *a* в *ь*, *i* в *ь*, изменение порядка звуках и др. Выводы, приводимые в конце книги, подтверждают родство этих языков на уровне корнеслова и звукового состава.

«Об отношении языка славянского к другим родственным» — магистерская диссертация А. Ф. Гильфердинга, где он показал себя отличным знатоком европейской традиции исследования славистики XVII—XIX вв. Отдавая дань уважения первопроходцам в этой области — Джонсу, Юнгману, Боппу, Гримму, Гумбольдту и другим ученым, — А. Ф. Гильфердинг справедливо замечает: «Дело им предстояло великое: следовало разработать все то, что языки европейские имеют общего с санскритским и друг с другом»¹¹. Он особо указывает на заслуги Гримма. В книге снова выдвигается задача последовательного исследования славянских языков, определение происхождения живых языков западной Европы, исследование их грамматических характеристик. Много, конечно же, так и осталось в набросках... Его влекла иная, без стеснения можно сказать, великая идея — создание обширного труда под названием «История славян». И эта славистическая проблематика, ориентированная уже на исследование быта, культуры, верований, истории славянских народов, стала центральной на другом этапе его деятельности. Прежде чем мы коснемся этого, подведем некоторые итоги.

А. Ф. Гильфердинг написал и другие труды по сравнительно-историческому языкознанию: «Грамматику индустани (урду)» (СПб., 1899) с русско-индустани-английским словарем, издал «Общеславянскую азбуку с приложением образцов славянских наречий» (СПб., 1871).

Оценивая его лингвистические «штудии», особенно первые опыты, современники говорили о «большой начитанности и значительном историческом таланте»¹² А. Ф. Гильфердинга. Конечно, его методы нельзя назвать совершенными, а некоторые свои выводы он делал из славянофильских побуждений: «<...> надо было доказать, пишет А. Погодин, — что по строению своих форм славянский язык стоит выше всех»¹³. И все же нельзя забывать, что он жил в эпоху главенства западноевропейских теорий, когда русская наука только вступала в русло целенаправленного изучения языка (Отделение русского языка и словесности возникло лишь в 1852 г.). И все же даже с позиции современных достижений в этой области и новых фундаментальных трудов по славянскому языкознанию мы не можем не говорить об *исключительной* роли А. Ф. Гильфердинга в решении ряда актуальных проблем. Тем печальнее, однако, звучат слова одного из наших исследователей, А. И. Баландина, считающего, в частности, что «лингвистические труды Гильфердинга *не представляют сколько-нибудь научного интереса* <...>» (курсив наш. — О. Н.). Далее он же замечает: «Академически спокойное изложение материала, весьма далекого от злободневных вопросов современности, сочеталось в трудах Гильфердинга с их определенной полемической направленностью»¹⁴.

И все же здесь нельзя не привести еще одно высказывание, процитированное А. Ф. Гильфердингом в статье «О филологической деятельности покойного А. С. Хомякова». Как кажется, в нем и было выражено «лингвистическое кредо» самого Александра Федоровича, страстно желавшего доступными ему способами изучать строй родного языка. Это своеобразный призыв, назидание потомкам: «Господи! Хотя бы мы свою грамматику поняли! Может быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни и то, что для нас нет тех болезней, которыми страдает Европа, а свои, и что вся система питания, лечения

¹¹ Гильфердинг А. [Ф.] Об отношении языка славянского к языкам родственным. Исследование А. Гильфердинга. М., 1853. С. 5—6.

¹² Бестужев-Рюмин К. Н. [Гильфердинг Александр Федорович] // Энциклопедический словарь. Т. VIIIа. Издатель: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. С. 685.

¹³ Погодин А. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». Т. XIV. 7-е изд., перераб. М., б. г. Стлб. 552

(7-е изд. вышло без указания года выпуска многих томов).

¹⁴ Баландин А. И. А. Ф. Гильфердинг — собиратель былин на Севере // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983. С. 6.

и, следовательно, общественной жизни должна быть *своя* (курсив наш. — *О. Н.*). Много, много практической науки в науке отвлеченной»¹⁵.

Следующий этап научной деятельности А. Ф. Гильфердинга был сконцентрирован на исследовании истории и этнологии славянских народов. Особой известностью пользовались его очерки «Исследования о балтийских славянах», опубликованные в течение 1854—1855 годов в журнале «Москвитянин». Это было начало задуманной им крупной работы по истории всего славянского мира. Академик К. Н. Бестужев-Рюмин писал: «Для этого сочинения он перечел все источники, в которых он надеялся найти что-либо важное для своей цели. Сочинение осталось неоконченным»¹⁶. Интерес ученого распространялся не только собственно на славянские народы, но и на выяснение причин их ухода с коренных земель, на воскрешение исторического хода событий в древние времена и т. д. Он объясняет свою задумку следующим образом: «Балтийское поморье, от Вислы до Эльбы, прежде занято было славянами; теперь там живут немцы. Каким образом тут столкнулись эти два племени, как они воевали и как славяне, влекомые к падению какою-то роковою силою, погибли в четырехвековом храбром бою и немцы остались одни в покоренной стране, вот предмет сего рассказа. Предмет близок нам и важен: балтийские славяне были братья русского народа, они имели великое значение в общей истории славян. Есть притом много поучительного в их судьбе: ибо не одна только внешняя сила и случайность погубила их; сильнее оружия германцев действовало внутренне зло, искажение коренных начал славянской жизни»¹⁷. Перу ученого принадлежат многочисленные книги и публикации по этой проблематике: «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1859), «Венгрия и славяне» (1860), «Чем поддерживается православная вера у южных славян» (1860). Несмотря на подвижническую «полевую» работу, которая все же несколько отдаляла А. Ф. Гильфердинга от кабинетных занятий современников, в его трудах есть немало и «книжных» открытий, за что он, в частности, и был избран в 1856 году членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Позднее, в 1867 г, когда образовалось петербургское отделение славянского благотворительного комитета, А. Ф. Гильфердинг стал его председателем.

Во время славянского возрождения и движения за независимость А. Ф. Гильфердинг не стоял в стороне от насущных проблем братских народов, выступая в периодической печати со статьями полемического характера: «О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 г. Письмо к А. И. Кошелеву» (1856), «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. Письмо к А. И. Кошелеву» (1856), «О всеславянском словаре г. Шумавского. Письмо к А. С. Хомякову» (1857), «Письма об истории сербов и болгар. Период второй. 976—1019» (1859) и др.

В 1858 году А. Ф. Гильфердинга избирают действительным членом Императорского Русского географического общества, а в 1870 году он становится председателем его этнографического отдела. Есть свидетельства о том, что находясь на посту председателя Петербургского отделения Славянского комитета (с 1867 года), он постоянно помогал студентам из славянских стран. Тогда же, в 1860-е годы, им был задуман обобщающий труд по истории славян, который, однако, он не успел закончить (вышел только раздел «Древнейший период истории славян», 1868).

Немало времени А. Ф. Гильфердинг уделил и изучению русской диалектной культуры, языка ее северных ареалов. Данному вопросу он посвятил последние годы своей жизни. И именно эту часть его научной биографии еще современники называли *подвигом*. Так, в начале 1870-х годов он отправился с целью записи былинного творчества в Олонецкую губернию и собрал там богатейший «природный» материал: более 300 былин, ценные этнографические и диалектные материалы. Они, собранные воедино под заголовком «Онежские былины», начали выходить посмертно (1-е изд. СПб., 1873), а полное комментированное изда-

¹⁵ Гильфердинг А. [Ф.] О филологической деятельности покойного А. С. Хомякова // Русская беседа. Т. 2, кн. 20. 1860. С. 54.

¹⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Указ. соч. С. 685.

¹⁷ Гильфердинг А. [Ф.] История балтийских славян. Ч. 1. Репринтное издание. М., 1994. С. 13.

ние в 3 т. было осуществлено только в 1949—1951 годах. Один из знатоков русской этнографии акад. А. Н. Пыпин так написал об этом собрании А. Ф. Гильфердинга: «Освещенный любопытной картиной местного быта, записанный с гораздо большей точностью, сборник Гильфердинга производил ...еще более сильное впечатление, нежели книга Рыбникова»¹⁸.

Кроме собственно славистической проблематики и фольклорных «штудий», А. Ф. Гильфердинг увлеченно и серьезно занимался вопросами индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, проблемами влияния тюркских языков на славянские, изучал язык древнейших памятников письменности. В этой связи отметим его работы: «О Кирилле и Мефодии и тысячетней их годовщине» (М., 1862) и некоторые другие.

А. Ф. Гильфердинг состоял в дружеских отношениях с видными филологами, философами и общественными деятелями того времени: И. И. Срезневским, А. С. Хомяковым, И. С. Аксаковым, И. И. Паплонским, В. А. Мацеевским и др. На смерть ученого прогрессивная научная общественность откликнулась многочисленными некрологами и воспоминаниями. Авторы одного из них, братья Аксаковы, в частности, писали: «Сколь уже было дано и совершено им одним на всех разнообразных поприщах его кратковременной жизни, что этого дела достало бы на заслугу многим, и многие тем бы и удовлетворились; но не в природе Гильфердинга было ослабевать и успокаиваться <...>. Он не был художником слова; для него — человека науки и мысли — русская речь служивала по преимуществу средством для объяснения истин исторических, этнографических, политических <...>»¹⁹. В его работах современники отмечали «ясность изложения, трезвость взгляда и изящество языка» (К. Н. Бестужев-Рюмин). Этому гармонировала и сама личность А. Ф. Гильфердинга — «самого мирного и изящного» человека. Среди его почитателей были и духовные особы, сочувственно относившиеся к его общественной и научной деятельности. Архимандрит Хрисанф, ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии при совершении печального обряда произнес такую речь: «Это был служитель науки, знания. Всякое знание есть нравственная сила, движущая человека по пути к совершенству. Таково оно и пред христианским Богом, который есть Бог “разумов”. <...> Но почивший собрат наш служил своему делу и призванию не одним научным трудом. Много значит его литературная деятельность, но далеко не все. Он любил свое призвание, говоря словами писания: “Не словом, ниже языком, но делом и истинною”»²⁰.

Научная работа А. Ф. Гильфердинга, прежде всего в области славянского просвещения, оказала большое влияние на самосознание славян и была направлена на духовное сближение русского и славянских народов. В его деятельности были совмещены и воплощены в реальные труды большие знания филолога, этнографа, историка, публициста и государственного деятеля, преданного своей стране и отдававшего все силы для ее процветания.

¹⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891. С. 221. Подробнее анализ работ А. Ф. Гильфердинга по фольклору см.: Азбелев С. Н. Александр Федорович Гильфердинг // Смирнов С. В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII — начала XX в. : справочное пособие. М., 2001. С. 151—160.

¹⁹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. М., 1981. С. 256.

²⁰ Александр Федорович Гильфердинг // Русская старина. № 10. 1872. С. 468—469.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

З. К. ТАРЛАНОВА¹

Диссертации, монографии, учебники, учебные пособия

1. Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII столетия (На материале языка басен и комедий) : дис. ... канд. филол. наук. — Ленинград, 1963. — 375 с.
2. Синтаксис русских пословиц: дис. ... д-ра филол. наук. — Петрозаводск, 1970. — 858 с.
3. Методы и принципы лингвистического анализа: Синтаксис. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1979.
4. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1981. — 104 с.
5. Очерки по синтаксису русских пословиц. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. — 136 с.
6. Поэтика слова. — Петрозаводск : Карелия, 1983. 128 с. Рец.: *Либерцева В.* Проблемы художественного слова // Север. — 1985. — № 9. — С. 117—119.
7. Язык и культура. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1984. — 105 с.
8. От слова — к образу. — Петрозаводск : Карелия, 1988. — 136 с.
9. Методы и принципы лингвистического анализа: Лексика, словообразование, морфология, фонология. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1988. — 84 с.
10. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. — 221 с.
11. Агулы: Их язык и история. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. — 288 с. Рец.: *Алексеев М. Е.* Вопросы языкознания. — 1995. — № 5. — С. 152—156.
12. Методы и принципы лингвистического анализа. Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — 189 с.
13. Основные тенденции в динамике синтаксиса простого предложения в русском языке XI—XVII вв.: Серия: Научные доклады. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. — 16 с.
14. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. — Петрозаводск, 1999. — 207 с. Рец.: *Черепанова О. А., Акимова Г. Н.* Филологические науки. — 1999. — № 5. — С. 120—124.
15. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. — Петрозаводск, 1999. — 448 с.
16. 100 агульских пословиц с переводами на русский язык и толкованиями. — Петрозаводск, 2000. — 56 с.
17. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. — 241 с.
18. Язык мой — друг мой или враг? — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2003. — 75 с.
19. Агульские песни и пословицы. — Петрозаводск, 2003. — 131 с.
20. Избранные работы по языкознанию и филологии. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2005. — 784 с.
21. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — 480 с. Рец.: *Мр. Светлана Терзич.* Новый учебник по синтаксису русского языка (*Тарланов З. К.* Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — 480 с.) // Сборник Радова. година 10, броо 8, Учительски факултет. Критике и прикази. — Ужице : Универзитет у крагујевцу, 2007. — С. 334—336. Автор удостоен звания лауреата и диплома конкурса на лучшую книгу 2007 года, организованного Фондом развития отечественного образования. — Сочи, 2008.
22. Динамика в развитии и функционировании языка. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — 536 с.
23. Введение в судебную лингвистику : учебное пособие. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — 122 с.
24. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. — 275 с.
25. Юридическая лингвистика : учебное пособие. — Москва : Высшее образование, 2020. — 180 с.
26. Методы лингвистического анализа : учебник. — Москва : Высшее образование, 2020. — 236 с.

¹ Составитель А. А. Лебедев. Работы представлены в каждом из двух разделов согласно хронологическому принципу.

27. Синтаксис русского языка: университетский курс : учебник. — Москва : Высшее образование, 2020. — 389 с.

Статьи, материалы докладов

1. Наблюдения над инфинитивными предложениями в составе сложного целого (На материале языка басен и комедий XVIII века) // Вестник Ленинградского университета. — 1963. — № 8, вып. 2. — С. 105—115.
2. Синтаксические границы инфинитивных предложений // Вопросы изучения русского языка. — Ростов-на-Дону, 1963. — С. 63—65.
3. Об обороте «быть + другой инфинитив» в русском языке // Вестник Ленинградского университета. — 1964. — № 2, вып. 2.
4. Инфинитивные предложения с частицами *бы*, *было*, *кабы* в русском языке XVIII века // Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук. — Махачкала, 1964.
5. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Ученые записки Карельского пединститута. — Петрозаводск, 1964. — Т. XVI. — С. 126—138.
6. Функции союзов *а* и *да* в языке русских пословиц // Ученые записки Карельского пединститута. — Петрозаводск, 1967. — Т. XVII.
7. К изучению синтаксиса русских пословиц (Заметки о форме сказуемого) // Вестник Ленинградского университета. — 1967. — № 8. — С. 140—143.
8. Об отграничении односоставных предложений с однородными главными членами от сложных предложений // Русский язык в школе. — 1968. — № 2. — С. 89—91.
9. Бессоюзные сложные предложения со значением обусловленности в языке русских пословиц // Ученые записки Карельского пединститута. — Петрозаводск, 1968. — Т. XXII.
10. К вопросу о сегментированных конструкциях в русском языке // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Петрозаводск, 1969. — Т. 366.
11. К вопросу о неполных предложениях в русском языке // XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. — Ленинград, 1970.
12. Изучение истории русского языка в Карелии (в соавторстве с Л. В. Савельевой) // Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти: Ученые записки Петрозаводского ун-та им. О. В. Куусинена. — Петрозаводск, 1970. — Т. XVI, вып. 4.
13. К вопросу о парадигматике обобщенно-личных предложений в современном русском языке // Вопросы грамматики русского языка. — Ленинград, 1971.
14. К 170-летию со дня рождения В. И. Даля // Север. — 1971. — № 10.
15. Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения? // Филологические науки. — 1972. — № 3. — С. 86—91.
16. К истории изучения и определения пословицы // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Петрозаводск, 1972. — Т. 467. — С. 69—106.
17. Языковая норма и словообразовательный анализ // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 года). — Самарканд, 1972. — С. 146—151.
18. О термине «предложение» (К вопросу о формальных соотношениях между простым предложением и предикативным единством в составе сложного целого) // Вопросы филологии : сборник трудов. К 70-летию со дня рождения профессора А. Н. Стеценко. — Москва, 1974. — С. 181—188.
19. К вопросу о соотношении общерусских и диалектных черт в синтаксисе русских пословиц // Севернорусские говоры. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1975. — Вып. 2. — С. 180—186.
20. К проблеме сочетаемости синтаксической семантики предложения с жанрами словесности (На материале русского фольклора) // Семантика языковых единиц. — Ленинград, 1975. — С. 142—146.
21. О парадигматическом описании предложения как одном из приемов синтаксического исследования // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. — Ленинград : Наука, 1975. — С. 72—75.
22. Синтаксические функции союзов *а* и *но* в языке Изборника 1076 г. // История русского языка. Вып. 1: Древнерусский период. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1976. — С. 157—164.
23. О морфемном составе и словообразовательной структуре слов, образовавшихся неморфологическим способом (в соавторстве с Л. В. Савельевой) // Актуальные проблемы русского словообразования, 2 : научные труды. — Ташкент, 1976. — Т. 174. — С. 173—180.
24. О синтаксическом статусе так называемого номинативного указательного предложения в русском языке // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. — Петрозаводск, 1976. — С. 116—120.
25. Особенности синтаксиса русских пословиц // Русская речь. — 1977. — № 4. — С. 56—59.
26. Опыт системного анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках // Вопросы языкознания. — 1977. — № 5. — С. 89—97.

27. К сравнительному изучению синтаксиса жанров (На материале русского фольклора) // Филологические науки. — 1977. — № 6. — С. 70—80.
28. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Язык жанров русского фольклора. — Петрозаводск, 1977. — С. 3—30.
29. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. — 1979. — № 1. — С. 63—74.
30. Реликтовые формы в коллекциях русских пословиц по записям XVII—XX вв. // Язык жанров русского фольклора : межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1979. — С. 50—74.
31. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания. — 1980. — № 3. — С. 69—79.
32. Волшебник слова // Русская речь. — 1981. — № 1. — С. 45—50.
33. Самобытнейший писатель земли русской (К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова) // Север. — 1981. — № 2.
34. О синтаксических архаизмах // Проблемы развития языка: Лексические и грамматические особенности древнерусского языка : межвузовский научный сборник. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. — С. 131—136.
35. О предмете исторического синтаксиса русского языка (К постановке проблемы) // Вестник Ленинградского ун-та. — 1983. — № 2. — С. 62—69.
36. О жанрово обусловленных функциях союза-частицы *и* в языке русского фольклора // Язык жанров русского фольклора : межвузовский научный сборник. — Петрозаводск, 1983. — С. 15—22.
37. Историзм как методологическая основа вузовского преподавания лингвистических дисциплин // Спорные вопросы русского языкознания: Теория и практика. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. — С. 29—34.
38. Текстобразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1985. — Т. 39. — С. 410—416.
39. К характеристике научно-исследовательского метода А. А. Потебни // Творча спадщина О. О. Потебні і сучасні філологічні науки (До 150-річчя з дня народження О. О. Потебні) : тези республіканської наукової конференції. — Харків, 1985. — С. 11—13.
40. Специфика языковых категорий в их отношении к мышлению (На материале русского и дагестанских языков) // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи. — Орджоникидзе, 1985. — С. 121—123.
41. Состав и структура обобщенно-личных предложений в языке русских пословиц // Язык русского фольклора : межвузовский научный сборник. — Петрозаводск, 1985.
42. Художественное постижение истории (О языке и образах исторических романов) // Север. — 1986. — № 4. — С. 100—110.
43. Методологический семинар в высшей школе как действенная форма повышения философско-теоретического и научно-профессионального уровня преподавателей // Актуальные проблемы методологии социального и естественнонаучного познания. — Петрозаводск, 1986. — С. 11—15.
44. Лингвистическая типология и некоторые вопросы преподавания русского языка в нерусской аудитории // Русский язык как средство интернационального воспитания : материалы Всесоюзной межвузовской научно-методической конференции 15—17 октября 1985 г. — Орджоникидзе, 1987. — С. 165—174.
45. Актуальные вопросы изучения языка русского фольклора // Филологические науки. — 1988. — № 2. — С. 14—19.
46. Предисловие // Язык русского фольклора : межвузовский научный сборник. — Петрозаводск, 1988. — С. 3—4.
47. О предложении типа *Ум — хорошо* в русском языке // Язык русского фольклора : межвузовский научный сборник. — Петрозаводск, 1988. — С. 5—14.
48. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 55—63.
49. Лексико-топонимические данные к этногенезу восточнолезгинских народов // Советская этнография. — 1989. — № 4. — С. 113—120.
50. К этимологии русского диалектного *абатур* — *обатур* // Закономерности языковой эволюции : тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. — Рига : Латвийский ун-т, 1990. — С. 130—131.
51. «Котлован»: История без конца // Север. — 1990. — № 5. — С. 152—160.
52. Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. — Ленинград : Наука, 1990. — Т. 43. — С. 143—147.
53. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка. — Петрозаводск, 1990. — С. 4—15.
54. О направлении сборника «Историческая стилистика русского языка» // Историческая стилистика русского языка. — Петрозаводск, 1990. — С. 134—136.
55. Некоторые вопросы и направления изучения языка русского фольклора // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания, часть первая. — Тамбов, 1991. — С. 19—22.
56. Заметки о синтаксисе гимнов русских баптистов // Язык русского фольклора. — Петрозаводск, 1992. — С. 81—95.

57. Тенденции в динамике глагольных наклонений в восточнолезгинских языках // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 96—105.
58. Типология синтаксических конструкций языка как реализация его стилистических потенциалов // Stylistyka. III. — Opole, 1994. — S. 143—152.
59. Процесс общения и содержательность языковых форм // Kształcenie porozumiewania sie. — Opole, 1994. — S. 89—93.
60. Язык и этнический менталитет // ЯЛИК: Язык. Литература. История. Культура. — Санкт-Петербург, 1994. — № 2. — С. 5.
61. О границах сложного предложения в русском языке // Вопросы языкознания. — 1995. — № 2.
62. Каринский Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Санкт-Петербург, 1995. — Т. 3. — С. 21—22.
63. Соболевский Алексей Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Санкт-Петербург, 1995. — Т. 5. — С. 15—17.
64. Синтаксис «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Санкт-Петербург, 1995. — Т. 4. — С. 293—296.
65. Якубинский Лев Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Санкт-Петербург, 1995. — Т. 5. — С. 282—284.
66. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — С. 5—12.
67. Синтаксис афоризмов Козьмы Пруткова (В сопоставлении с синтаксисом пословиц) // Язык русского фольклора. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1996. — С. 91—125.
68. Историческая стилистика в ее отношении к стилистике художественной речи // Письменник — мова — стиль : матеріали міжнародної наукової конференції 1996 г. — Мінск, 1996.
69. Исторический путь русского языка к мировому // Север. — 1996. — № 10. — С. 105—111.
70. О специфике исторической стилистики как отрасли филологического знания // Проблемы поэтики языка и литературы. Памяти Я. И. Гина. — Петрозаводск : Изд-во Карельского педагогического ун-та, 1996. — С. 25—28.
71. Структура предикатов в русских пословицах в записях XVII—XX вв. // Јужнословенски филолог, 52. — Београд : Српска Академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ, 1996. — С. 123—149.
72. Лексическая детерминированность как свойство архаического синтаксиса // XVII International Congress of Linguists. — Paris, 1998. Juli 20—25 1997. Abstracts. — P. 291.
73. Гносеологическое — мифологическое — сакральное в динамике языкового знака // Człowiek — dzieło — sacrum. — Opole, 1998. — С. 231—236.
74. Гениально просто и просто гениально: К 200-летию А. С. Пушкина // Север. — 1998. — № 7. — С. 138—144.
75. Агульский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств : энциклопедия : в 3 т. — Москва, 1998. — Т. 1. — С. 34—40.
76. Двусоставное предложение с безличным предикатом. Тенденция к выработке двухвершинного предложения. История двусоставного несогласованного предложения в русском языке // Атриум. Серия Филология № 1 '98 : межвузовский сборник научных статей / Международная Академия бизнеса и банковского дела. — Тольятти, 1998. — С. 48—53.
77. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. — 1998. — № 5. — С. 65—75.
78. Место и своеобразие исторической стилистики в парадигме историко-лингвистических дисциплин // Историческая стилистика русского языка / отв. ред. З. К. Тарланов. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. — С. 6—13.
79. Тенденция к абсолютизации субъекта в русском синтаксисе: номинативное предложение как ее реализация // Јужнословенски филолог LIV. — Београд, 1998. — С. 143—164.
80. О филологических традициях Ленинградского (Петербургского) университета // Вестник Северо-Западного отделения Российской Академии образования: Образование и культура Северо-Запада России. Вып. 4: Университет: Единство науки, образования и культуры. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 109—121.
81. Из истории русского именного предложения // Тверской лингвистический меридиан. — Тверь, 1999. — Вып. 2. — С. 129—142.
82. Пословица и афоризм // Традиция и литературный процесс. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. — С. 156—164.
83. Модели русского предложения в аспекте общей синтаксической типологии // V Международный симпозиум МАПРЯЛ: Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков : тезисы докладов (Белград — Ниш, 30 мая — 1 июня 2000 г.). — Белград, 2000. — С. 87—89.
84. «Север» в истории страны // Север. — 2000. — № 5—6. — С. 144—145.

85. Модели русского предложения в аспекте контрастивной синтаксической типологии // V Международный симпозиум: Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков : доклады (Белград — Ниш, 30 мая — 1 июня 2000 г.). — Београд, 2000. — С. 36—40.
86. Антропоцентризм и асимметрия в развитии типологии русского предложения // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. Серыя 1. 3(5), Лістапад. — Гродна, 2000. — С. 41—42.
87. К проблеме концептов в синтаксисе // Јужнословенски филолог, LVI/3-4. — Београд : Сербска Академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ, 2000. — С. 1169—1177.
88. Женский именник в русских былинах в контексте поэтики жанра и этно-языковой культуры // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX—XXI вв. — Воронеж, 2001. — С. 89—92.
89. Географическое пространство русских былин // Филологические науки. — 2001. — № 4. — С. 32—44.
90. Традиции и перспективы русской исторической филологии на рубеже XXI века // Русская историческая филология : доклады Всероссийской научной конференции памяти Н. А. Мещерского / отв. ред. Л. В. Савельева. — Петрозаводск, 2001. — С. 8—22.
91. Язык и поэтика фольклора: проблемы, итоги, перспективы // Язык и поэтика фольклора / отв. ред. З. К. Тарланов. — Петрозаводск, 2001. — С. 3—12.
92. Состав и функции женского ономастикона в былинах // Междисциплинарный семинар — 4: Интерпретация художественного текста. — Петрозаводск, 2001. — С. 80—84.
93. Развитие грамматической системы русского языка в XVIII столетии // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия : в 3 т. Т. I: Осьмнадцатое столетие. Книга первая. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2001. — С. 277—279.
94. Функционирование русского языка на Северо-Западе Российской Федерации // Мир русского слова. — 2001. — № 4. — С. 25—29.
95. Русский язык как фактор сплочения и культуросозидания в Евразии // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». — Владикавказ : Ремарко, 2001. — С. 23—29.
96. Номинативные предложения в истории русского языка // Тенденции развития русского языка : сборник статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / отв. ред. проф. В. И. Трубинский. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. — С. 176—203.
97. Заметки по типологии русских былин и «Калевалы» // Филологические науки. — 2002. — № 1. — С. 83—89.
98. Историко-культурные влияния и собственное имя // Проблемы региональной ономастики : материалы 3-й межвузовской научной конференции. — Майкоп, 2002. — С. 190—192.
99. Сравнительный ономастикон русских былин и «Калевалы» // Проблемы региональной ономастики : материалы 3-й межвузовской научной конференции. — Майкоп, 2002. — С. 193—194.
100. Именник русских былин // Русская речь. — 2002. — № 3. — С. 105—110.
101. Русский язык — фактор сплочения России // Русская речь. — 2002. — № 6. — С. 48—52.
102. Стиль — структура — функциональный диапазон языка // Стил, 1. — Баня-Лука ; Београд, 2002. — С. 33—44.
103. Грамматические способы объективации содержания высказывания как проявления этнического мировидения // Русский язык и межкультурная коммуникация в полиэтническом регионе : доклады Всероссийской научной конференции 3—4 октября 2002 г. — Махачкала, 2002. — С. 113—119.
104. Личное имя как знак этноидентификации и межкультурных контактов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. — Санкт-Петербург, 2003. — Вып. IV. — С. 25—31.
105. Кольван-богатырь и Пучай-река: Русский былинный изафет // Русская речь. — 2003. — № 5. — С. 98—101.
106. Типология предложения и модальные слова в истории русского языка в их системном становлении // Филологические науки. — 2003. — № 6. — С. 43—52.
107. Б. А. Ларин — ученый и человек // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2003. — С. 894—896.
108. Эпические ономастиконы как материал для изучения этнических культур // Язык русского фольклора : сборник научных трудов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. — С. 4—23.
109. Научный метод, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический аспекты теории формы слова Ф. Ф. Фортунатова // Научное наследие Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. — С. 5—15.
110. Les proverbes russes: statut et euude // Revue des etudes. Tome LXXVI (2005), fascicule 2—3. — P. 249—262.
111. Межъязыковой общелексический фонд как результат межкультурной коммуникации (На материале восточных и северокавказских языков) // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Международной

- научной конференции, г. Волгоград, 18—20 апреля 2006 г. : в 3 ч. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. — Ч. 1. — С. 66—70.
112. Перевод как художественный текст: сравнительный анализ двух переводов «Калевалы» // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 18—20 апреля 2006 г. : в 3 ч. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. — Ч. 2. — С. 154—160.
 113. Родительный неопределенного количества как один из системных факторов категории безличности в русском языке // Филологические науки. — 2006. — № 3. — С. 32—40.
 114. Пространственно-географические представления и структура собственного имени в эпических текстах как знаки этнических культур: к типологии эпических констант // *Gaucasus Philologif.* — 2006. — № 1. — С. 134—145.
 115. Типология предложения и модальные слова в истории русского языка в их системном становлении // Мысли о русском языке. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2006. — С. 29—42.
 116. Прославленный ученый и трибун культуры // Наука. Культура. Общество. К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева : сборник докладов на межотраслевом научном семинаре (29—30 ноября 2006 г.). — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — С. 11—22.
 117. Об объеме и признаках евразийских заимствований в русском языке // Материалы XXXV международной филологической конференции Санкт-Петербургского государственного университета. Вып.: История русского языка и культурная память народа. 13—18 марта 2006 г. / отв. ред. проф. О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург, 2006. — С. 154—157.
 118. О евразийских заимствованиях в русском языке // Русская речь. — 2006. — № 5. — С. 72—76.
 119. Содержательная и формально-языковая переключка как фактор стилистики // *Стил.* 5. — Београд, 2006. — С. 11—16.
 120. А. И. Соболевский как исследователь русских былинных имен // А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого) : тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 8—11 июня 2007 г.). — Москва, 2007. — С. 62—63.
 121. Современная русская лингвофольклористика // Лингвофольклористика на рубеже XX—XXI вв.: итоги и перспективы : сборник докладов на Международном семинаре (10—12 сентября 2007 г.) / отв. ред. проф. З. К. Тарланов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — С. 3—15.
 122. Гетерохронная содержательная и формально-языковая переключка как фактор стилистики // Язык и культура : материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора Л. В. Савельевой. — Петрозаводск : КГПУ, 2007. — С. 26—31.
 123. К проблеме происхождения инфинитивных предложений в русском языке // Филологические науки. — 2007. — № 4. — С. 60—68.
 124. Инфинитивные конструкции представления, их типы, функции и дистрибуция в русском литературном языке XVIII в. // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность» : сборник научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 342—354.
 125. Общевосточный лексический фонд и северокавказское концептуальное пространство (Типологические заметки) // Наследие как система ценностей: язык, культура, история / под ред. акад. Г. Г. Гамзатова. — Махачкала, 2007. — С. 112—133.
 126. Свободный язык свободных людей // Русская речь. — 2008. — № 4. — С. 49—51.
 127. Русский язык и свобода граждан и народов РФ // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык как важный социальный фактор объединения наций и народностей». — Владикавказ : СОГУ, 2008. — С. 6—12.
 128. Процессы глобализации и современные гуманитарные науки (Заметки на полях) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2008. — № 1 (91). — Июнь. — С. 112—117.
 129. Русский язык и развитие культур народов России // Русская речь. — 2008. — № 3. — С. 47—49.
 130. Наплыв американизмов и речевая культура // Русская речь. — 2008. — № 5. — С. 47—49.
 131. Принцип паритетности в двуязычии и многоязычии: мифы и реальность (на примере дагестанского ареала) // Филологические науки. — 2009. — № 6. — С. 71—75.
 132. «...Взор пронизывает густую завесу времени...» (к 260-летию со дня рождения А. Н. Радищева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2009. — № 8 (102). — С. 67—71.
 133. Состав и функциональное поле экспрессивно-оценочной лексики общевосточного фонда в агульском языке: опыт исследования и систематизации // Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков. — Махачкала, 2010. — С. 215—224.
 134. «Ненавистно-милые лица» оксюмороны и окказионализмы Н. С. Лескова // Русская речь. — 2010. — № 4. — С. 13—15.
 135. Феномен двуязычия: к определению природы и параметров // Русский язык за рубежом. — 2010. — № 1 (218). — С. 56—59.

136. К проблеме двуязычия и диглосии в истории русского средневековья // Филологические науки. — 2010. — № 4. — С. 67—76.
137. Русская речевая культура как трансэтнический феномен // Вопросы культуры речи : сборник. — Москва, 2011. — С. 58—66.
138. Предложение и наклонение (постановка проблемы применительно к дагестанским языкам) // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности : тезисы докладов III Международной научной конференции. Посвящается памяти лингвистов-дагестановедов проф. Т. Е. Гудава и проф. З. М. Магомедбековой. — Махачкала, 2012. — С. 215—217.
139. Язык и традиция в цивилизационной ментальности кавказских народов // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении : материалы Международной научной конференции, приуроченной к 85-летию академика Г. Г. Гамзатова. — Махачкала, 2012. — С. 532—555.
140. Проблема локативных падежей и локативы в агульском языке // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. — 2012. — № 1. — С. 10—23.
141. Заметки о русском литературном языке пушкинской поры // Русская речь. — 2013. — № 5. — С. 68—73.
142. Относительные прилагательные и абстрактные субстантивы в русском литературном языке XIX века (заметки о русском литературном языке пушкинской поры) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2013. — № 49. — С. 98—103.
143. К истории норм литературного языка пушкинского периода (род и число) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2014. — № 3. — С. 149—154.
144. Державин — «поэт величия» // Русская речь. — 2015. — № 3. — С. 3—10.
145. К этимологии агульских терминов родства // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : тезисы докладов V Международной научной конференции. — Махачкала, 2016. — С. 14—16.
146. К проблеме лексической детерминированности грамматики дагестанских языков // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : тезисы докладов V Международной научной конференции. — Махачкала, 2016. — С. 16—18.
147. Русский язык как фактор сплочения народов // Русская речь. — 2016. — № 3. — С. 39—45.
148. Интуиция и языковая норма // Русская речь. — 2016. — № 4. — С. 75—81.
149. Тип языка и структура субъектного пространства предложения // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2016. — № 2 (31). — С. 86—94.
150. Фразовые глаголы в синтаксисе дагестанских языков (на материале агульского языка) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2016. — № 3 (32). — С. 85—93.
151. Этноязыковая интуиция и языковая норма (на материале пушкинского периода в истории русского литературного языка) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2016. — № 4 (33). — С. 94—97.
152. «Работайте, братья» (о зарождении афоризма как нового языкового факта) // Русский язык в школе. — 2017. — № 1. — С. 52—55.
153. Принцип антропоцентризма в агульском именном словообразовании // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2017. — № 3 (36). — С. 110—114.
154. Слоговая структура и полисемия слова в аспекте генезиса и типологии языка // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2018. — № 1 (38). — С. 104—109.
155. Закон как текст // Русская речь. — 2018. — № 4. — С. 101—107.
156. Русская филология и российское общество (совместно с Е. З. Тарлановым) // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2020. — № 1 (26). — С. 38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Волошина Оксана Анатольевна*, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Демидов Дмитрий Гигорьевич*, доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй)
- Казаков Владимир Павлович*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Лебедев Александр Александрович*, кандидат филологических наук, Петрозаводский государственный университет
- Милославский Игорь Григорьевич*, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Никитин Олег Викторович*, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет
- Патроева Наталья Викторовна*, доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет
- Петрухина Елена Васильевна*, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Руднев Дмитрий Владимирович*, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Садова Татьяна Семеновна*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Черепанова Ольга Александровна*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Черняк Валентина Данииловна*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Шмелева Татьяна Викторовна*, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Научное электронное издание

**ВОПРОСЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ:
К 85-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗАМИРА КУРБАНОВИЧА ТАРЛАНОВА**

Редактор *О. В. Обарчук*
Оригинал-макет, электронная версия
и оформление обложки *Е. В. Лавреновой*

Подписано к изготовлению 10.12.2021.
1 CD-R. 1,7 Мб. Тираж 200 экз. Изд. № 69

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<https://petsu.ru>
Тел. (8142) 71-10-01

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
URL: press.petsu.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html
Тел./факс (8142) 78-15-40
nvpahomova@yandex.ru